

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SEMIOTIC STUDIES

Научный журнал

Том 1 • № 1 • 2021

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Тематика журнала:

- философия (09.00.00, специальности: 09.00.01, 09.00.08, 09.00.11, 09.00.13),
- социология (22.00.00, специальности: 22.00.03, 22.00.04, 22.00.08),
- литературоведение (10.01.00, специальности: 10.01.01, 10.01.08).

Журнал «Семиотические исследования. Semiotic studies» является периодическим научным изданием, освещающим вопросы общей семиотики и смежных дисциплин. Знак, знаковый процесс и его векторы, семантика, синтактика и прагматика как измерения семиозиса, материальное воплощение знака – это тематическое пространство публикуемых работ. Журнал ориентирован на междисциплинарный синтез теоретического и практического знания, осуществляемый в рамках философии, литературоведения и социологии.

Цель журнала – изучение, осуществление и популяризация семиотического подхода к исследованию реальности.

Задачи журнала – создание международного, междисциплинарного исследовательского пространства в терминах и моделях общей семиотики, актуализация классического наследия и апробация новых идей семиотической мысли, создание и применение семиотических схем анализа и интерпретации в философском, литературоведческом и социологическом знании.

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор

Нестеров А.Ю., д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

Тютелова Л.Г., д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

Депцова Т.Ю., канд. пед. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Контактная информация

e-mail: semiotic@ssau.ru, <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Издатель: Самарский университет

Центр периодических изданий Самарского университета
443086, Российская Федерация, Самара, Московское шоссе,
34, корп. 22 а, 312 б.

Корректура – *Ахматова И.В.*

Компьютерная верстка, дизайн – *Ахматова И.В.*

Информация на английском языке – *Шевченко В.Д.*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПН № ФС77-79678** от 27.11.2020 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Бизнес-модель: Финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+, Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

В оформлении обложки использованы художественные работы Карла Аймермахера

Подписано в печать 03.04.2021. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 15.

Тираж 200 экз. Заказ №

© Самарский университет, 2021

Редакционная коллегия

Аймермахер Карл, д-р филос. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

Аршинов В.И., д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

Барышников П.Н., д-р филос. наук, доц. (Пятигорский государственный университет, Пятигорск, РФ)

Бернюкевич Т.В., д-р филос. наук, проф. (Московский государственный строительный университет, Москва, РФ)

Бочаров В.Ю., канд. социол. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Вербер Нильс, д-р филос. наук, проф. (Зигенский Университет, Зиген, Германия)

Вольф М.Н., д-р филос. наук, доц. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, РФ)

Головко Н.В., д-р филос. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, РФ)

Дёмин И.В., д-р филос. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Дубровский Д.И., д-р филос. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

Лепский В.Е., д-р психол. наук, проф. (Институт философии РАН, Москва, РФ)

Липовецкий М.Н., д-р филос. наук, проф. (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США)

Лопичич Весна, д-р филос. наук, проф. (Нишский университет, Ниш, Сербия)

Малютина Н.П., д-р филос. наук, проф. (Университет Белостока, Белосток, Польша)

Мантарова А.И., д-р социол. наук, проф. (Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, София, Болгария)

Пёрцген Ивонн, д-р филос. наук, проф. (Бременский университет, Бремен, Германия)

Ристхаус Петер, д-р филос. наук, проф. (Хагенский заочный университет, Хаген, Германия)

Томашчикова Славка, д-р филос. наук, доц. (Университет им. Павла Йозефа Шафарика, Кошице, Словакия)

Христов И.А., д-р по социологии, проф. (Университет Паисия Хилендарского, Пловдив, Болгария)

Шольц Гунтер, д-р филос. наук, почётный проф. (Рурский университет, Бохум, Германия)

Ястреб Н.А., д-р филос. наук, доц. (Вологодский государственный университет, Вологда, РФ)

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

SAMARA
UNIVERSITY

Samara National
Research University

SEMIOTICHESKIE ISSLEDOVANIIJA

SEMIOTIC STUDIES

Scientific journal

Vol. 1 • no. 1 • 2021

Remit of the journal:

- **philosophy** (09.00.00, specialties: 09.00.01, 09.00.08, 09.00.11, 09.00.13),
- **sociology** (22.00.00, specialties: 22.00.03, 22.00.04, 22.00.08),
- **literature studies** (10.01.00, specialties: 10.01.01, 10.01.08).

The journal "Semiotic Studies" is a scientific periodical highlighting the issues of general semiotics and adjacent disciplines. The sign, sign process and its agenda, significs (semantics), syntactics and pragmatics as the measurements of semiosis, material realization of a sign – the research areas of the published papers. The journal is focused on the interdisciplinary synthesis of theoretical and practical knowledge implemented within the framework of philosophy, literature studies and sociology.

The aim of the journal is studying, implementing and promoting the semiotic approach to researching into the reality.

The objectives of the journal – developing the international, interdisciplinary research space in terms and models of general semiotics, maintaining the current state of the classical heritage and new ideas' testing of semiotic thought, developing and application of semiotic analysis and interpretation patterns in philosophical, literature and sociological knowledge.

All the articles undergo reviewing by the Antiplagiat program and double-blind peer-reviewing by the leading scientists in line with the remit and specialties of the journal.

Chief Editor

Nesterov A.Yu., Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Deputy Chief Editor

Tyutelova L.G., Dr. philol. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Executive editor

Deptsova T.Yu., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

E-mail: semiotic@ssau.ru, <https://journals.ssau.ru/semiotic>

Publisher: Samara National Research University, Center of Periodical Publications of Samara National Research University, room 312B(Б), building 22A, 34 Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Proofreading – *Akhmatova I.V.*

Computer layout, design – *Akhmatova I.V.*

Information in English – *Shevchenko V.D.*

The mass media registration certificate ПИ No. ФС77-79678 as of 27.11.2010 is issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Business model: Financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+, free price.

The Authors' articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

The art works by Karl Eimermacher have been used while creating the cover design.

Passed for printing on 03.04.2021. Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print. Print. sheet. 15.

Circulation 200 copies. Order No.

© Samara National Research University, 2021

Editorial board

Karl Eimermacher, Dr. philol. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)

Arshinov V.I., Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Baryshnikov P.N., Dr. phil. habil., Associate Professor (Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation)

Bernyukevich T.V., Dr. phil. habil., Professor (Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation)

Bocharov V.Yu., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Niels Werber, Dr. philol. habil., Professor (University of Siegen, Siegen, Germany)

Volf M.N., Dr. phil. habil., Associate Professor (Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Golovko N.V., Dr. phil. habil., Associate Professor (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation)

Demin I.V., Dr. phil. habil., Associate Professor (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Dubrovsky D.I., Dr. phil. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Lepskiy V.E., Dr. psych. habil., Professor (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Lipovetsky M.N., Dr. philol. habil., Professor (Columbia University, New York, USA)

Lopichich Vesna, Dr. philol. habil., Professor (University of Nis, Nis, Serbia)

Maliutina N.P., Dr. philol. habil., Professor (University of Białystok, Białystok, Poland)

Mantarova A.I., Dr. soc. habil., Professor (Institute of Philosophy and Sociology at Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)

Yvonne Pörzgen, Dr. philol. habil., Professor (University of Bremen, Bremen, Germany)

Peter Risthaus, Dr. philol. habil., Professor (Open University of Hagen, Hagen, Germany)

Tomashchikova Slavka, Dr. phil. habil., Associate Professor (University named after Pavel Yosef Shafaric, Koshits, Slovakia)

Hristov I.A., Dr. soc. habil., Professor (Plovdiv University "Paisii Hilendarski", Plovdiv, Bulgaria)

Gunther Scholz, Dr. phil. habil., Professor Emeritus (Ruhr University, Bochum, Germany)

Yastrebn N.A., Dr. phil. habil., Associate Professor (Vologda State University, Vologda, Russian Federation)

This is an open access content distributed in accordance with the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction via any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

Нестеров А.Ю. Семиотика как методология и онтология	6
Барышников П.Н. Метафорика феноменальных суждений и проблема социальной верификации	14
Ястреб Н.А. На границе функционализма и семиотики: два способа изменения функций и смыслов технических объектов	19

Литературоведение

Поздняков К.С. Элементы экспрессионизма в рассказе А.Грина «Серый автомобиль»	26
Белобратов А.В. Эпоха модерна: границы и поименования	33
Голубков С.А. Понятия «современное», «новое» и «своевременное» в литературном сознании 1920-х годов	42
Кораблёв А.А. Классика и современность в творческом сознании Михаила Булгакова	49
Моросеева Д.Д. Поэтика эпического театра Б. Брехта с точки зрения «кубистического принципа»	61
Полева Е.А. Самоидентификация героя в модернистском романе Лены Элтанг «Побег куманики».	70

Социология

Мантарова А.И. Пандемия COVID-19 и меры по ограничению ее распространения в Болгарии: последствия и выводы	78
Цветкова И.В., Иванова Т.Н. Дискурсивный анализ региональной идентичности молодежи (на основе эмпирических исследований в Тольятти)	91
Бочаров В.Ю. Дискурс-анализ сообществ американской рабочей молодежи в социальной сети Reddit	100

<i>Требования к оформлению статей</i>	114
---	-----

CONTENTS

Philosophy

Nesterov A.Yu. Semiotics as methodology and ontology	6
Baryshnikov P.N. Metaphorics of phenomenal judgments and the problem of social verification	14
Yastreb N.A. Between functionalism and semiotics: two ways to change the functions and meanings of technical objects	19

Literature studies

Pozdnyakov K.S. Elements of expressionism in the story of A. Green «Gray Car».	26
Belobratov A.V. Art nouveau period: borders and concepts	33
Golubkov S.A. The concepts «modern», «new» and «timely» in the literary consciousness of the 1920s	42
Korablyov A.A. Classics and modernity in the creative consciousness of Mikhail Bulgakov	49
Moroseeva D.D. Poetics of B. Brecht's epic theatre in terms of the cubist principle	61
Poleva E.A. Self-Identification of the character in the modernist novel by Lena Etlang «Pobeg Kumaniki»	70

Sociology

Mantarova A.I. Pandemic COVID-19 and measures to limit its spreading in Bulgaria: aftermaths and conclusions	78
Tsvetkova I.V., Ivanova T.N. Discourse analysis of young people regional identity (based on empirical research executed in Togliatti)	91
Bocharov V.Yu. Discourse analysis of the American working youth communities on the social network Reddit	100

<i>Requirements to the design and layout of articles</i>	114
--	-----

УДК 111+16

Дата: поступления статьи: 18.01.2021
 после рецензирования: 02.03.2021
 принятия статьи: 01.04.2021

А.Ю. Нестеров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
 E-mail: aynesterow@yandex.ru
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

Семиотика как методология и онтология

Аннотация: в статье формулируются категории общей семиотики: знак, значение, семиозис, слой и вектор семиозиса. Цель рассуждения – показать методологию семиотического исследования как такового, а общую семиотику – в качестве онтологии. Результат рассуждения заключается в демонстрации семиотического круга познания и деятельности, включающего в себя объекты восприятия как знаки чувственного восприятия, предметы рассудка как знаки языка и понятия разума как сложноорганизованные знаки рефлексии. Рецептивный и проективный векторы семиозиса вводятся в качестве прямого познания и рефлексивной деятельности соответственно. Переход от познания к деятельности – как интуиция, организованная в моделях афоризма, диалога или системы как философских изобретений в смысле И.И. Лапшина. Возникающая в интуиции проблема нового рассматривается как вопрос о трансформации конкретного семантического, синтаксического или прагматического правила в слое восприятия, рассудка или разума. Онтологический тезис, защищаемый в рассуждении, заключается в том, что с позиций общей семиотики объективно существуют не объекты, предметы или понятия, но правила семиозиса: поскольку условием возможности знаковой деятельности являются правила, поскольку правила составляют объективное незнаковое значение, извлекаемое семиотической рефлексией, постольку они являются тем, что объективно существует во взаимодействии среды и субъекта.

Ключевые слова: общая семиотика, семиозис, знак, значение, семиотический круг, философские изобретения.

Цитирование: Нестеров А.Ю. Семиотика как методология и онтология // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 1. С. 6–13.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00462 А.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Нестеров А.Ю., 2021** – доктор философских наук, доцент, исполнительный директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

A.Yu. Nesterov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
 E-mail: aynesterow@yandex.ru
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0670-9315>

Semiotics as methodology and ontology

Abstract: the article formulates the categories of general semiotics: sign, meaning, semiosis, layer and vector of semiosis. The purpose of the reasoning is to show the methodology of semiotic research as such, and general semiotics as ontology. The result of the reasoning is to demonstrate the semiotic circle of cognition and activity, which includes objects of perception as signs of sensory perception, objects of mind as signs of language and concepts of reason as complexly organized signs of reflexivity. The receptive and projective vectors of semiosis are introduced as direct cognition and reflexive activity respectively. The transition from cognition to activity - as intuition, organized via the models of aphorism, dialogue or system as philosophical inventions in the sense of I.I. Lapshin. The problem of the new that arises in intuition is considered as a question of the

transformation of a specific semantic, syntactic or pragmatic rule in the layer of perception, mind or reason. The ontological thesis supported in the reasoning is that objects, subjects or concepts are not entities, but the rules of semiosis from the standpoint of general semiotics. By virtue of the fact that the conditions for the possibility of sign activity are the rules, by virtue of the rules constitute an objective unsigned meaning extracted by semiotic reflexivity, insofar as they objectively exist in the interaction of the environment and the subject.

Key words: general semiotics, semiosis, sign, meaning, semiotic circle, philosophical inventions.

Citation: Nestrov, A.Yu. (2021), Semiotics as methodology and ontology, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 6–13.

Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00462 A.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Nesterov A.Yu., 2021 – Dr. phil. habil, Associate Professor, executive director of the Institute of Social Sciences and Humanities, head of the Philosophy Department, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение. Понятие знака

Невозможно воспринимать, рассуждать или выполнять какие-либо действия, не обращаясь с предметом восприятия, рассуждения или деятельности как со знаком. Никакой предмет никогда не существует сам по себе, в себе или для себя. Он всегда обозначает нечто, находящееся вне его, включен в систему предметов, задающую его конкретное место, даже существует в качестве предмета только потому, что употребляется в актах восприятия, коммуникации или деятельности как определённый знак. Это исходное положение вещей наглядно сформулировано в метафоре пещеры Платона, в мифе о богине Майе, набросившей на мир своё покрывало, в тысячах философских, литературных и кинематографических текстов вплоть до киберпанка, демонстрирующего иллюзорный и рукотворный характер человеческого универсума.

Знак – философская категория. Невозможно ответить на вопрос, что есть знак, не пользуясь знаками и знаковыми системами, не участвуя в процессах интерпретации и образования знаков. Поскольку невозможно выйти из процессов семиозиса, постольку определение знака, как правило, формулируется функционально или генетически. Знаком является то, что употребляется в качестве знака, системно связано с другими знаками, выполняет функцию обозначения.

«Средство, которое применяется или может применяться, чтобы познать действительность другой вещи, есть знак (*signum*), назначение знака – обозначаемое (*signatum*). Следовательно, знак – источник познания действительности обозначаемого..., между ними – знаковая взаимосвязь..., которая называется значением...» (Baumgarten 2004, p.71). Это формулировки А.Г. Баумгартена, предложенные им в «Метафизике» в 1739 году. Его ученик Г.Ф. Майер в «Попытке об общем искусстве истолкования» в 1756 году повторяет и дополняет эти определения: «Знак (*signum, character*) есть средство, через которое может быть познана действительность другой вещи. Вещь в той мере,

в какой её действительность познаётся из знака, называется обозначаемым (*signatum*), она называется значением знака (*significatus*), поскольку её действительность познаётся из знака. Следовательно, значение есть намерение знака, а знак – основание познания обозначаемой вещи» (Meier 1996, p. 7). Современное употребление термина «знак» восходит к статье «О смысле и значении» Г. Фреге 1892 г. (Фреге 2000), где значение знака определено как обозначаемый знаком предмет, а смысл знака – как системный способ данности значения. В XX в. понятия «семиозис» или «знаковый процесс», различие семантических, синтаксических и прагматических правил восходят к статье «Основания теории знаков» Ч.У. Морриса (Моррис 2001), обобщающей колоссальный теоретический базис как наследия Ч.С. Пирса, так и логического позитивизма (Nöth 2000). Общая идея репрезентационизма в его семиотическом выражении сформулирована Э. Кассирером в «Философии символических форм» как восхождение от «сферы чувственного восприятия к сфере созерцания, от созерцания к понятийному мышлению, а от него – к логическому суждению» (Кассирер 2002, т.1, с. 245).

Восприятие, язык, интеллект

Теория познания, будь она реалистского или конструктивистского толка, исходит из того, что первичные ощущения, возникающие в живом организме в ответ на то или иное внешнее раздражение и обрабатываемые затем сверхсложными алгоритмами живой материи, являются знаками, указывающими на те или иные положения дел в самом организме или за его пределами. Ощущения, превращаемые в процессе восприятия в объекты, существуют не сами по себе, но в качестве обозначений тех положений дел, что требуют учёта и внимания со стороны организма. За счёт рассудка или – в терминах XX в. – за счёт языка комплексы ощущений в качестве объектов обозначаются словами, предложениями или текстами. Язык опредмечивает ощущения чувственного

восприятия, которые объективируют те положения дел, что служат изначальным стимулом к взаимодействию внешнего и внутреннего в живом организме. Два слоя знаковых процессов – восприятие и язык – находятся в сложном взаимодействии, которое после Н. Кузанского (Кузанский 1979) выражается иерархией инстанций восприятия, рассудка и разума, связанных процедурой рецептивного или проективного обозначения.

В кантианской традиции всякое «явление» есть знак «вещи самой по себе», возможный за счёт пространства и времени как врождённых навыков восприятия. В модели общей семиотики распознаваемый средствами чувственного восприятия объект является способом задания объективно существующего значения, возможным благодаря имеющимся у организма навыкам распознавания. Любой воспринимаемый объект является смыслом некоторого иначе не доступного значения, где смысл – продукт конкретного организма, заданный его биологией и историей. Как можно видеть, семиотика полностью снимает противопоставление реализма и конструктивизма: минимальный семиотический треугольник, фиксирующий «явление», требует учёта значения как реальности среды, относительно которой осуществляется указание, так и механизмов формирования внутрисистемных способов задания значения, смыслов, посредством которых это указание осуществляется и вне которых оно просто невозможно.

Межсубъектный язык – наиболее изученный и ясно определяемый слой семиозиса. Проблема соотношения «слов и вещей» есть вопрос о соответствии двух систем кодирования: внутрисубъектных процессов познания и межсубъектных процессов коммуникации. Синтаксический аппарат естественного языка так же относится к обозначаемым посредством него явлениям чувственного восприятия, как и синтаксический аппарат восприятия – к обозначаемой среде объективной реальности. Знак языка в виде элемента алфавита или звука, слова, предложения представляет собой способ задания значения как воспринимаемого объекта. Для самых простых случаев употребления естественного языка, «протокольных предложений» (Stöltzner, Uebel 2006, р. LVI–LX), знак языка – это способ задания способа задания обозначаемого действительного положения дел. На уровне рассудка как межсубъектного языка существенную роль играют навыки означивания, правила употребления знаков в качестве знаков, прагматика семиозиса.

Невозможно естественнонаучными средствами объяснить, почему воспринимаемый объект «стол» задаётся языковым предметом «стол»: синтаксическая последовательность из четырёх букв русского языка каузально никак не связана с процессом работы нервной системы, формирующей эту пер-

цепцию. Тем не менее, мало кто ошибётся в эмпирической интерпретации в случае стола или аналогичных элементов базисной лексики. Знак естественного языка «стол» функционирует как обозначение формируемого восприятием образа стола в силу памяти, опыта, сформированной привычки, навыка применения этого слова. Извлечь этот навык сугубо из правил образования и преобразования знаков невозможно. Семантические и прагматические правила языкового знака обладают существенно большим количеством степеней свободы, нежели аналогичные правила знаков чувственного восприятия, это обстоятельство затрудняет естественнонаучный анализ феномена межсубъектного кодирования. Прагматика восприятия прошита в физиологическом аппарате восприятия, прагматика коммуникации свободно настраивается в процессах небологического наблюдения информации.

Взаимодействие семиозиса восприятия и семиозиса языка фиксируется разумом или интеллектом (*intellectus, Vernunft*). Всякий раз, когда возникает вопрос о том, как языковой предмет, сформированный в диахронии и синхронии культуры, соотносится с чувственно воспринимаемым объектом, сформированным физиологией *homo sapiens*, ответ на него возникает в анализе интеллектуального понятия. Разум – третий слой семиозиса, фиксирующий в «понятиях», «концептах» или «фантасмах» исторически и симультанно возникающие формы рефлексии, задающие объекты восприятия на фоне предметов рассудка. Общая семиотика, вводя интеллект как самостоятельный слой семиозиса, занимает в целом реалистскую позицию, восходящую к Платону, Августину, Ансельму, Декарту. Допущение «мира идей» или «врождённых идей» как конечного множества денотатов, доступных интеллекту и превращающих семиозис познания и семиозис деятельности в обозначение или осуществление тех или иных вневременных сущностей, позволяет в целом избавиться от бесперспективного схоластического поиска оснований рефлексии в языке и восприятии как таковых. Великие представители позитивной метафизики XX в. в том или ином виде разделяют реалистскую интерпретацию семиозиса. К.Р. Поппер допускает, наряду с «третьим миром» языка, существование четвёртого и пятого миров этики и эстетики (Поппер 2008) и таким образом заново открывает возможность вневременного анализа ценностей: теоретическая и практическая работа над понятиями как комплексами рефлексивных правил задания предметами объектов есть осуществление истины, добра и красоты. Ф. Дессауэр (Дессауэр 2017), разделяя сформулированный П.К. Энгельмейером (Энгельмейер 2013) подход к технике, формулирует идею «четвёртого царства техники» как мира «предустановленных

форм решений», из которого черпаются изобретения как способы решения практических задач. Технические решения осуществляют ценность «пользы»: интеллект функционирует как инструмент извлечения единственно верного в данных условиях решения, которое в режиме объективации как проективного обозначения выражается межсубъектным языком и осуществляется за счёт обработки в слое чувственного восприятия как новый объект.

Онтология и методология

Общая семиотика является онтологической доктриной, утверждающей знаковый характер любого рода объектов, предметов, понятий, процессов, состояний и положений дел, с которыми человек имеет дело. Теория познания и теория деятельности представляют собой комплексы знаковых процессов, так что невозможно ощутить, назвать, помыслить или осуществить такое положение дел, которое не было бы исполнением того или иного правила семиозиса. Это изначальное положение дел, фиксируемое и в мифологической картине мира, и у истоков античной философии, интуитивно влекущее требование найти неизменное основание изменчивого семиозиса. Что является неизменным в текучей воде, где «бытие» Парменида? Историко-культурным ответом является, например, миф о «необусловленном знании» в эпосе «Трипура Рахасья», об «Абстрактном Разуме, из которого возникает Космос, в котором он расцветает и в котором он растворяется, подобно отражениям в зеркале» (Трипура Рахасья 2015, с. 295). Историко-философским ответом – система Г.В.Ф. Гегеля, где «мир» как таковой есть продукт самосознания Абсолютной Идеи, возникающий в диалектическом движении от логики через природу к сознанию (Гегель 1974).

Эти ответы, равно как и сотни их литературных интерпретаций, утверждают неизменное бытие как порядок осуществления семиотических правил. Подлинно существуют лишь правила. Сложность этого онтологического тезиса лишь в том, что нигде в природе как таковой правила прямо не наблюдаются и не именуется, они выявляются разумом в акте самопознания через сопоставление объектов и предметов и фиксируются в исторической памяти, как правило, в языковой форме в виде абстрактных высказываний, лишённых непосредственного эмпирического значения. Знак в качестве значения может обозначить лишь знак – это открытие всеобщей герменевтики XVII века прямо говорит о том, что незнаковым знакового процесса является правило его осуществления. По этой причине, если смотреть на существующее глазами формальной логики, подлинно существующими оказываются лишь два денотата, истина и ложь. Изящное продолжение этого примера сфор-

мулировано Н. Луманом в виде системы бинарных кодов тех или иных сфер коммуникации культуры, где с позиции каждого отдельного кода существует или не существует лишь то, что им задаётся (Луман 2005).

Правила, правила для правил, правила для правил для правил – это предмет семиотики как онтологии. Здравый смысл и обыденное сознание имеют дело с объектами, предметами и понятиями как таковыми, фиксируя их преимущественно через реализацию семантического правила. Научное познание в модели Венского кружка как соединение чувственного восприятия и логического анализа языка стремится к выявлению синтаксических правил для объектов, предметов и понятий. Семиотическая онтология как новая попытка построения модели «единой науки» стремится к выявлению комплексов прагматических, синтаксических и прагматических правил познания и деятельности.

Методология как таковая является инструментом онтологического анализа, превращающим, в терминах Х. Вольфа, смутную «естественную онтологию» в точную «искусственную онтологию» (Wolff 2005, p. 51–53), позволяющим решать задачи, добываясь поставленной цели. История философии знает четыре глобальные цели, в снятом виде в качестве ценностей присутствующие во всякой деятельности: истина, добро, красота, польза. Это врождённые идеи или обозначаемые интеллектом денотаты, вокруг которых выстраивается семиозис познания и деятельности.

Стремление к истине является основанием эпистемологической рефлексии, формирующей исследовательскую активность. Стремление к добру создаёт этическую рефлексию, формирующую нормы деятельности; стремление к красоте – эстетическую, приводящую к нормам художественной самореализации. Стремление к пользе создаёт технику как форму истинностного удовлетворения желаний и потребностей. Семиотическая природа процессов познания и эстетической деятельности изучена чрезвычайно подробно, в сфере техники и этики сделаны лишь первые шаги, так что терминологический аппарат семиотики как таковой носит во многом эпистемический характер.

Собственно метод семиотического исследования заключается в том, чтобы всякое явление рассматривать как знак, выявлять его правила, определять слой и вектор семиозиса, находить базовую цель семиозиса. Если то или иное явление рассматривается в качестве знака, то оно: осуществляет семантическое правило (связывает смысл и значение индексальным, иконическим или символическим правилом обозначения), синтаксическое правило (обладает смыслом как исчислимым местом в системе знаков, является результатом обра-

зования и преобразования комбинаций элементов алфавита, аксиом или принятых предпосылок), прагматическое правило (интерпретируется в силу навыка, нормы или теории в качестве знака на некотором незнаковом фоне, включенного в синтаксическую систему и выполняющего функцию обозначения), материально воплощено (выражено в том или ином материальном субстрате, позволяющем реализовать прагматическое, синтаксическое и семантическое правила). Осуществление этих четырёх правил определяется слоем семиозиса: знаки чувственного восприятия (объекты), знаки рассудка (предметы), знаки разума (понятия) обладают не только различающимся материальным субстратом, но по-разному реализуют функции обозначения, выражения и применения (интерпретации в качестве знака). Знак «вода» как ощущаемая водная гладь, как слово «aqua» или запись H_2O , как рефлексивное соотнесение слова и ощущения включен не только в разные материальные среды, но и в разные прагматические, синтаксические и семантические ряды.

Различение слоёв семиозиса позволяет выявить референцию знака, возможности наложения синтаксических систем разных уровней, задающих знак, сложностное взаимодействие навыков применения знака. Определение вектора семиозиса позволяет осуществлять процедуры целеполагания и целереализации, дифференцируя задачи получения новой информации и использования имеющейся информации для создания новых положений дел. П.К. Энгельмейер остроумно отмечал, что в магии следует различать два случая: «когда красна девица гадает и когда она ворожит» (Энгельмейер 2010, с. 36). В психологических терминах это векторы субъективации и объективации, интериоризации и экстериоризации, в терминах Э. Кассирера это ситуация, когда один и тот же знак рассматривается либо как символ, либо как орудие труда (Шольц 2020). В терминах общей семиотики это рецептивный и проективный векторы. Полный круг семиотической деятельности сознания включает в себя три слоя, вектор семиозиса позволяет определить правило следования слоёв друг за другом. Рецептивный семиозис – это ситуация прямого познания, в которой объекты чувственного восприятия обобщаются в предметах рассудка: на первом шаге осуществляется восприятие, на втором – языковое схватывание, на третьем – категориальное обобщение средствами интеллекта. Идеальным результатом рецептивного семиозиса является понятие, сформированное индуктивным обобщением. Проективный семиозис – это ситуация косвенного познания или разумной рефлексии, в которой понятия конкретизируются рассудком и воплощаются в слое чувственного восприятия: на первом шаге осуществляет себя идея как продукт разума, на

втором – рассудочная конструкция идеи путём языкового выражения, на третьем – воплощение конструкции путём обработки физической материи.

Различение векторов семиозиса наследует противопоставлению индукции и дедукции, исторически оно возникает вместе с абдукцией как методом выдвижения объясняющих гипотез для проблематических суждений. Абдуктивный, или гипотетико-дедуктивный метод, или метод «проб и ошибок» исходит из примата проблемы над чувственными данными и готовыми теоретическими решениями. Проблема определяется в качестве неполноты и неопределённости знака того или иного слоя в рамках того или иного правила семиозиса (Нестеров 2020). «Пробное решение», гипотеза, разрешающая проблему, – это новая идея, озарение, откровение или прозрение, нуждающиеся в воплощении, то есть в проверке средствами языка и восприятия. Логика и методология науки разрабатывает правила абдукции, в то время как философия техники посвящает существенные усилия разработке правил акта технического творчества. «Трёхакт» П.К. Энгельмейера (Энгельмейер 2010, с. 103), три формообразующие способности человека у Ф. Дессауэра (Дессауэр 2017) позволяют увидеть проективный вектор семиозиса как обращение прямого познания, ведущего к созданию нового в каждом из слоёв знаковых процессов (Нестеров 2017).

Наиболее сложными вопросами при анализе векторов семиозиса остаются момент перехода от рецепции к проекции и момент новизны, возникающей в этом переходе. Традиционно переход от познания к действию фиксируется в понятии интуиции, различаются чувственная, рассудочная и интеллектуальная интуиция как уровни осознания комплексов правил, задействованных в этом переходе (Лосский 1995). Семантически интуиция маркируется потерей знаком прямого значения и обретением им косвенного значения в акте рефлексии. Классический пример – рождение философского непредметного языка в милетской школе: «вода» или «воздух» перестают обозначать ощущаемые объекты и начинают обозначать понятия, задающие онтологические модели «мира в целом». Синтаксически – осознанным учётом системы мест, через которые осуществляется предметное выражение, увеличением числа применяемых в этом выражении правил. После порождения философского языка милетцами количество предметных мест, через которые задаётся онтологическое основание сущего, не поддается учёту и требует кропотливого историко-философского анализа.

Прагматически – новым навыком использования синтаксиса не только в целях констатации текущих положений дел, но и в целях создания новых мест, через которые осуществляется задание существующих и несуществующих пока значений.

Теория творчества, как правило, подчёркивает, что акт интуиции свойственен человеку. Переход от познания к действию, связанный с пересборкой опыта, памяти и влекущий трансформацию того или иного правила семиозиса, – это повседневная рутинная практика, которая осознаётся в качестве таковой лишь в случае столкновения с радикально новыми правилами. Ситуации последнего рода переживаются как «откровение» или «озарение».

Рутинная интуиция преодолевается двумя путями: входящими значениями и рефлексивной переработкой понятий (теорий), обеспечивающих репрезентацию входящих значений. Поиск новых прямых ощущений и переживаний как стремление к новым объектам и предметам побуждает человека к путешествиям в физическом, литературном, ментальном мирах; поиск алгоритмов рефлексии – к философствованию, мистическому, духовному и научному поиску. Цель знания о знании в анализе интуиции – в осознании правилсообразности слоёв восприятия, рассудка и даже разума, в отчётливом понимании характера новизны, входящей с каждым актом интуиции в семиотический круг познания и деятельности.

Учитывание нового

Новое как таковое – это изменение семантического, синтаксического или прагматического правила семиозиса в слое восприятия, рассудка или разума, возникающее в прямом познании или рефлексивном техническом действии. В общей схеме семиотического круга можно выделить восемнадцать модельных способов осуществления нового, где в прямом познании сдвиги вызываются учитываемыми сознанием изменениями окружающей среды, а в проективной рефлексии – изменением применяемой сознанием теории репрезентации. Наиболее масштабные случаи последнего рода описаны И.И. Лапшиным как «философские изобретения» (Лапшин 1999). На фоне восходящей к В. Дильтею (Dilthey 1914) концепции сменяющих друг друга мировоззрений или картин мира идея философских изобретений позволяет с большей ясностью увидеть конкретно-исторический характер абстрактного мышления, его развитие и влияние на актуальное состояние науки и техники. «Афоризм», «диалог» и «система» как изобретения – это способы задания как теоретического мышления в целом, так и конкретных механизмов интуиции в частности.

Афоризм как первое философское изобретение позволяет сознанию создавать беспредметные предметы, то есть знаки рассудка (предложения языка), обладающие не сводимым к эмпирическим данным значением. А.Ф. Лосев приводит, например, анализ тавтологии, которую можно рассматривать в качестве одного из инструментов

афористического мышления (Лосев 1995). В афоризме появляется возможность зафиксировать наличие объективных структур рефлексии как чего-то, стоящего за лишённым эмпирики языком. В условиях этой первой формы задания интуиции проективный семиозис осознаётся как магия. Диалог, изобретённый в древней Индии и Греции и получивший новые неожиданные формы в христианской культуре Нового Времени, позволяет конкретизировать употребление неэмпирического языка, закрепить случаи его абстрактного употребления, сформулировать возможность вопрошания и тем самым осуществить идею субъекта как собеседника и партнёра. Открытие возможности диалога человека с природой у Ф. Бэкона и Г. Галилея на фоне ресурсов, извлечённых из диалога человека с самим собой и с другими людьми, создаёт основание для изобретения системы: «Systema est compendium, in quod multa congregatur» (Micaelismus 1653, p. 1053) или «единство многообразных знаний, объединённых одной идеей» (Кант 1994, с. 606). «Система» на протяжении последних четырёх веков оказалась тем способом задания интеллектуальной интуиции, который позволил создать схемы прямого и косвенного познания, определившие становление и развитие науки, а с конца XIX в. – схемы действия, определяющие развитие технологий. Модель правилсообразного круга познания и деятельности в общей семиотике – это один из результатов изобретения системы.

Кризис системы. Заключение

Глобальные цели семиозиса заключаются в обозначении и осуществлении незнаковых сущностей, учитываемых интеллектом: истины, добра, красоты и пользы. Это метафизическое и во многом теологическое утверждение, восходящее к Платону, которое общая семиотика не может не разделять, описывая структуры познания и деятельности. Обозначение и осуществление истины – это конкретизация понятий и их технических применений; добра – конкретизация норм и их реализаций; красоты – переживание и создание художественных объектов; пользы – понимание и решение проблем посредством исполняющих задачу технических объектов. Вся сумма частных актов деятельности, связанных с осуществлением той или иной осознаваемой смутно или отчётливо версии инобытия в ответ на так или иначе понятый вопрос или задачу, определяется системой теорий, на уровне семантики разума обозначающей эти «вневременные» и «внепространственные» денотаты.

Семиотическая онтология и методология не подразумевают этической нейтральности. Прогресс как рост сложности теоретически и практически учитываемых правил деятельности, как со-

здание новых искусственных сред жизни человека после 1945 года (Nesterov 2021; Nesterov 2020) влечёт кризис «системы» как исчерпание ресурсов, поставленных в распоряжение человека в результате изобретения экспериментального естествознания Галилеем. Выражение этого кризиса во многом связано с отказом от критического системного мышления, с распространением иррационализма, подменой онтологического и методологического анализа идеологическими ярлыками. Действительно, девиз постмодерна «мир есть текст» (Лиотар 1998) можно и нужно принять, если под «миром» понимать полученную рефлексией искусственную онтологическую модель, под «текстом» – предложения, как нечто, выраженное, ограниченное и структурное (Лотман 1998, с. 61–63), на том или ином языке в том или ином материальном субстрате, где язык – это объективно существующая сумма семантических, синтаксических и прагматических правил; если помнить, что текст как первичная или вторичная моделирующая система задаёт ту или иную внетекстовую реальность и, будучи отождествлённая с миром как таковым, она не может не задавать ту или иную версию «блага» Платона, пусть даже в форме его отрицания.

Тезис, повторяемый в этой статье, заключается в утверждении правил как того, что существует в качестве условия возможности семиозиса. Афоризм открывает человеку факт существования ненаблюдаемой реальности, диалог позволяет конкретизировать её в моделях субъекта и объекта, выйти в абстрактных построениях естественного языка и математики за пределы эмпирии, найти твёрдое основание эмпирической проверки неэмпирических теорий, система открывает двери для науки, техники и прогресса как такового.

Кризис системы как изобретения, выраженный в том числе в философском постмодернизме, свидетельствует о развёртывании нового философского изобретения, пока только контурно демонстрирующего новый уровень сложности семиозиса. Это изобретение среды, соотносимой с системой так, как последняя соотносится с диалогом, а тот в свою очередь с афоризмом. Познание сложности, анализ, учёт и применение навыков деятельности в условиях «среды» как нового уровня взаимодействия рецепции и проекции – задача семиотического исследования в ближайшие годы.

Библиографический список

- Baumgarten, A.G. (2004), *Metaphysik*, Jena, Germany.
- Dilthey, W. (1914), *Weltanschauung und Analyse des Menschen seit Renaissance und Reformation Abhandlungen zur Geschichte der Philosophie und Religion*, Leipzig, Germany.
- Meier, G.F. (1996), *Versuch einer allgemeinen Auslegungskunst*, Hamburg, Germany.
- Micraelisus, J. (1653), *Lexicon philosophicum terminorum philosophis usinatorum*, Jena, Germany.
- Nesterov, A.Y. (2021), Clarification of the Concept of Progress Through the Semiotics of Technology, Bylieva D., Nordmann A., Shipunova O., Volkova V. (eds), *Knowledge in the Information Society, PCSF 2020, CSIS 2020, Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 184, Springer, Cham, DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-65857-1_1.
- Nesterov, A. (2020), Technology as Semiosis, *Technology and Language*, 1(1), 71–80, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2020.01.16>.
- Nöth, W. (2000), *Handbuch der Semiotik*, Stuttgart, Weimar.
- Stöltzner, M., Uebel, T. (2006), *Einleitung der Herausgeber*, Wiener Kreis, Hamburg, Germany.
- Wolff, Ch. (2005), *Erste Philosophie oder Ontologie*, Hamburg, Germany.
- Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Москва: Мысль, 1974–1977.
- Дессауэр Ф. Спор о технике: монография / перевод с нем. А.Ю. Нестерова. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.
- Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т.3. Критика чистого разума. Москва: Чоро, 1994.
- Кассирер Э. Философия символических форм: В трех томах. Том 1. Язык. Москва; Санкт-Петербург: Ун. книга, 2002. 272 с.
- Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. Москва: Республика, 1999. 399 с.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Москва: Институт экспериментальной социологии, Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. 159 с.
- Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. Москва: Искусство, 1995. 320 с.
- Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. Москва: Республика, 1995. 400 с.
- Лотман Ю.М. Об искусстве. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1998. 704 с.
- Луман Н. Реальность массмедиа. Москва: Практик, 2005. 256 с.
- Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Степанов Ю.С. (сост.). Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 702 с. С. 45–98.
- Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 155 с.
- Нестеров А.Ю. Типы неопределённости в рецептивном и проективном семиозисе // Философия науки. 2020. № 2 (85). С. 28–44. DOI: <https://doi.org/10.15372/PS20200203>.
- Кузанский Н. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Об учёном незнании. Москва: Мысль, 1979. 488 с.

Поппер К.Р. Знание и психофизическая проблема: в защиту взаимодействия. Москва: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.

Трипура Рахасья. Древний трактат по философии Веданты. Москва: Свет, 2015. 400 с.

Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. Москва: Аспект Пресс, 2000. 512 с.

Шольц Г. Символы и орудия труда. Основы культуры у Шлейермахера и Кассирера // Пятые Лемовские чтения: сб. материалов Международной научной конференции памяти Станислава Лема / отв. ред. А.Ю. Нестеров. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. 466 с. С. 134–148.

Энгельмейер П.К. Теория творчества. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 208 с.

Энгельмейер П.К. Философия техники. Санкт-Петербург: Лань, 2013. 96 с.

References

Baumgarten, A.G. (2004), *Metaphysik*, Jena, Germany.

Dilthey, W. (1914), *Weltanschauung und Analyse des Menschen seit Renaissance und Reformation Abhandlungen zur Geschichte der Philosophie und Religion*, Leipzig, Germany.

Meier, G.F. (1996), *Versuch einer allgemeinen Auslegungskunst*, Hamburg, Germany.

Micraelisus, J. (1653), *Lexicon philosophicum terminorum philosophis usinatorum*, Jena, Germany.

Nesterov, A.Y. (2021), Clarification of the Concept of Progress Through the Semiotics of Technology, Bylieva D., Nordmann A., Shipunova O., Volkova V. (eds), *Knowledge in the Information Society, PCSF 2020, CSIS 2020, Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 184, Springer, Cham, DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-65857-1_1.

Nesterov, A. (2020), Technology as Semiosis, *Technology and Language*, 1(1), 71–80, DOI: <https://doi.org/10.48417/technolog.2020.01.16>.

Nöth, W. (2000), *Handbuch der Semiotik*, Stuttgart, Weimar.

Stöltzner, M., Uebel, T. (2006), *Einleitung der Herausgeber*, Wiener Kreis, Hamburg, Germany.

Wolff, Ch. (2005), *Erste Philosophie oder Ontologie*, Hamburg, Germany.

Hegel, G.W.F. (1974–1977), *Encyclopedia of the Philosophical Sciences*, in 3 vol., Mysl', Moscow, Russia.

Dessaujer, F. (2017), *Dispute about technology*, Izdatel'stvo Samarskoj gumanitarnoj akademii, Samara, Russia.

Kant, I. (1994), Critique of Pure Reason, *Collected Works in eight volumes*, vol. 3, Choro, Moscow, Russia.

Cassirer, E. (2002), *Language, Philosophy of symbolic forms*, in 3 vol., vol.1, Universitetskaja kniga, Moscow, St. Petersburg, Russia.

Lapshin, I.I. (1999), *Philosophy of Invention and Invention in Philosophy: An Introduction to the History of Philosophy*, Respublika, Moscow, Russia.

Lyotard, J.-F. (1998), *The Postmodern Condition, Institut jeksperimental'noj sociologii*, Moscow, Al-etejja, St. Petersburg, Russia.

Losev, A.F. (1995), *The symbol problem and realistic art*, Iskusstvo, Moscow, Russia.

Losskij, N.O. (1995), *Sensual, intellectual and mystical intuition*, Respublika, Moscow, Russia.

Lotman, Ju.M. (1998), *About art, in: The structure of a literary text*, Iskusstvo-SPb, St. Petersburg, Russia.

Luhmann, N. (2005), *The reality of the media*, Praxis, Moscow, Russia.

Morris, Ch.W. (2001), Foundations of the theory of signs, *Semiotics: Anthology*, Ju.S. Stepanov (ed.), Akademicheskij proekt, Moscow, Delovaja kniga, Ekaterinburg, 702 p., pp. 45–98.

Nesterov, A.Ju. (2017), *Semiotic Foundations of Technology and Technical Consciousness*, Izdatel'stvo Samarskoj gumanitarnoj akademii, Samara, Russia.

Nesterov, A.Ju. (2020 a), Types of uncertainty in receptive and projective semiosis, *Filosofija nauki*, no. 2 (85), pp. 28–44, DOI: <https://doi.org/10.15372/PS20200203>.

Nicholas of Cusa (1979), *About scholarly ignorance, Collected Works in 2 volumes*, vol.1, Mysl', Moscow, Russia.

Popper, K.R. (2008), *Knowledge and the Mind-Body Problem: In Defence of Interaction*, Izdatel'stvo LKI, Moscow, Russia.

Tripura Rahasya (2015), *An ancient treatise on the philosophy of Vedanta*, Svet, Moscow, Russia.

Frege, F. (2000), *Logic and logical semantics, collection of works*, Aspekt Press, Moscow, Russia.

Scholtz, G. (2020), Symbols and tools of labor. Fundamentals of culture in Schleiermacher and Cassirer, *Pjatyje Lemovskie chtenija: sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii pamjati Stanislava Lema*, A.Y. Nesterov (ed.), Samarskaja gumanitarnaja akademija, Samara, 466 p., pp. 134–148.

Jengel'mejer, P.K. (2010), *Creativity theory*, Knizhnyj dom «LIBROKOM», Moscow, Russia.

Jengel'mejer, P.K. (2013), *Philosophy of technology*, Lan', St. Petersburg, Russia.

Submitted: 18.01.2021

Revised: 02.03.2021

Accepted: 01.04.2021

УДК 165.42

Дата: поступления статьи: 20.01.2021
 после рецензирования: 05.03.2021
 принятия статьи: 01.04.2021

П.Н. Барышников

Пятигорский государственный университет,
 г. Пятигорск, Ставропольский край,
 Российская Федерация
 E-mail: pnbaryshnikov@pglu.ru
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0729-6698>
 Scopus Author ID: 55801548700
 WoS Researcher ID: F-8306-2015

Метафорика феноменальных суждений и проблема социальной верификации

Аннотация: в статье описываются базовые семантические принципы порождения феноменальных суждений. Феноменальные суждения здесь понимаются как языковые представления феноменальных свойств сознания и косвенные описания субъективного опыта, протекающие в приватном субъективном смысловом пространстве. Языковое представление в пропозициональной и концептуальной формах создает особую область метафорических связей, которые проходят процесс социальной верификации в ходе коммуникативного взаимодействия. Важнейшим компонентом феноменальных суждений является убеждение говорящего в наличии схожих свойств ментального содержания у реципиента. Механизмы возникновения феноменальных суждений не вполне ясны, в связи с чем междисциплинарный подход видится наиболее перспективным. В работе исследуются результаты методологических интерференций телесно-ориентированной парадигмы в когнитивных науках с аналитической философией сознания. Проблема феноменальных суждений является областью пересечения онтологии и семантики и требует всестороннего лингвофилософского исследования, шаг на пути к которому сделан в данной статье.

Ключевые слова: интероцепция, социальная верификация, феноменальное сознание, ментальное содержание, репрезентация, интерференция.

Цитирование: Барышников П.Н. Метафорика феноменальных суждений и проблема социальной верификации // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 1. С. 14–18.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Барышников П.Н., 2021** – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры исторических, социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», 357532, Российская федерация, г. Пятигорск, Ставропольский край, пр. Калинина, 9.

P.N. Baryshnikov

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk,
 Russian Federation
 E-mail: pnbaryshnikov@pglu.ru
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0729-6698>
 Scopus Author ID: 55801548700
 WoS Researcher ID: F-8306-2015

Metaphorics of phenomenal judgments and the problem of social verification

Abstract: the article describes the basic semantic principles of generating phenomenal judgments. Phenomenal judgments are considered as linguistic representations of the phenomenal properties of consciousness and indirect descriptions of subjective experience that occur in a private subjective semantic space. Linguistic representation in propositional and conceptual forms creates a special area of metaphorical connections that are involved to the process of social verification in the communicative interaction. The most important component of phenomenal judgments is the speaker's conviction that the recipient has similar properties of mental content. The mechanisms behind the emergence of phenomenal judgments are not entirely clear. In this case an interdisciplinary approach seems to be the most promising. The paper examines

the results of methodological interferences of the body-oriented paradigm in cognitive sciences with the analytic philosophy of mind (consciousness). The problem of phenomenal judgments is an interaction area of ontology and semantics and requires a comprehensive linguo-philosophical research, a step on the path to which this article is made.

Key words: interoception, social verification, phenomenal consciousness, mental content, representation, inference.

Citation: Baryshnikov, P.N. (2021), Metaphorics of phenomenal judgments and the problem of social verification, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 14–18.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Baryshnikov P.N., 2021** – Dr. phil. habil, Associate Professor, professor of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Pyatigorsk State University, Russian Federation, 9, Kalinin Avenue (Prospekt), Pyatigorsk, 357532, Russian Federation.

Для когнитивных наук характерно сводить познание к информационным процессам. При этом теоретико-методологические основания когнитивных наук исходят из двух противоположных посылок. В одних теориях утверждается, что интеграция информации и вычисление – достаточные условия для адекватной познавательной деятельности (вычислительная теория сознания хорошо согласуется с таким подходом.) В других теориях утверждается, что когнитивная система, перерабатывающая информацию, должна быть неотъемлемой частью среды, из которой данная информация поступает. В этом случае адекватное познание в виде информационной обработки есть не просто вычисление, а реакция на вызовы окружения. То есть то, что в философии принято называть разумом, может быть присущим бытию существа, но не бытию вещи. В современных когнитивных исследованиях авторы указывают на смещение «компьютерной метафоры» в сторону «биологоцентричных моделей» (Соловьев 2006).

М.В. Фаликман справедливо указывает на тот факт, что критические линии когнитивных наук в начале XXI в. стали точками роста (Фаликман 2012). При этом методологический кризис не преодолен в силу того, что эмпирическая модель, традиционная для американо-британского научного аналитизма, является нормой для большинства исследователей-когнитивистов.

Сегодня в некоторых работах последовательно развивается идея о наличии двух типов когнитивных пространств: индивидуального и коллективного (см. Карасик 2002; Карасик 2010; Coulter 1979; Freeman, Webster 1994). Коллективное когнитивное пространство – это тот способ организации знания, который позволяет объединить в разрозненные дискурсивные практики в коммуникацию определенной социальной группы. Относительно феноменальных свойств сознания коллективное когнитивное пространство обладает амбивалентными характеристиками: с одной стороны, сообщество оказывает влияние на формирование индивидуального когнитивного пространства, навязывая культурные интерпрета-

тивные модусы; с другой стороны, коллективно когнитивное пространство формирует диалогический опыт, который становится базовым элементом в нарративных свойствах индивидуального сознания.

Индивидуальная концептуализация репрезентативных содержаний протекает в режиме «как если бы я об этом сказал» (пример клинических терминов боли представлен в списке Далленбаха (Шиффман 2003, с. 681)). Конфигурация индивидуального interoцептивного опыта наравне с опытом обладания сознанием уникальна и связана с качественными особенностями тела, психики, системой ценностей, особенностями когнитивного стиля и т.п. (Холодная 2004).

В данном контексте особую значимость приобретает идея переноса внешнего опыта на внутренний. Идея собственного существования, наличия в бытии тесно связана с концептом пространственно-временной локализации. Метафорика феноменальных суждений направлена на создание убеждения (ментального состояния) о релевантности индивидуального субъективного опыта. Один из основных принципов построения концептуальной согласованности состоит не в семантической интерпретации когнитивных схем, а в удачной или неудачной догадке по поводу намерения говорящего. Остается трудным вопрос о том, участвует ли при построении «догадки» содержательная часть интерпретаций.

С. Пинкер вполне правомерно говорит о мнемонических системах, которые участвуют в формировании шаблонных элементов речевого поведения (Пинкер 2014, с. 166). Важно подчеркнуть – перечень синтагматических шаблонов формируется социальным окружением, медиапространством, историческим дискурсом и т.д. Например, «метафорика власти выражается в таких ассоциациях, как отчуждаемая принадлежность (захватить власть), открытое пространство значительной протяженности (восхождение к власти), механизм (рычаги власти), живое существо (паралич власти), персонализация (капризы власти), объект вождения (домогаться власти)» (Карасик 2002, с. 235).

Коллективное когнитивное пространство становится средой для языковой авто-верификации сознания. Радикальный лингвистический детерминизм, очевидно, эмпирически не проверяем, но при этом трудно отрицать, что концептуальная картина мира, сформированная языком и коммуникацией, сообщает сознанию его онтологический статус, репрезентируемый через релевантное словоупотребление.

Тезис о влиянии общества и культурно-исторического контекста на язык, мышление и когнитивные процессы стал общим местом в социально-гуманитарных науках XX–XXI вв. Но при этом возникает методологическая путаница в некоторых понятиях, которую необходимо прояснить, чтобы более строго определить связи коллективного когнитивного пространства и феноменальных суждений.

Определим наше понимание терминов «коллективное когнитивное пространство» и «феноменальные суждения».

Под коллективным когнитивным пространством мы понимаем предписываемые сообществом модулы интерпретации опыта (как интероцептивного, так и экстероцептивного) посредством дискурсивных практик, языковых игр и т.д. При этом индивид способен субъективные когнитивные модели сделать нормой для коллективного пространства. Примером таких «предписаний» могут служить как научные открытия, так и художественные тексты культуры. Ярким примером могут служить цитаты из советского кинематографа, широко применимые в повседневном дискурсе.

Идея концептуально-семантической верификации подтверждается результатами, полученными в ходе подробного лингвоконцептологического анализа понятия «сознательность» (Карасик 2002, с. 199–221). Анализ словарных статей, посвященных данному термину, наглядно демонстрирует изменение когнитивной схемы в результате «миграции» социальных контекстов. Каждая историческая эпоха и сфера деятельности накладывает свои нюансы на представление о сознательности как о моральной характеристике человека. Приведем краткий список выражений, маркирующих те или иные «срезы» коллективного когнитивного пространства: сознательный возраст, сознательный выбор, сознательное отношение к труду, сознательность передовых рабочих масс, сознательный гражданин. Очевидны несколько лексикографических значений:

- 1) осознанность своих действий и вытекающая отсюда ответственность за них;
- 2) чувство долга, лежащее в основе такой осознанности;
- 3) следование идеологическим принципам морального поведения.

Миграция социального опыта является неотъемлемой частью концептуально-семантических процессов сознания. Миграция понимается здесь

как опыт перехода из одной картины мира в другую. Структурирующими элементами концептуальной миграции выступают табу, законы, традиции и т.п. (см. Касавин 1999). Ментальные состояния и «отчеты» по поводу собственного опыта (даже телесного) не могут избежать косвенной социальной оценки, адекватности и проверки на коммуникативную релевантность.

Необходимо ответить на вопрос, какие механизмы формируют феноменальные суждения, и как последние вовлекаются в разнообразные формы социально-взаимодействия.

Отметим, что феноменальные суждения мы понимаем более широко, чем в варианте Д. Чалмерса, опирающегося лишь на феноменальную теорию сознания. На наш взгляд, языковые свойства сознания тесно связаны с когнитивными процессами. Сама способность сознания порождать феноменальные суждения о сознании (не прибегая к языковой системе, но с помощью концептуализации опыта) уже выходит за рамки феноменально-квалитативного подхода. Так называемый «парадокс феноменальных суждений» состоит в том, что якобы должно существовать физическое или функциональное объяснение причин, по которым носитель сознания высказывается о состояниях этого сознания тем или иным способом. Таким образом само сознание объяснительно нерелевантно (Чалмерс 2013, с. 227). На наш взгляд, постановка вопроса о феноменальных суждениях без учета опыта языковой прагматики некорректна. Разумеется, результаты анализа состояний мозга не имеют ничего общего с природой квалитативных состояний сознания, т.к. содержательная сторона сознания никак не связана с каузальной замкнутостью физического мира.

Итак, феноменальные суждения – это языковые представления феноменальных свойств сознания, косвенные описания субъективного опыта, протекающие в самом сознании. Под языковым представлением мы понимаем не только пропозициональную форму, но и концептуальную. По сути, феноменальные суждения являются областью пересечения онтологии и семантики. Содержание этих суждений соотносится с концептуальной реальностью, формируемой в терминах этих же суждений. Уникальность работы сознания состоит в том, что в рамках феноменальных суждений реализуется перспектива как от первого, так и от третьего лица. Высказывание «ЛСД вызывает у меня причудливые ощущения цвета» (Чалмерс 2013, с. 223) является функциональным поведенческим актом, имеющим вполне очевидные материальные структурно-функциональные причины. Но содержание данного высказывания проявляется не в содержании пропозиции, а в инференциях, вытекающих из этого высказывания. Инференции (косвенные выводы) включают в себя всю онтологию субъективной реальности. Из ответов коммуникативной среды на феноменальные

суждения сознание извлекает подтверждение релевантности собственного содержания. Важнейшим компонентом феноменальных суждений является убеждение говорящего в наличии схожих свойств субъективной реальности у реципиента. В качестве примера можно привести классический принцип комического в комедиях ошибок, который строится на семантическом разрыве (semantic gap):

Городничий (немного оправившись и протянув руки по швам). Желая здравствовать!

Хлестаков (кланяется). Мое почтение...

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего...

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков (сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко). Да что ж делать? Я не виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

(Н.В. Гоголь «Ревизор»)

В пропозициональном выражении данный диалог представляется малосодержательным, но контекст, который был предварительно подробно представлен автором, наполняет каждую реплику емким содержанием. Семантический разрыв сокращается только тогда, когда Хлестаков понимает, «кем он является» в коллективном когнитивном пространстве («Мне кажется, однако ж, что они меня принимают за государственного человека»). Вместе с тем меняется тон, поведение, манеры, суждения.

Коллективное когнитивное пространство связано с феноменальными суждениями в языковых и концептуальных структурах. Порождение феноменальных суждений о свойствах сознания (каллитативный опыт, единство личности, осознанность и т.п.) требует наличия источника знаний о свойствах сознания (Argonov 2014, p. 56). Источником таких знаний является коллективное когнитивное пространство. Очевидно, должна существовать причинная связь между феноменальными суждениями и чьим-то сознанием (содержанием сознания Другого).

На наш взгляд, основными источниками знания для порождения феноменальных суждений являются телесность и знаковая коммуникация. Ключевым компонентом в функционировании сознания является постоянная конвертация содержания индивидуального субъективного опыта в перспективу от третьего лица (т.н. понимание для Другого). Без языковых процессов, без постоянного процесса семиозиса феноменальное сознание можно трактовать как поток каллитативных или функциональных (в случае с машиной) состояний, неких автоматических ответов на вызовы среды. Такое «сознание»

присуще многим сложным формам живой материи и искусственным интеллектуальным системам.

Д. Деннет приводит любопытные рассуждения о собаке, которая своим поведением вызывает ложные репрезентации у хозяина лишь затем, чтобы занять место последнего в кресле (Деннет 2003, с. 142). Значит ли это, что собака обладает интенциональностью второго порядка и способна каузировать собственное поведение в перспективе от третьего лица? «Когда X пытается вызвать в Y поведение, неадекватное реальному окружению или нуждам Y, но адекватное тому, что Y принимает за свою реальность или свои нужды, нам приходится приписывать X интенции второго порядка» (там же, с. 143).

Очевидно, что ответ отрицательный именно в силу отсутствия феноменальных суждений. В результате взаимодействия с хозяином у собаки вырабатывается система стимульных сигналов (иногда носящих сложный игровой эмоциональный характер), но не система знаков. У этих сигналов семантическая составляющая целиком и полностью зависит от интерпретативных процедур адресата, обладающего языком и сознанием, но не от четвертого адресанта. Таким же образом мимикрия в живой природе не является следствием намерения жертвы внушить хищнику ложные представления о носителе механизма мимикрии. Человеческое сознание, обладая знаковой (семантической) природой, пока единственное обладает механизмами для порождения феноменальных суждений, механизмами, преодолевающими разрыв между перспективами от первого и от третьего лица, между приватным и социальным, между интероцептивным и социальным видами опыта.

Механизмы возникновения феноменальных суждений не вполне ясны в силу того, что различные теоретико-методологические подходы по-разному понимают сами феноменальные суждения. В феноменальном подходе парадокс феноменальных суждений возникает вследствие объяснительной нерелевантности сознания (как в случае с геделевым предложением). Если допустить правомерность тезиса о существовании некоей общей семантической реальности, сочетающей субъективный каллитативный опыт с концептуальными системами культуры, то противоречие снимается.

В некоторых работах встречается термин «универсум возможного опыта» (Иванов 2007). Феноменальные суждения объясняются в терминах общей интенциональности по принципу «я так чувствую, потому что мы так говорим». Собственно, самоаттестация сознания и каузация поведенческих актов могут проходить в режиме «у нас так принято». Универсум возможного опыта – это своего рода «правила игры», в рамках которых реализуются механизмы порождения феноменальных суждений. Сознание будет определять собственные ментальные состояния в тех семантических границах, которые

определены личностным нарративом и социальной релевантностью дискурса. В этих границах формируется рекурсивный опыт, опыт обращения к себе (к собственным ментальным состояниям). Известно, что дети способны выводить феноменальные суждения, не опираясь на примеры: «возможно ли, что я чувствую красный цвет так, что он в моей голове выглядит как синий?». Объектом размышлений ребенка становятся его собственные ментальные состояния. Этот парадокс возможен только потому, что с рождения эти дети погружены в речевую среду, которая, с одной стороны, выступает переключателем между перспективами от первого и от третьего лица, с другой – является транслятором концептуальных схем, зафиксированных в семантике и синтаксисе языка. Если довести лингвоцентристскую позицию до радикальной точки, то не будет противоречивым допустить, что феноменальные суждения могут формироваться до сознательного опыта.

Подведем некоторые итоги наших размышлений. Несмотря на исключительную приватность качественного опыта, принципы его концептуализации опираются на социальные практики, в ходе которых протекает верификация прагматической релевантности. Важнейшей составляющей языковых процессов является подтверждение онтологической значимости сознания. Приватный опыт может считаться полноценным только при возможности построения перспективы от третьего лица. При этом наличие реального коммуниканта необязательно, достаточно смены нарративных планов. Телесность представляет собой базовый принцип субъективной интеграции, на котором строится концептуальная система личности. Метафоричность концептуальных связей в реализации дискурса создает единое семантическое поле, через содержание которого индивидуальное сознание «артикулирует» собственные ментальные состояния так, что они становятся коммуникативно значимыми.

Библиографический список

- Argonov, V. (2014), Experimental Methods for Unraveling the Mind-Body Problem: The Phenomenal Judgment Approach, *Journal of Mind & Behavior*, no. 1/2, vol. 35, pp. 51–70.
- Coulter, J. (1979), *The social construction of mind*, Rowman and Littlefield, Totowa, N.J., USA.
- Деннет Д. Условия присутствия личности // *Логос*, 2003. № 2, vol. 37. С. 135–153.
- Иванов Е.М. Онтология субъективного. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. 200 с.
- Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010. 422 с.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. Санкт-Петербург: РХГИ, 1999. 408 с.
- Пинкер С. Язык как инстинкт. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 495 с.
- Фаликман М.Ф. Предисловие // *Горизонты когнитивной психологии*. Отв. ред. Фаликман М. Ф.; Спиридонов В. Ф. Языки славянских культур. 2012. С. 7–16.
- Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 384 с.
- Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. Москва: УРСС, 2013. 512 с.
- Шифман Х.Р. Ощущение и восприятие. Санкт-Петербург: Питер, 2003. 928 с.

References

- Argonov, V. (2014), Experimental Methods for Unraveling the Mind-Body Problem: The Phenomenal Judgment Approach, *Journal of Mind & Behavior*, no. 1/2, vol. 35, pp. 51–70.
- Chalmers, D. (2013), *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*, Moscow, URSS (In Russian).
- Coulter, J. (1979), *The social construction of mind*, Rowman and Littlefield, Totowa, N.J., USA.
- Dennet, D. (2003), Conditions for the presence of a person, *Logos*, № 2, vol. 37, pp.135–153 (In Russian).
- Falikman, M.F. (2012), Preface, *Horizons of cognitive psychology* (eds. Falikman, M. F.; Spiridonov, V.F.), Moscow, Jazyki slavjanskikh kul'tur, pp. 7–16 (In Russian).
- Freeman, L.C.; Webster, C.M. (1994), Interpersonal Proximity in Social and Cognitive Space, *Social Cognition*, no. 3, vol. 12, pp. 223–247, DOI: <https://doi.org/10.1521/soco.1994.12.3.223>.
- Holodnaja, M.A. (2004), *Cognitive Styles. On the nature of the individual mind*, Publ. Piter, Saint-Petersburg, Russia (In Russian).
- Ivanov, E.M. (2007), *Ontology of the subjective*, Publ. «Nauka», Saratov, Russia.
- Karasik, V.I. (2002), *Language circle: personality, concepts, discourse*, Peremena, Volgograd, Russia.
- Karasik, V.I. (2010), *Linguistic crystallization of meaning*, Paradigma, Volgograd, Russia.
- Kasavin, I.T. (1999), *Migration. Creativity. Text. Problems of the non-classical theory of knowledge*, RHGI, Saint-Petersburg, Russia.
- Pinker, S. (2004), *Language as an instinct*, Editorial URSS, Moscow, Russia.
- Shiffman, H.R. (2003), *Feeling and perception*, Publ. Piter, Saint-Petersburg, Russia.

Submitted: 20.01.2021

Revised: 05.03.2021

Accepted: 01.04.2021

УДК 165

Дата: поступления статьи: 22.01.2021
 после рецензирования: 04.03.2021
 принятия статьи: 01.04.2021

Н.А. Ястреб

Вологодский государственный университет,
 г. Вологда, Российская Федерация

E-mail: nayastreb@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6635-6008>

На границе функционализма и семиотики: два способа изменения функций и смыслов технических объектов

Аннотация: статья посвящена анализу практик и способов изобретения новых функций технических объектов. Цель работы состоит в выявлении, классификации и описании практик, в результате которых у технических объектов появляются новые функции. Под функцией технического объекта (артефакта) понимается работа, выполняемая артефактом, направленная на реализацию некоторого заданного человеком предназначения. Рассматривается двойственность природы артефакта, обусловленная его физической структурой и включенностью в целенаправленную деятельность человека. На основе сравнения функционального и семиотического подходов к пониманию техники выявляются различия между функцией и смыслом артефактов. При помощи кейс-метода рассматриваются практики реинтерпретации, как появления новых смыслов без изменения физической структуры артефакта, и адаптации, то есть приспособления технических объектов под нужды пользователя. Показывается, что новые функции появляются у артефактов как на физическом уровне, через внесение конструктивных изменений, так и на семиотическом, через трансформацию смыслового наполнения объектов. В заключении делается вывод о возможности применения полученных результатов в сфере маркетинга и продвижения технических систем и устройств.

Ключевые слова: философия техники, артефакт, функциональный подход к пониманию техники, семиотика техники.

Цитирование: Ястреб Н.А. На границе функционализма и семиотики: два способа изменения функций и смыслов технических объектов // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 1. С. 19–25.

Благодарности: автор выражает благодарность проф. В.А. Суровцеву за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ястреб Н.А., 2021 – доктор философских наук, доцент, директор института социальных и гуманитарных наук, Вологодский государственный университет, 160035, г. Вологда, Ленина, 15.

N.A. Yastreb

Vologda State University, Vologda,

Russian Federation

E-mail: nayastreb@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6635-6008>

Between functionalism and semiotics: two ways to change the functions and meanings of technical objects

Abstract: the article is devoted to the analysis of practices and ways of inventing new functions of technical objects. The purpose of the work is to identify, classify and describe practices that cause new functions of technical objects. The function of a technical object (artifact) is understood as the work performed by an artifact and aimed at realizing a certain purpose set by a person. The authors analyze the duality of the nature of the artifact, due to its physical structure and its involvement in purposeful human activity. The functional and semiotic approaches to understanding technology are compared. The differences between function and meaning of artifacts are identified. The case method is used to analyze how new artifact functions appear. Reinterpretation is defined as a way to create new meanings for an artifact without changing its physical structure of the artifact. Adaptation is considered as the adaptation of technical objects to the needs of the user.

It is shown that new functions appear in artifacts both on the physical level, through the introduction of constructive changes, and on the semiotic level, through the transformation of the semantic content of objects. In the final part of the article, a conclusion about the possibility of applying the results obtained in the field of marketing and promotion of technical systems and devices is made.

Key words: philosophy of technology, artifact, functional approach to the technology, semiotic studies of technology.

Citation: Yastreb, N.A. (2021), Between functionalism and semiotics: two ways to change the functions and meanings of technical objects, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 19–25.

Acknowledgments: the authors express their gratitude professor V. Surovtsev for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Yastreb N.A., 2021 – Dr. phil. habil., Associate Professor, director of the Institute of Human and Social Sciences, Vologda State University, 15, Lenina St., Vologda, 160035, Russian Federation.

Введение

Технические объекты, или артефакты, создаются людьми для достижения каких-либо целей и решения практических задач. Артефакты подчиняются тем же законам природы, что и естественные объекты, но отличаются от них тем, что возникают в результате деятельности человека; а среди всех созданных человеком объектов техническими являются те, которые реализуют необходимые ему функции. В рамках функционального подхода артефакты понимаются как «сконструированные физические структуры, которые реализуют функции, соответствующие некоторым целям человека» (Vaesen 2011, p. 190). То, что объединяет все технические объекты, с позиции данного подхода, связано с искусственностью, целеполаганием и функциональностью.

Технический объект – это физическая структура, способная реализовывать какие-либо функции. Такая «функциональная» характеристика технических артефактов порождает проблемы с интерпретацией понятия функции. Под функцией технического объекта (артефакта) в данной статье понимается работа, выполняемая артефактом, направленная на реализацию некоторого заданного человеком предназначения. Функция артефакта отличается от способа его использования, т.к. использование относится к осуществляющему его человеку, а функция к самому артефакту, и они могут не совпадать. Например, автомобиль может использоваться как транспортное средство и как показатель социального статуса. С одной стороны, функция технического артефакта тесно связана с его физической структурой, поскольку в силу этой структуры эта техническая функция выполняется. Физическая структура и техническая функция ограничивают друг друга, поскольку никакая физическая структура не может выполнять данную техническую функцию, и наоборот. С другой стороны, функция технического артефакта тесно связана с человеческими намерениями (Kroes 2012, p. 5). Без деятельности человека невозможна реализация функций.

Специфика природы технического объекта предполагает соединение двух принципиально разных концептуальных рамок, а именно, физической и интенциональной, что создает большие трудности в исследовании техники. Именно аспекты существования технического объекта, в которых сходятся физические процессы и человеческие намерения, сложнее всего выявлять и описывать. Физический подход не позволяет учитывать мысли и желания человека, встраивание артефакта в его жизненный мир, а гуманитарный выводит за скобки физическую природу и технические характеристики объекта. С учетом сказанного, понятна актуальность гибридных теорий, связывающих физические и интенциональные описания артефактов, в рамках которых возможна интерпретация технических функций, которая позволила бы связать их с физическими структурами и человеческими намерениями. В связи с этим в работе используются два методологических подхода к пониманию техники: функциональный и семиотический. Цель работы состоит в выявлении, классификации и описании практик, в результате которых у технических объектов появляются новые функции.

Функция и смысл: сходство и различие функционального и семиотического подходов

Двойственная природа артефактов определяет концептуальную сложность понимания функции артефакта. Если рассматривать функции как то, что обусловлено физической структурой объекта и определяется в первую очередь ею, то остается открытым вопрос, как функции связаны с интенциональностью субъекта, его намерениями, целями и задачами, которые артефакт по своей природе призван решать. И наоборот, если рассматривать функции как паттерны психических состояний, то становится совершенно непонятным, как эти паттерны связаны с физической структурой артефакта. Как отмечает П. Кроус, «понятие функции, по-видимому, является своего рода «мостиком» между физической и интен-

циональной концептуализацией мира, поскольку функция технического артефакта тесно связана с его физической структурой, с одной стороны, и с человеческими намерениями в отношении этого артефакта, с другой» (Kroes 2012, p. 6).

Можно провести аналогию между артефактом и знаком. Артефакт, имея двойственную природу, обладает физической структурой, но при этом его техническая сущность проявляется в деятельности человека через реализацию некоторой функции. Эта функция обусловлена строением артефакта, но не задана в нем самом в явном виде и проявляется только при участии человека. Знак, будучи воплощенным в носителе в виде какой-то физической системы, по сути «определяется по отношению к его функции, а функция знака заключается в том, что он замещает, обозначает, репрезентирует, денотирует или указывает на то, что в нём непосредственно отсутствует» (Нестеров 2017, с. 7). Так же, как «знак – это то, что обозначает незнаковое или значение» (там же), технический объект – это то, что воплощает нечто принципиально нетехническое.

Семантика техники определяется прагматикой, то есть практиками использования тех или иных объектов. В целом можно выделить два варианта семиотики техники. Первый обусловлен вопросом «Что это?». В рамках данного подхода исследуется сущность техники, ее онтологический статус. Вторым вариантом семиотики техники определен вопросом «Для чего это?» и предполагает определение техники через цели, для которых она может или должна использоваться. Сложность построения такого семиозиса обусловлена тем, что целеполагание осуществляется вне технического объекта, а сама цель – это «образ действительности, создаваемый человеком в акте самопознания и подразумевающий снятие ощущаемой им неполноты того или иного рода» (Нестеров 2017, с. 116). В зависимости от целей человека и способа использования артефакты могут менять свои функции и интерпретироваться по-разному. Функции артефакта, хотя и обусловлены его физической структурой, определяются человеком, то есть внешней по отношению к данному объекту прагматической установкой, и могут быть определены через ответ на вопрос: какую пользу может принести человеку этот объект?

Как мы видим, функциональный и семиотический подходы к пониманию техники близки во многих своих аспектах, но не тождественны. Различие между ними обусловлено разделением понятий функция технического объекта и смысл технического объекта. В обоих случаях активную роль играет субъект, однако функция относится в большей степени к самому объекту и тесно связана с его физической структурой, а смысл технического объекта порождается субъектом и связан с

психологическими, культурными и социальными особенностями опыта взаимодействия с объектом. Функция в большинстве случаев универсальна, для ее реализации разные субъекты в разное время могут использовать артефакты. Смысл, наоборот, уникален, рождается в практике и связан с конкретным субъектом.

Способы изменения функциональности технических объектов

Возможность использования артефактов для реализации тех функций, для которых они не были предназначены, описана в теории технических функций Д. Серла (Searle 1995), ICE-теории (the intentional (I) theory, the causal-role (C) theory and the evolutionist (E) theory) (Weber et al 2013), гибридной теории технических функций П. Кроуса (Kroes 2012), концепции системных и случайных функций Б. Престон (Preston 1998) и ряде других работ. В целом функции артефактов можно разделить на видовые, или «встроенные», и случайные. Видовые функции изначально предусматриваются на этапе конструирования и производства, часто на их основе даются названия техническим объектам. Случайные функции не предполагаются создателями артефактов, но при определенных условиях их реализация оказывается возможной. Так, для отвертки видовой функцией является способность закручивать винты, но при этом мы можем использовать ее, например, для фиксации двери (случайная функция). Большинство примеров появления новых функций артефактов в процессе их использования относится к случайным, хотя возможны и исключения. Многие помнят, что в Советском Союзе большим спросом пользовались диски для метания, которые хозяйки использовали для засолки капусты. Тяжесть, компактность и материал этого товара делали его идеальным гнетом, и диск использовался намного чаще для реализации своей «случайной» функции, чем для видовой, и именно случайная функция начала определять потребность в товаре, то есть влиять на его производство.

В целом можно выделить три основных способа изменения функциональности, а именно, реинтерпретацию, адаптацию и переизобретение (Klenk 2020). Все эти приемы могут приводить в том числе к изменению тех ценностей, которые транслируются с использованием артефакта, и могут рассматриваться как некоторые практики преобразования технических объектов, изменяющие ценностные аспекты взаимодействия с этими объектами. В данной работе будут рассмотрены первые два способа, поскольку они предполагают изменение функций при минимальном вмешательстве в конструкцию артефакта.

Реинтерпретация представляет собой изменение семантики без физических преобразований.

В процессе использования артефакт становится источником опыта для разных субъектов, неизбежно встраивается в жизненный мир человека и практики его деятельности. Переосмысление объекта в контексте различных обстоятельств, событий или задач приводит к наделению технических объектов новыми смыслами. Например, если рассматривать сохранившиеся фрагменты Берлинской стены, то использование граффити стало определяющим фактором, благодаря которому они воспринимаются не как символы разъединения, а как свидетельства торжества гуманизма и неизбежности разрушения тоталитарных режимов.

Архитектура в целом является сферой постоянной реинтерпретации, так как артефакты этой области имеют большую символическую нагруженность и включены так или иначе практически во все социальные практики. Жилой дом может стать историческим зданием. В какой момент это происходит, как возникает новая функция? Кто-то должен это сформулировать и дать начало новой практике, например, проведению экскурсии. Также здесь может иметь место нормативный способ, то есть присвоение зданию статуса памятника архитектуры или объекта культурного наследия.

Новые смыслы архитектурных объектов неизбежно появляются при несовпадении замысла и реальности их функционирования. Отцы-основатели архитектуры модернизма считали, что создание новой среды для общественной и личной жизни человека изменит общество к лучшему. Такие модернистские архитектурные проекты, как Прют-Айгоу, воспринимались как олицетворения свободы, прогресса, равенства и освобождения человека. Но несовпадение декларируемых смыслов с реальностью привело к тому, что эти масштабные комплексы стали символами насилия и бедности, в конечном итоге – утопичности идей социального равенства, конструирования человека и общества.

Наделение артефакта новым смыслом может радикально изменить характер взаимодействия с этим объектом. В фильме «Три билборда на границе Эббинга, Миссури» героиня заказывает размещение коротких сообщений на трех рекламных щитах. Сами билборды, предназначенные для рекламных целей, неэффективны, на них никто не обращает внимания, и они не приносят прибыли, ради которой установлены. Размещение информации об убийстве дочери героини полностью меняет статус этих объектов, которые становятся центром множества социальных процессов и символом борьбы за правосудие. Здесь реинтерпретация происходит через смену смысла, рекламный щит становится орудием борьбы за права, а не инструментом рекламы. В этом

смысле понятна реакция властей, которые пытаются предъявить претензии к владельцам билбордов. Рекламный щит, используемый для социальных высказываний, является нарушением некоторых конвенций относительно функций и смыслов этого объекта.

Изменение смысла объекта также влияет на дальнейшее его использование. Так, медицинская маска в начале пандемии воспринималась большинством как средство защиты от других людей. На этом этапе многие подвергали сомнению ее эффективность и отказывались носить, ссылаясь на сведения о том, что буквально через несколько часов использования маска перестает защищать человека от заражения. В дальнейшем врачи активно начали убеждать граждан в том, что маска нужна не столько для защиты себя от других, сколько для защиты других от себя. Маска стала средством заботы об окружающих, некоторым персональным успокоителем совести, означающим, что я не стану причиной болезни или даже гибели других людей. В результате люди стали носить маски более дисциплинированно.

Реинтерпретация может касаться также и природных объектов. Например, ветку человек использует в качестве посоха, а раковину – как чашку для питья. В этом случае объекты не были преднамеренно сконструированы, однако они были отобраны по определенным физическим параметрам, что требовало умственного усилия и наличия прообраза необходимого объекта. Вряд ли такую деятельность можно назвать в полном смысле конструированием, однако получившиеся объекты соответствуют основным признаками технических: реализуют определенную функцию, способствуют достижению целей человеком и даже могут сломаться.

Рассмотрев разные случаи реинтерпретации, можно сделать вывод о том, что эта практика связана с семантическим толкованием артефакта, и в ее основе лежит изменение целей и установок субъекта по отношению к какому-либо техническому объекту. Будучи встроенными в деятельность людей, артефакты подвергаются переосмыслению с мировоззренческих, ценностных, эстетических и других позиций. Мигрируя из одних форм деятельности в другие, технические объекты обретают новые смыслы и функции, возможности которых создатели не предполагали.

Второй способ изменения функциональности, адаптация, предполагает приспособление, в том числе конструктивное, артефактов для решения тех задач, которые не предполагались на этапе проектирования. М. Кленк приводит остроумный пример с кассетными плеерами, которые создавались для проигрывания музыки, а стали использоваться для проведения религиозных проповедей, то есть трансляция художественных,

эстетических ценностей сменилась на приобщение к духовным, религиозным ценностям (Klenk 2020).

В широком смысле любое использование артефакта потенциально может привести к изменению его функциональности даже без изменения физической структуры. Весьма показательными являются примеры использования информационных технологий, в частности, гаджетов-«умных устройств». Пользователи адаптируют смартфоны и планшеты под свои нужды, меняя программное обеспечение и настройки устройства, а появляющиеся новые функции, хотя и не противоречат устройству гаджета, но появляются намного позже создания артефакта (Klenk 2020).

Приспособление артефакта происходит чаще всего в новых и сложных ситуациях, когда пользователи сталкиваются с техническими трудностями или нерешенными задачами (Zamani 2020). В этом случае пользователи могут добавлять новые функции, заменять старые или комбинировать старые и новые функции. Основными практиками приспособления и адаптации IT-объектов являются комбинирование, перекомпоновка и перепрофилирование функций. Развитие информационных технологий, как мы видим, идет в сторону универсальности базовых вариантов предлагаемых продуктов. Пользователь сам определяет, какие функции должно реализовывать его устройство и, устанавливая программное обеспечение или дополняя аппаратное обеспечение, по сути, занимается конструированием.

Возможность конструирования сложных информационных технологий обычным пользователем обусловлена модульностью выпускаемых для рынка продуктов, которые совместимы друг с другом и не требуют специальных знаний для установки. Пользователь в большинстве случаев не изобретает новые функции, а komponует программное обеспечение для того, чтобы удовлетворять свои потребности.

Можно сказать, что конструирование современных «умных продуктов» не заканчивается после их производства, а продолжается в течение всего срока эксплуатации. Функциональный подход показывает, что нужно различать разработанную технологию и используемую технологию, которые могут быть совершенно разными на уровне программного обеспечения, оставаясь одинаковыми на аппаратном уровне.

Оба примера, и с кассетными плеерами, и со смартфонами, показывают, что можно выделить два слоя функций технического объекта. Базовый определяет те функции, которые объект способен реализовывать в силу своей физической организации, то есть проигрывать звуки или производить вычисления. Пользовательский уровень определяется тем кругом задач, для решения ко-

торых человек может использовать устройство. Адаптация (приспособление) предполагает изменение функционала, относящегося ко второму слою, именно эти изменения определяют различие между разработанной и используемой технологией.

Еще один способ адаптации и приспособления артефакта состоит в снятии заложенных при проектировании ограничений. Конструирование технических объектов часто предполагает не только закладывание каких-либо функций, которые может реализовывать устройство, но и установку определенных ограничений. Такие ограничения могут быть прямыми (параметрическими), устанавливающими допустимые границы тех или иных параметров, например, максимальную скорость автомобиля, и функциональными, определяющими условия функционирования (работоспособность) проектируемого изделия.

Например, в исследовании вариантов адаптации планшетного компьютера iPad под нужды пользователей после получения негативного опыта использования устройства авторы показывают, что многие потребители испытывают разочарование в устройстве из-за ограниченных возможностей ввода данных в планшет и используют различные варианты преодоления этих ограничений как путем установки дополнительного программного обеспечения, так и при помощи расширения аппаратной части интерфейса компьютера (Zamani 2020).

Практики адаптации предполагают деятельное участие субъекта в конструировании артефакта и показывают, что оппозиция «инженер - потребитель» является устаревшей установкой. Используя компьютер или автомобиль, книжный стеллаж или компьютерную игру, потребитель имеет право на участие в изменении продукта в соответствии с собственными нуждами. Реализация принципа партиципации, то есть участия потребителей в разработке и тестировании продуктов, в конечном итоге, ведет к появлению более дружественных человеку артефактов и лучшему пониманию производителями и потребителями друг друга.

Заключение

Исследование изменения функций артефактов имеет как теоретическое, так и практическое значение. В теоретическом плане эта проблема вскрывает глубинные аспекты определения сущности артефактов и их двойственной природы, соединяющей физической и символической уровни существования. Мы видим, что новые функции появляются у артефактов как на физическом уровне, через внесение конструктивных изменений, так и на семиотическом, через трансформацию смыслового наполнения объектов. Думается, что на гра-

нице понятий функции и смысла находятся ответы на вопросы о сущности артефактов, специфике их взаимодействия с человеком и влиянии на социальные процессы. В практическом плане выявление практик изменений функций полезно для разработчиков, инженеров, производителей и особенно маркетологов, которым важно понимать, почему потребители активно используют одни продукты и отвергают другие, как реальные товары встраиваются в повседневные практики и адаптируются под нужды и потребности пользователей.

Библиографический список

Brey, P. (1996), Philosophy of Technology: A Time for Maturation, *Metascience: An International Review Journal for the History, Philosophy and Social Studies of Science*, vol. 9, pp. 91–104.

Jarvie, I.C. (1972), Technology and the Structure of Knowledge, Philosophy and Technology, *Readings in the Philosophical Problems of Technology*, C. Mitcham and R.C. Mackey, eds. The Free Press, 1972, pp. 54–61.

Klenk, M. (2020), How Do Technological Artefacts Embody Moral Values? *Philosophy & Technology*, vol. 2, [Online], available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s13347-020-00401-y> (Accessed 06 jun 2020).

Kroes, P. (2012), Proper functions and technical artefact kinds, *Technical Artefacts: Creations of Mind and Matter. Philosophy of Engineering and Technology*, vol. 6, DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-007-3940-6_4.

Preston, B. (1998), Why is a wing like a spoon? A pluralist theory of function, *Journal of Philosophy*, vol. 95(5), pp. 215–254.

Ropohl, G. (1997), Knowledge Types in Technology, *International Journal of Technology and Design Education*, vol. 7, pp. 65–72.

Searle, J. (1995), *The Construction of Social Reality*, Penguin Books, London, UK, DOI: <https://doi.org/10.1086/233794>.

Vaesen, K. (2011), The functional bias of the dual nature of technical artefacts program, *Studies in History and Philosophy of Science*, vol. 1, pp. 190–197.

Vermaas, P.E. (2016), An Engineering Turn in Conceptual Analysis, *Philosophy of Technology after the Empirical Turn*, M. Franssen, P.E. Vermaas, P. Kroes and A. Meijers (eds.), Dordrecht, Springer, pp. 269–282.

Weber, E. et al. (2013), The ICE-Theory of Technical Functions, *METASCIENCE*, vol. 22, pp. 23–44.

Wincenti, W.G. (1993), *What Engineers Know and How They Know It: Analytical Studies from Aeronautical History*, The Johns Hopkins University Press, London, UK.

Zamani, E.D., Pouloudi, N. and Giaglis, G. (2020), *Appropriating Information Technology Arte-*

facts through Trial and Error: The Case of the Tablet, Information Systems Frontiers, [Online], available at: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10796-020-10067-8> (Accessed 10 feb 2021), DOI: <https://doi.org/10.1007/s10796-020-10067-8>.

Ленк Х. Размышления о современной технике. Перевод на русский язык: В. Г. Горохов. Москва: Центр гуманитарных технологий, 1996. 181 с.

Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания: монография. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 155 с.

Чешев В.В. Техническое знание: монография. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2006. 267 с.

References

Brey, P. (1996), Philosophy of Technology: A Time for Maturation, *Metascience: An International Review Journal for the History, Philosophy and Social Studies of Science*, vol. 9, pp. 91–104.

Jarvie, I.C. (1972), Technology and the Structure of Knowledge, Philosophy and Technology, *Readings in the Philosophical Problems of Technology*, C. Mitcham and R.C. Mackey, eds. The Free Press, 1972, pp. 54–61.

Klenk, M. (2020), How Do Technological Artefacts Embody Moral Values? *Philosophy & Technology*, vol. 2, [Online], available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s13347-020-00401-y> (Accessed 06 jun 2020).

Kroes, P. (2012), Proper functions and technical artefact kinds, *Technical Artefacts: Creations of Mind and Matter. Philosophy of Engineering and Technology*, vol. 6, DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-007-3940-6_4.

Preston, B. (1998), Why is a wing like a spoon? A pluralist theory of function, *Journal of Philosophy*, vol. 95(5), pp. 215–254.

Ropohl, G. (1997), Knowledge Types in Technology, *International Journal of Technology and Design Education*, vol. 7, pp. 65–72.

Searle, J. (1995), *The Construction of Social Reality*, Penguin Books, London, UK, DOI: [10.1086/233794](https://doi.org/10.1086/233794).

Vaesen, K. (2011), The functional bias of the dual nature of technical artefacts program, *Studies in History and Philosophy of Science*, vol. 1, pp. 190–197.

Vermaas, P.E. (2016), An Engineering Turn in Conceptual Analysis, *Philosophy of Technology after the Empirical Turn*, M. Franssen, P.E. Vermaas, P. Kroes and A. Meijers (eds.), Dordrecht, Springer, pp. 269–282.

Weber, E. et al. (2013), The ICE-Theory of Technical Functions, *METASCIENCE*, vol. 22, pp. 23–44.

Wincenti, W.G. (1993), *What Engineers Know and How They Know It: Analytical Studies from Aer-*

onautical History, The Johns Hopkins University Press, London, UK.

Zamani, E.D., Pouloudi, N. and Giaglis, G. (2020), *Appropriating Information Technology Artefacts through Trial and Error: The Case of the Tablet*, *Information Systems Frontiers*, [Online], available at: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10796-020-10067-8> (Accessed 10 feb 2021), DOI: <https://doi.org/10.1007/s10796-020-10067-8>.

Lenk, H. (1996), *Reflections on modern technology*, Centr gumanitarnyh tekhnologij, Moscow, Russia.

Nesterov, A.Y. (2017), *Semiotic foundations of technology and technical consciousness*, Izdatel'stvo Samarskoj gumanitarnoj akademii, Samara, Russia.

Cheshev, V.V. (2006), *Technical knowledge*, Izd-vo Tom. gos. arhit.-stroit. un-ta, Tomsk, Russia.

Submitted: 22.01.2021

Revised: 04.03.2021

Accepted: 01.04.2021

УДК 821.161.1

Дата: поступления статьи: 28.01.2021

после рецензирования: 05.03.2021

принятия статьи: 01.04.2021

К.С. Поздняков

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

E-mail: Kpozdneyakov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2646-6410>

Элементы экспрессионизма в рассказе А. Грина «Серый автомобиль»

Аннотация: тема работы представляется актуальной, поскольку в настоящее время отечественное литературоведение заново открывает особенности художественного высказывания советской литературы 1920-х годов. Цель исследования заключалась в обнаружении черт поэтики текста Грина, позволяющих идентифицировать рассматриваемую новеллу как экспрессионистскую. Методы исследования, применявшиеся в статье: сравнительно-исторический и семантический анализы текстов. В начале статьи рассматриваются исследования новеллы «Серый автомобиль» А.В. Полупановой и Л.У. Звонаревой, отмечаются неточности и явные фактические ошибки, свидетельствующие о непонимании текста, о смешении таких форм выражения авторской позиции (по Б.О. Корману), как «герой-повествователь» и «автор-повествователь». В качестве эмпирического материала, помимо самой новеллы А. Грина, использовались произведения Г. Майринка, Ф. Кафки и Л. Перуца. В результате рассмотрения романов «Голем», «Замок», «Казак и Соловушка», «Мастер Страшного Суда» были выделены следующие особенности художественного мира экспрессионистских литературных произведений: а) проблема идентичности, связанная, как правило, главным героем; 2) семема безумия, ставшая константой для экспрессионистских текстов; 3) загадочный (скрытый) порядок кажущегося хаотичным мира; 4) неуспешность речевых действий. Все перечисленные особенности были обнаружены в рассказе А. Грина, таким образом, представляется, что новый подход к творчеству писателя как представителя отечественного экспрессионизма, демонстрирует свою состоятельность и может быть противопоставлен более традиционному рассмотрению прозы автора как сверхтекстового единства.

Ключевые слова: экспрессионизм, интерпретация, идентичность, картина мира, мотив, футуризм, речевое действие.

Цитирование: Поздняков К.С. Элементы экспрессионизма в рассказе А. Грина «Серый автомобиль» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 1. С. 26–32.

Благодарности: автор выражает благодарность И.В. Саморуковой и О.В. Журчевой за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Поздняков К.С., 2021 – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, д.65/67.

K.S. Pozdneyakov

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

E-mail: Kpozdneyakov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2646-6410>

Elements of expressionism in the story of A. Green «Gray Car»

Abstract: the topic of the work is relevant, since at present the Russian literary criticism is rediscovering the features of the artistic expression of Soviet literature of the 1920s. The aim of the study was to discover the features of the poetics of Green's text that allow us to identify the novel under consideration as expressionist. Research methods used in the article: comparative-historical and semantic analysis of texts. At the beginning of the article, the research of the novella «Gray Car» by A.V. Polupanova and L.U. Zvonareva is considered, inaccuracies and obvious factual errors are noted, indicating a lack of understanding of the text, a mixture

of such forms of expression of the author's position (according to B.O. Korman) as «hero-narrator» and «author-narrator». As an empirical material, in addition to the novel by A. Green, the works of G. Mayrink, F. Kafka and L. Perutz were used. As a result of consideration of the novels «the Golem», «Castle», «the Cossack and the Nightingale», «the Wizard of judgment» was allocated with the following features art in the world of the expressionist literary works: a) the problem of identity associated, as a rule, the main character; 2) semema madness, which became a constant for expressionist texts; 3) mysterious (hidden) order of a seemingly chaotic world; 4) the lack of success of speech acts. All these features were found in the story of A. Green, so it seems that the new approach to the work of the writer as a representative of Russian expressionism, demonstrates its consistency and can be contrasted with the more traditional consideration of the author's prose as a super-textual unity.

Key words: expressionism, interpretation, identity, worldview, motif, futurism, speech action.

Citation: Pozdnyakov, K.S. (2021), Elements of expressionism in the story of A. Green «Gray Car», *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 26–32.

Acknowledgments: the authors express their gratitude to I.V. Samorukova and O.V. Zhurcheva for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Pozdnyakov K.S., 2021 – Dr. philol. habil., Associate Professor, professor of the Department of Journalism, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, Maxim Gorky St., 443099, Russian Federation.

Введение. Параллели между новеллами А. Грина, в особенности рассказом «Серый автомобиль» и поэтикой экспрессионизма проводятся довольно часто. Так, например, А.В. Полупанова отмечает:

«Границы искусства и реальности в поэтике А. Грина оказываются условными, легко преодолимыми. (Здесь можно усмотреть влияние эстетики экспрессионизма, характеризующей литературную эпоху 1920-х гг.: автомобиль покидает пространство киноэкрана в точности так же, как литературный герой выходит за рамки художественного пространства книги в экспрессионистической новелле М. Горького «Рассказ об одном романе», или как герой повести Ю. Тынянова «Подпоручик Киж» рождается из условного пространства канцелярских бумаг)» (Полупанова 2014).

Д.Л. Быков указывает на сходство между рассказами Грина и Франца Кафки:

«Кому-то, возможно, соположение Кафки и Грина покажется чрезмерностью – но это вы, господа, давно Грина не читали. Вряд ли кто-то с ходу вспомнит, про что «Земля и вода», «Враги» или «На облачном берегу» – рассказы, от которых, думаю, Кафка не отказался бы» (Быков 2014, с. 72).

Впрочем, никакого сколь-нибудь аргументированного доказательства приведённых тезисов Быков далее не озвучивает. А в типичном для Грина приключенческом рассказе «На облачном берегу» попросту отсутствуют кафкианские мотивы.

В первой цитате удивляет сопоставление с произведениями М. Горького и Ю. Тынянова. Во многих современных исследованиях отмечается влияние экспрессионизма на отечественных писателей (Е. Замятина, Л. Андреева, Ю. Олешу, А. Плато-

нова, И. Бабеля и др.), но думается, что легитимным для обнаружения черт экспрессионистской поэтики будет сопоставление рассказов Грина не с произведениями соотечественников, вдохновлявшихся зарубежными оригиналами, а сравнение непосредственно с текстами Г. Майринка, Ф. Кафки, Л. Перуца и др. Грин, за исключением ранних текстов и некоторых немногочисленных произведений, действие которых происходит в России, – писатель, ориентирующийся на зарубежную литературу, недаром получивший от Ахматовой уничижительную аттестацию «переводчик с неизвестного». Сомнительным представляется тот факт, что Грин усваивал уроки экспрессионистов опосредованно – благодаря рассказам Горького или Тынянова.

В статье будет использоваться определение экспрессионизма, заимствованное из статьи В.Н. Терёхиной: «Искусство Э., пережившее свой взлет в годы первой мировой войны и сразу по ее окончании, говорило о мире, в котором разразилась катастрофа. Оно пронизано ощущением повседневной боли, неверием в разумность бытия, неотвязным страхом за будущее человека, чью жизнь направляют социальные механизмы, поминутно угрожающие ему бессмысленной гибелью» (Терёхина 2001, с. 1223). Однако, уточняя данные дефиниции, следует отметить, что особо значимой для целей нашего исследования представляется пражская школа европейского экспрессионизма. Именно в произведениях Г. Майринка и Л. Перуца обнаруживаются характерные черты, по которым можно идентифицировать поэтику экспрессионизма. Несмотря на то, что в монографии «Модернизм» Питер Гэй отмечает: «он (Ф. Кафка – К.П.) не примыкал ни к движению модернизма, ни к иным течениям» (Гэй 2019),

трудно не замечать в рассказах и романах автора «Превращения» образов и сюжетных поворотов, живо напоминающих о текстах Майринка и Перуца. Таким образом, художественные особенности новеллы А. Грина будут сопоставляться с поэтикой текстов Г. Майринка, Л. Перуца и Ф. Кафки.

Рассказ «Серый автомобиль» представляется, наряду с «Канатом» и «Убийством в Кунт-Фише», ярким примером экспрессионистской прозы писателя. Очевидно, что запутанный сюжет произведения до сих пор способен поставить в тупик не только читателя, но и литературоведа. В уже упомянутой статье Полупановой присутствует следующее описание сюжетных перипетий «Серого автомобиля» в сопоставлении с «Песочным человеком» Гофмана:

«И только по мере развертывания сюжетной линии читатель узнает о том, что давно известно рассказчику: Коррида оказывается восковой куклой с уникальным механизмом внутри, покинувшей своего владельца в магазине в Глен-Арроле. В отличие от Натанаэля, полностью растворившегося в любовных переживаниях и утратившего волю, Сидней готов бороться за свою любовь до конца: согласно его хитроумному плану, надлежит ускорить процесс разрушения мертвой материи – уничтожить куклу, чтобы возродить женщину, истинно живое существо, «смертью смерть поправ»: «Но есть сила в самосвержении, и, воскреснув мгновенно, мы оглушим пением сердец наших весь мир». Однако герой новеллы, оказываясь в сумасшедшем доме, как Натанаэль, терпит сокрушительное поражение» (Полупанова 2014).

Уверенность героя-повествователя в рассказе Грина в том, что Коррида – восковая кукла, не подтверждается ни одним объективным фактом. Доверяя герою, исследователь лишает ситуацию характерной для экспрессионизма неоднозначности.

Ещё дальше в интерпретации высказываний персонажей А. Грина следует Л.У. Звонарева, выдающая в статье «Тайнопись прозы Александра Грина и графические поиски художников» речи двух персонажей за точку зрения самого автора в отношении футуризма:

«К новомодным в его время течениям в искусстве Грин относился с большой осторожностью: «Я не верю в искренность футуризма... так как им сказать нечего... я видел в окне магазина посуду, разрисованную каким-то кубистом. Рисунок представлял цветные квадраты, треугольники, палочки и линейки, скомбинированные в различном соотношении. Действительно, об искусстве – с нашей, с человеческой точки зрения – здесь говорить нечего»» (Звонарева 2018).

Начало цитаты вырвано из речи газетного критика Николая, а со слов «Я видел в окне магазина

посуду» и до конца воспроизводятся фрагменты из монолога героя-повествователя, который вовсе не прямолинейно осуждает футуризм, как можно подумать благодаря такой подтасовке цитат, но характеризует его как особый взгляд машины на человеческий мир. Герой спорит с Николаем, они не придерживаются одного мнения. И уж тем более странным выглядит приписывание самому автору отрицательного взгляда на футуризм, поскольку его вряд ли можно однозначно соотносить с кем-то из персонажей. Вероятно, желание обнаружить в творчестве Грина негативную оценку футуризма и привело к смешению цитат и вкладыванию их в уста самого автора. Фрагменты представленных исследований позволяют говорить о разных типах упрощённых трактовок. В первом случае желание разобраться в сложном тексте приводит к решению полностью довериться герою-повествователю, встать на его сторону, не обращая внимания на неадекватное поведение, на ряд подсказок, появляющихся в тексте и намекающих, что интерпретация происходящего Сиднеем не может считаться истинной. Во втором – богатый на смыслы спор персонажей о футуризме сводится к тому, что авангард – лишь новомодное искусство. Но ведь подобным, «новомодным» искусством был в то время и экспрессионизм. Да и футуризм в монологе героя-повествователя получает особые значения:

«В явлениях, подобных человеческому лицу, мы, чувствуя существо человеческое, видим связь и свет жизни, то, чего не может видеть машина. Её впечатление, по существу, может быть только геометрическим. Таким образом, отдаленно – человекоподобное смешение треугольников с квадратами или полукругами, украшенное одним глазом, над чем простак ломает голову, а некоторые даже прищуриваются, есть, надо полагать, зрительное впечатление Машины от Человека. Она уподобляет себе всё» (Грин 1980, с. 329).

М.И. Плютова в статье «Оживший манекен в новелле А. Грина «Серый автомобиль»», цитируя А. Варламова, отмечает, что оба варианта интерпретации описанных событий (первая сводится к тому, что Коррида – действительно оживший манекен, а вторая объясняет всё происходящее безумием Сиднея) «имеют право на существование, а Грин, скорее всего, специально создал в своем тексте игровое колебание между ними» (Плютова 2013). Если М.И. Плютова сосредотачивается на первом варианте, то в данной статье рассматривается, скорее, вторая версия.

Ход исследования. В рассуждениях Сиднея о Машине и Человеке видится предопределённость его участи – черта, как раз свойственная героям классических экспрессионистских произведений. Основной целью статьи представляется сопоставление поэтики «Серого автомобиля» с клю-

чевыми произведениями экспрессионистов по нескольким пунктам.

1. Образ главного героя. Одна из проблем, возникающих в связи с центральным персонажем многих произведений экспрессионизма, – это проблема идентичности. Атанасиус Пернат из «Голема» не сразу понимает, кто он; сквозь сон мастер слышит, как друзья обсуждают его пребывание в сумасшедшем доме, но правда ли это? Практически каждый из персонажей предлагает Пернату свою версию того, какой должна быть его миссия в настоящем, каким было его прошлое. На самом ли деле Пернат лишь резчик? Или он и есть Голем? Ответов на эти вопросы роман не даёт. Постоянное ускользание персонажа от определённости привело в итоге к тому, что во многих аннотациях к произведению можно прочитать, что Атанасиус – молодой человек, хотя на самом деле ему как минимум за 40 (впрочем, с возрастом героя разобраться сложно: Фрисландер считает, что ему не больше 40, Цваку Пернат напоминает старого французского аристократа, наконец, советник, отрекомендовавшийся лучшим другом покойного отца резчика, выглядит лишь на 10 лет старше Перната).

Землемер К. – главный герой неоконченного романа Ф. Кафки «Замок» – возможно, лишь притворяется представителем этой профессии для того, чтобы осуществить свою идею фикс: проникнуть в замок. Ни одного факта, указывающего на то, что он землемер, в произведении не обнаруживается. Как отмечает В.П. Руднев: «при этом непонятно, действительно ли К. землемер или только выдаёт себя за оного» (Руднев 1999, с. 98).

Эбenezер Сидней, герой «Серого автомобиля», несколько раз указывает на то, что он изобретатель: «Моё изобретение – оно ждало – звало меня и её» (Грин 1980, с. 331); «Я окончил своё изобретение. Если вы ничего не имеете против, я покажу вам его первой; никто ничего не знает об этом» (Грин 1980, с. 333); «Оно (изобретение – К.П.) прекрасно» (Грин 1980, с. 335). Изобретал ли Сидней когда-нибудь что-либо вообще, читатель не узнает, а его ненависть к автомобилям, отвращение к кинематографу и истерика во время разговора по телефону указывает на полное неприятие прогресса. Таким образом, получается, что единственное изобретение Эбenezера – попытка убить Корриду.

Стоит отметить, что технический прогресс, столь ненавистный Эбenezеру, возможен лишь благодаря постоянным изобретениям. Очевидно, что для Сиднея лексема «изобретение» получает иные значения, семемы «чуда». И в этом плане вновь обнаруживается сходство с экспрессионистской прозой, герои которой часто напоминают пустые знаки, лишённые содержания, означаемых. Пернат и К. могут быть наделены иными оз-

начаемыми, несводимыми к заявленным в тексте профессиям. Преследуя собственные цели, главные герои осуществляют ряд действий, которые могут быть охарактеризованы как навязанные им другими персонажами. Другими словами, главный герой порой сам превращается в подобие марionетки.

2. Многим персонажам экспрессионистских произведений присущи подозрения, страхи, паранойи, угроза сумасшествия или подлинное безумие. При этом явная или воображаемая слежка постоянно меняются местами. Так, например, героиня романа Лео Перуца «Казак и Соловушка» Лидия настолько утомлена преследованиями своего мужа, князя Оголенского, что подозревает его в подкупе короля Испании, шпионы мерещатся ей повсюду.

В романе «Голем» Аарон Вассертрум следит за Савиоли, Ангелиной и Пернатом, Харусек, в свою очередь, следит за самим старьёвщиком, а за всем происходящим в еврейском гетто наблюдает батальон доктора Гумберта. Характерно, что в одном из эпизодов, подозревая, что Вассертрум побывал в его комнате, Атанасиус тщательно осматривает все предметы, но не находит следов пребывания постороннего человека. Помощники землемера К. так же приставлены к герою с целью слежки. По сути, они – антипомощники.

Главным страхом Эбenezера Сиднея становится серый автомобиль. Увидев машину впервые в фильме, он испытывает ощущение дежавю: ему кажется, что встречал автомобиль прежде: «Я проникся уверенностью, что некогда видел этого самого шофёра, на этой машине, при обстоятельствах давно и прочно забытых» (Грин 1980, с. 313). Характерно, что в приведённой цитате указано и на частичную потерю памяти или на «мнимое» воспоминание, которое значимо для сюжета в целом. Нелады с памятью характерны и для Атанасиуса, и для барона фон Поша, героя романа Перуца «Мастер Страшного суда». Эбenezеру кажется, что он видел прежде не только серый автомобиль, но и Корриду – их встреча якобы произошла в Глен-Арроле. Героиня, конечно же, никак не подтверждает факт описанного randevu. В «Големе» ситуация прямо противоположная: Ангелина старается восстановить общую с Пернатом память, но мастер ничего не может вспомнить, принимая слова девушки на веру.

Эбenezер ждёт, когда его страхи, подозрения наконец-то воплотятся в жизнь. Поэтому так радует Сиднея случившийся наезд на него серого автомобиля: «Я почти не испугался. Я даже был чему-то отчасти рад, так как получил некоторое предупреждение» (Грин 1980, с. 326).

Предупреждение – это подтверждение верности теорий Сиднея, в том числе и главной: Коррида – не живая женщина, а кукла, механизм, в

который он должен вдохнуть настоящую жизнь, пройдя вместе с девушкой через смерть.

В «Големе» Майринка тема оживших кукол, истуканов становится одной из основных. В частности, когда Харусек говорит, что после самоубийства доктора Вассори у старьевщика осталась только его восковая кукла, очевидно, он имеет в виду Розину, такое предположение косвенно подтверждается следующими словами Цвака:

«– Да! У рыжей Розины тоже личико, от которого не скоро освободишься; из всех уголков и закоулков оно все появляется перед вами, – вдруг заметил Цвак, без всякого повода. – Эту застывшую наглуемую улыбку я знаю всю жизнь. Сперва бабушка, потом мамаша!.. И все то же лицо... Никакой иной черточки! Все то же имя Розина... Все это воскресение одной Розины за другой...»

– Разве Розина не дочь старьевщика Аарона Вассертрума? – спросил я» (Майринк 2020).

В финале «Серого автомобиля», когда люди из машины похищают Сидней, герою кажется, что они посланы Корридой. Впрочем, с той же долей вероятности можно говорить, что данный эпизод завершает формирование бредовой картины мира Эбенезера – он приходит в себя в сумасшедшем доме. Искажена картина мира и парикмахера Тюрлюпэна, персонажа Перуца; безумными кажутся действия негра, убившего Клинкербогга и преследовавшего Еву в романе «Зелёный лик» Майринка.

3. Мир экспрессионистов при всём кажущемся безумии подчиняется некоему странному порядку. Цитируя Руднева, можно сказать, что перед нами «мир, доведённого до крайнего выражения Орднунга» (Руднев 1999, с. 374).

Такой странный порядок наблюдается в произведениях Ф. Кафки «Процесс» и «Замок». Законы, установленные в еврейском гетто доктором Гумбертом, поддерживает после смерти учёного созданный им Батальон.

Сидней тоже обнаруживает признаки таинственного порядка, связанного с машинами, кино, куклами, вещами, пытаясь вырваться из замкнутого круга. Но, по иронии судьбы, все эти попытки приводят к ещё большему подчинению механизмам: побег в карточную игру заканчивается обретением против воли Эбенезера серого автомобиля, а Изобретение (подразумевается свободный творческий акт) как убийство оборачивается полным провалом: на этот раз Сидней теряет сознание внутри серого автомобиля, причём его положение напоминает ощущения заживо погребённого: «Лишь двинув рукой, я тотчас сполз с сиденья, перестав видеть, почти перестав слышать, – казалось мне, что глубоко под землёй рвут толстый брезент» (Грин 1980, с. 344). Возможно, причина неудач Сиднея в том, что каждый раз: и в карточном поединке с Гриньо, и при попытке

сброситься вместе с Корридой в ущелье – он сам прибегает к расчёту, уподобляется механизму.

Так, рассуждая о футуристах, он приходит к выводу, что «идеалом изящества в её (машины) сознании должен быть треугольник, квадрат и круг» (Грин 1980, с. 329). В финале же Сидней, описывая свой идеал, вновь говорит о круге:

«Пять сестёр манят их, стоя в центре великого круга, – неподвижные, ибо они есть цель, – и равные всему движению круга, ибо есть источник движения. Их имена: Любовь, Свобода, Природа, Правда и Красота» (Грин 1980, с. 347).

В каком-то смысле герой попадает в свою же ловушку, превращаясь в машину метафор, связанных с кругом.

4. Неуспешность речевых действий. Е.М. Мелетинский отметил:

«Как известно, степень упорядоченности системы пропорциональна количеству информации. В кафкианской модели мира связь между обоими мирами почти сведена на нет «помехами» и грандиозными потерями информации» (Мелетинский 2020).

Однако подобная неуспешность речевых действий присуща и другим произведениям экспрессионистов. В «Мастере Страшного суда» Перуца барон фон Пош будто не в состоянии понять простых слов Дины и интерпретирует их вопреки интенции героини: «Смысл их (слов – К.П.) был совсем не тот. Она хотела просто сказать, чтобы я шёл домой, потому что больше здесь ничем не могу помочь. Это ясно. Совершенно ясно. Никто и не думал возлагать на меня вину» (Перуц 2020, с. 40).

В рассказе «Серый автомобиль» Сидней собирается разоблачить Корриду, указав на то, что он знает о побеге куклы из магазина. Эбенезер, конечно, считает её реакцию доказательством, однако очень быстро становится ясно – героиня просто не понимает вопроса, ей нужна конкретика:

«– Скажите мне, – начал я. – (и это останется между нами) – почему, с какой целью ушли вы из... магазина?»

– Из-ма-га-зи-на?! – медленно сказала Коррида, отвечая мне таким пристальным, глубоким и хитрым взглядом, что я вздрогнул» (Грин 1980, с. 338).

В одном из эпизодов Сидней кричит в телефонную трубку, впадает в истерику, в то время как его собеседник продолжает спокойно говорить. Очевидная неуспешность речевых действий героя налицо.

Полученные результаты и выводы (Заключение). Представленный анализ поэтики рассказа «Серый автомобиль» в контексте художественных особенностей экспрессионизма позволяет сделать вывод о возможности нового взгляда на творчество А. Грина. «Ключи», подобранные к

самым неоднозначным текстам писателя в данной статье, могут открыть и в других текстах автора прежде неизвестные смыслы.

Источники фактического материала

Грин А.С. Серый автомобиль // А.С. Грин. Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. Москва: Правда, 1980. С. 310–347.

Майринк Г. Голем. URL: http://lib.ru/INPROZ/MAJRINK/golem_new.txt (дата обращения: 2.12.2020).

Перуц Л. Мастер Страшного суда. Москва: Престиж Бук, 2020. 448 с.

Перуц Л. Казак и солвушка. Москва: Престиж Бук, 2020. 448 с.

Библиографический список

Быков Д.Л. Советская литература. Расширенный курс. Москва: ПРОЗАиК, 2014. 575 с.

Гэй П. Модернизм. Соблазн ереси: от Бодлера до Беккета и далее. Москва: Ad Marginem, 2019. URL: <https://ru.bookmate.com/books/Fflwn98b> (дата обращения: 2.12.2020).

Звонарёва Л.У. Тайнопись прозы Александра Грина и графические поиски художников. URL: <http://www.newfoundglory.ru/publikacii/taynopis-prozi-aleksandra-grina-i-graficheskie-poiski-hudozhnikov.html> (дата обращения: 1.12.2020).

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/melet1/03.php (дата обращения: 2.12.2020).

Парамонова Т.А. Проза А.Грина как сверхтекстовое единство (на материале романа «Золотая цепь») // Вестник СамГУ. 2008. № 1 (60). С. 101–108.

Паустовский К.Г. Александр Грин // Золотая роза. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. ГИХЛ, 1957. С. 487–699.

Паустовский К.Г. Жизнь Александра Грина // Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. ГИХЛ, 1958. С. 553–554.

Плютова М.И. Об использовании экфрасиса в творчестве А. С. Грина (леди Годива и другие изображения) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2013. № 6. С. 133–137.

Плютова М.И. Оживающие изображения в новелле Александра Грина «Искатель приключений» // Вестник КГУ. 2016. № 4. С. 107–110.

Плютова М.И. Оживший манекен в новелле А. Грина «Серый автомобиль» // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4. Т. 1. С. 220–223.

Плютова М.И. «Оживающие» портреты в творчестве А.С. Грина // Сибирский Филологический журнал. 2014. № 4. С. 61–65.

Плютова М.И. Живые картины в рассказах А.С. Грина «Фанданго» и «Искатель приключений» // Вестник Красноярского государственного

университета им. В.П. Астафьева, 2012. № 3. С. 260–264.

Полупанова А.В. Трансформация «кукольного сюжета» в прозе XIX–XXI вв.: Э.Т.А. Гофман («Песочный человек») – А. Грин («Серый автомобиль») – Д.И. Рубина («Синдром Петрушки») // Филологические науки. 2014. С. 142–145.

Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Москва: Аграф, 1999. 384 с.

Терёхина В.Н. Экспрессионизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Главный редактор и составитель А.Н. Николюкин. НПК «Интелвак», 2001. С. 1222–1227.

References

Bykov, D.L. (2014), *Soviet literature, Advanced course*, PROZAiK, Moscow, Russia.

Gej, P. (2019), *Modernism. The Temptation of Heresy: from Baudelaire to Beckett and beyond*, Ad Marginem, Moscow, Russia, [Online], available at: <https://ru.bookmate.com/books/Fflwn98b> (Accessed 2 dec 2020).

Zvonarjova, L.U. (2018), *The cryptic prose of Alexander Green and the graphic searches of artists*, [Online], available at: <http://www.newfoundglory.ru/publikacii/taynopis-prozi-aleksandra-grina-i-graficheskie-poiski-hudozhnikov.html> (Accessed 1 dec 2020).

Meletinskij, E.M. (2020), *The poetics of myth*, [Online], available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/melet1/03.php (Accessed 2 dec 2020).

Paramonova, T.A. (2008), A. Green's prose as a super-textual unity (based on the novel «The Golden Chain»), *Vestnik SamGU*, no. 1 (60), pp. 101–108.

Paustovskij, K.G. (1957), Alexander Green, *Zolotaja roza, Sbornie sochinenij v 6 tomah*, vol. 2, GIHL, Moscow, Russia.

Paustovskij, K.G. (1958), The Life of Alexander Green, *Sbornie sochinenij v 6 tomah*, vol. 5, GIHL, Moscow, Russia.

Pljutova, M.I. (2013), On the use of ecphrasis in the work of A. S. Green (Lady Godiva and other images), *Izvestija vuzov, Severo-Kavkazskij region, Serija: Obshhestvennye nauki*, no. 6, pp. 133–137.

Pljutova, M.I. (2016), Animating the images in the novel by Alexander Grin, «The Adventurer», *Vestnik KGU*, no. 4, pp. 107–110.

Pljutova, M.I. (2013), The Animated Mannequin in the Story «The Gray Car» by A. Green, *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, no. 4, vol. 1, pp. 220–223.

Pljutova, M.I. (2014), «Reviving» portraits in the works of A.S. Green, *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, no. 4, pp. 61–65.

Pljutova, M.I. (2012), Living pictures in the short stories «Fandango» and «The Adventurer» by A.S. Green, *Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.P.Astaf'eva*, no. 3, pp. 260–264.

Polupanova, A.V. (2014), Transformation of the «puppet plot» in prose of the XIX–XXI centuries: E.T. A. Hoffman («The Sandman») – A. Green («The Gray Car») – D.I. Rubin («Parsley Syndrome»), *Philological sciences*, vol. 10, no. 2, pp. 142–145.

Rudnev, V.P. (1999), *Dictionary of twentieth-century Culture*, Agraf, Moscow, Russia.

Terjohina, V.N. (2001), *Expressionism, Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij*, Glavnyj redaktor i sostavitel' A.N.Nikoljukin, IPK: «Intelvak», Moscow, Russia.

Submitted: 28.01.2021

Revised: 05.03.2021

Accepted: 01.04.2021

Дата: поступления статьи: 02.02.2021
после рецензирования: 08.03.2021
принятия статьи: 01.04.2021

А.В. Белобратов
Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация
E-mail: austrianlibr@hotmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-250-7246>

Эпоха модерна: границы и поименования

Аннотация: в статье дан пространный обзор современных подходов к проблеме описания модерна как литературной эпохи и к возможному установлению ее хронологических границ. Рассмотрены основные терминологические варианты, связанные как с самопоименованием эпохи, так и с попытками исследователей подобрать адекватное сложносоставному эстетическому феномену определение. Дискутируется расширительное толкование модерна как «макроэпохи», ведущей отсчет с конца XVIII столетия и связываемой прежде всего с художественной системой романтизма. На материале эстетических манифестаций немецкого натурализма выявляется роль и значение литературной ситуации 1880-х годов в Германии, в которой повсеместное прокламирование «эстетической революции» и «модерных» установок в культуре уживается со следованием детерминистской эстетике прошлых десятилетий. Ведущие тенденции в культуре «конца века» связываются с формированием первого этапа модерна в искусстве и литературе в 1890–1900 гг., на смену которому уже с началом второго десятилетия нового века приходит искусство авангарда, взрывающее установившиеся было художественные формы, максимально соотносящее себя с современностью. Высказывается предположение, что литературный авангард как «проект будущего» утилитаризирует установки порубежного «модерна», разворачивает их в сторону «массы», выводит художника в пространство политического взаимодействия с обществом, в этом усматривая свою «современность».

Ключевые слова: модерн, модернизм, модерность, современность, авангард, немецкоязычная литература, эпоха.

Цитирование: Белобратов А.В. Эпоха модерна: границы и поименования // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 1. С. 33–41.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Белобратов А.В., 2021** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры истории зарубежной литературы Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11.

A.V. Belobratov
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: austrianlibr@hotmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-250-7246>

Art nouveau period: borders and concepts

Abstract: the article offers an extensive overview of modern approaches to definition of art nouveau as a literary era and to establishing its chronological boundaries. There have been analyzed main variations of the self-definition of the era as well as researchers' attempts to find an appropriate definition to this complex aesthetic phenomenon. The extended interpretation of art nouveau as a «macroepoch» is examined, the period dating back to the end of the 18th century and connected primarily with the artistic system of Romanticism. Based on the aesthetic manifestos of German Naturalism, the meaning of the literary situation in 1880th Germany is examined, where the widespread proclamations of the «aesthetic revolution» and «modern» attitudes coexisted with the adherence to the deterministic aesthetics of the previous decades. The leading trends in the culture of the fin de siècle are connected with the onset of the first stage of art nouveau

in the art and literature of 1890-1900, soon to be replaced by avant-garde art at the turn of the second decade of the new century. Avant-garde, which associated itself with modernity, was mainly destroying already established art forms. This article suggests that the literary avant-garde as a «project of the future» manifests a utilitarian approach to the attitudes of the art nouveau on the brink of the new century, making art nouveau accessible for the «audience» and bringing the artist into the space of political interaction with the society.

Key words: modern, modernism, art nouveau, contemporaneity, avant-garde, German literature, era.

Citation: Belobratov, A. V. (2021), Art nouveau period: borders and concepts, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 33–41.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Belobratov A.V., 2021** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of the History Foreign Literature, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, 11, Universitetskaya Nab., 199034, Russian Federation.

Временной промежуток с 1910-х по середину 1940-х гг. определяется исследователями с разных позиций и с использованием подчас весьма дивергентных поименований. Относительное согласие в немецкоязычном литературоведении существует, пожалуй, только в одном: во включении этого литературного периода в общую хронологическую раму модерна (*die Moderne*), причем время-пространство этой рамы и его внутреннее членение воспринимаются в гуманитарных науках с весьма отклоняющихся друг от друга позиций. Далеки от общего знаменателя и суждения о наполнении этой рамы, о том, что же, собственно, представляет собой «модерн».

В отечественном литературоведении к существующей проблематике номинации модерна прибавляется еще и проблема несхождения семантических полей и затруднительности терминологического перевода. У нас слово «модерн» чаще всего употреблялось как название особого стиля в искусстве XX столетия (например, «модерн начала века», «венский модерн»). В западной истории искусства слово «модерн» также употребляют в этом смысле – с соответствующим уточнением (*Wiener Moderne*, *Berliner Moderne*). Одновременно понятие «модерн» (*die Moderne*) служит как совокупное обозначение исторической эпохи Нового и Новейшего времени — с характерными для нее особенностями социального развития, культуры, искусства, философии. Русский перевод этого термина как «современность» не покрывает его понятийного поля и соотносится скорее с немецким понятием «*Gegenwart*» («современность», «настоящее время»). Перевод же его как «модернизм» вносит дополнительную ирритацию: во-первых, в немецком такое понятие (*der Modernismus*) также существует и имеет определенную закрепленность за рядом культурно-исторических феноменов, во-вторых же, оно (в русском варианте) явно имеет зауженную трактовку, нагружено отрицательными коннотациями, связанными с подходом к модернизму в отечественном литературоведении, и обнаруживает существенные ограничения в хронологии.

В словаре определений культурной эпохи Запада с конца XVIII в. (как вариант – с середины XIX в.) до конца Второй мировой войны (как вариант – до 1960-х гг.) существуют и еще два понятия, имеющие отношение к смысловому полю «модерна»: это «*die Modernität*» («модернистичность», как перевел это слово М.М. Бахтин, или «модерность», если воспользоваться не слишком уклужим переводческим неологизмом, нашедшим доступ в отечественную культурологию) и «*die Modernisierung*» («модернизация»). Иногда эти понятия полностью налагаются друг на друга. Так, А.И. Жеребин, ссылаясь на работу Т. Анца (*Anz 1994*) и характеризуя общую картину восприятия модерна («модернизма»), замечает: «Современная западная концепция модернизма ориентирована культурологически. В немецкой научной литературе под модернизмом (*die Moderne*) подразумевается, как правило, большая культурно-историческая эпоха, имеющая своим общим содержанием социокультурный процесс модернизации во всех областях общественной жизни и сознания. Важнейшими признаками модернизации выступают: технический прогресс, индустриализация и урбанизация, повышение социальной мобильности, развитие средств массовой коммуникации, высокая организация государственно-бюрократической системы, дифференциация и усложнение общественных структур всех уровней, утверждение рационалистического типа мышления и сопровождающий его гносеологический скептицизм, рост субъективного самосознания и эмансипация личности, демифологизация действительности и критическая переоценка метафизических представлений» (Жеребин 2011, с. 21).

Слово «modern» в европейской культуре существует довольно давно: *modernus*, зафиксированное еще в поздней античности, прежде всего имело и имеет «техническое» значение – обозначение чего-то нового, нового теперь и сейчас, в отличие от старого, привычного. И в этом смысле «modern» синонимично «современному», «актуальному», «новому», «молодому». Эрнст Роберт Курциус называет слово *modernus* «одним из по-

следних даров позднелатинского языка новому миру» (Curtius 1993, p. 259). Слово это зафиксировано впервые в конце V века (495 г.) в письме римского папы Геласия; он использует это определение – как прилагательное – для различения новых церковных декретов от старых (*modernas – antiquis*). В Средние века эта оппозиция используется в литературе довольно часто, чтобы подчеркнуть отличие дохристианской античности от христианского времени. Однако и внутри христианской эпохи этот термин используется для различения, – например, средневековые теологи именуют себя *moderni* по сравнению с отцами церкви, или при сопоставлении философов разных эпох и школ Боэций именуется *antiquus*, а Пьер Абеляр – *modernus* (Klinger 2002, p. 123). Собственно, и полемика за и против «старых» и «новых» (*antiques – modernes*) ведется постоянно. Возникает и риторическая формула, становящаяся топосом, общим местом: «новых» представляют карликами на плечах гигантов (старых, древних) – карлики малы, но они сидят на плечах древних великанов и дальше видят.

В самом начале Нового времени (XV век) латинское слово усваивается европейскими национальными языками. Во французском оно приобретает значение «новый, свежий», в английском означает «существующий сейчас». В немецком языке слово «modern» утверждается лишь в XVIII в., будучи заимствованным из французского, в особенности под воздействием знаменитого «Спора о древних и новых» (*Querelle des Anciens et des Modernes*), развернувшегося во французской Академии с легкой руки Шарля Перро после его выступления на заседании 27 января 1687 года с чтением поэмы «Век Людовика Великого». Именно в ходе этого спора «складываются новые ценностные категории, которые станут важнейшими формантами культуры XVIII столетия» (Бахмутский 1985, с. 40) и в конечном счете приведут к кризису нормативного художественного сознания в конце XVIII столетия.

Конец XVIII – начало XIX века – пороговое время, время эпохального переворота, перемены, изменения. Если прежние столетия ориентировались на истоки, на традицию, а будущее новым не представлялось (его наступление означало, в соответствии с эсхатологической моделью, конец света), то теперь современность обращалась в будущее. И технический прогресс, и Французская революция, и секуляризация общества – вот те перемены, которые открыли чувство истории, открыли «современность» (*die Moderne*). Немецкие историки время с 1750 по 1830 обозначают как «*Sattelzeit*» («седловое время»). Именно с середины XVIII века осуществляется глубинное изменение значений классических топосов, и старые слова приобретают новые смыслы.

В немецком литературоведении и культурологии в 1990-е годы отдельными исследователями утверждается расширительное толкование модерна как «макроэпохи», которая «начинается со второй половины XVIII века, с культурного перелома, вызванного Просвещением и революцией» (Kemper 1997, p. 111). Подробное обоснование этого подхода и его освещение на материале немецкоязычной литературы от Фридрих Гельдерлина до Томаса Бернхарда содержится в книге С. Виетта (Vietta 1992). По мысли Х.Р. Яусса, Французская революция 1789–1794 гг. есть вершинное историческое явление, и одновременно она знаменует кризис идеологии Просвещения (Jauß 1989, p. 67). Последнее десятилетие XVIII столетия воспринимается как важнейший этап в постановке проблематики модерна, как своеобразный «водораздел», отделяющий эпоху «рефлексивного традиционализма» от эпохи «индивидуально-творческого художественного сознания» (Аверинцев и др. 1994, с. 32) или, если воспользоваться другим определением отечественных литературоведов-русистов, от времени утверждения «эстетического креативизма» (Тюпа 2008, с. 156). По мысли А.В. Михайлова: «Рубеж XVIII–XIX веков – переломный в истории европейской культуры период, период критический, в течение которого огромные пласты культурной традиции – то, что идет из глубины времен, и то, чему полагается теперь начало, – приходят в столкновение» (Михайлов 1997, с. 509). При этом исследователь подчеркивает прежде всего ситуацию конца «мифориторической» культуры, перехода «от риторики к непосредственности слова, от культуры как всегда наличного и значимого фонда знаний и образов к непосредственности выражения» (Михайлов 1997, с. 516).

При всей важности рассматриваемого исследователями «культурного перелома» и при чрезвычайной значимости романтической философии, культуры и литературы для культуры конца XIX столетия, времени, когда, собственно, и утверждается понятие «модерн» как самоописание эпохи, следует все же отметить, что в терминологическом отношении «*die Moderne*» в литературном и теоретическом обиходе немецкого романтизма остается невостребованным. И Фридрих Шлегель, вопреки утверждению некоторых исследователей (Japp 1987, p. 205), вовсе не выдвигает оппозицию «*moderne – antique*» для противопоставления романтизма «классицизму XVII–XVIII веков, но и самой классической древности» (Жеребин 2011, с. 25). Более того, в «Разговоре о поэзии» (1800) Шлегель специально подчеркивает: «Я установил определенный признак противоположности между античным и романтическим. Прошу Вас все же не понимать меня так, будто романтическое и современное [*das Moderne*] означают для меня одно

и то же. Я думаю, что они столь же отличаются друг от друга, как картины Рафаэля и Корреджо от вошедших нынче в моду гравюр. / Если Вы хотите полностью уяснить это различие, прочитайте, пожалуйста, хотя бы «Эмилию Галотти», это необычайно современное [modern] и несколько не романтическое произведение, а затем вспомните о Шекспире, в котором я усматриваю подлинный центр, средоточие романтической фантазии» (Шлегель 1983, с. 403). То есть у Ф. Шлегеля понятие «современное» [das Moderne] имеет «скорее, негативно-хронологическое значение» (Попов 1983, с. 21).

Многие западные исследователи относят начало «эпохи модерна» (Беньямин 2004, с. 123) к середине XIX в. и к творческим и теоретическим установкам Шарля Бодлера. Бодлер, пожалуй, первым осмысляет и прописывает понятие «modernité». В эссе «Художник современной [moderne] жизни» (1863) он дает модерну определение, которое наиболее часто цитировали исследователи и поэты. Бодлер на основе своего представления о дуализме человеческой природы (духовное и телесное) определяет и дуализм искусства. Задача художника – запечатлеть вечное начало духа в конечной, брэнной материи плоти. «Он ищет нечто, что мы позволим себе назвать духом современности, ибо нет слова, которое лучше выразило бы нашу мысль. Он стремится выделить в изменчивом лике повседневности скрытую в нем поэзию, старается извлечь из преходящего элементы вечного» (Бодлер 1986, с. 300).

Для немецкой культуры и литературы 1830–1870-е годы вряд ли могут быть помыслены и представлены как «время модерна» (ни эпоха бидермайера, ни время поэтического реализма не вписываются в поэтику модальности. Время провозглашения «модерна» наступает в середине 1880-х гг. и связано прежде всего с формирующимся в Германии (в Берлине, отчасти в Мюнхене) искусством натурализма (литература, театр). На общем фоне литературы, искусства, культуры Германии и Австрии середины XIX столетия, представляющей собой ситуацию своеобразного сохранения основ, следования вполне уже мертвым, косным канонам жизнеподобия и идеализма, ориентирующимся на поверхностное восприятие и изображение жизни и человека, погруженное в «историзм» – на этом фоне еще в 1870-е годы, как отмечает Х. Кизель, обнаруживается «воля к модернистичности» (Kiesel 2004, p. 15).

Стремление к радикальному обновлению, к «модерному» миру в середине 1880-х находит многих приверженцев в культуре и искусстве, и прежде всего, среди немецких литераторов, открывающих для себя натурализм как искусство современное. Арно Хольц в 1885 г. публикует сборник стихотворений «Книга времени» («Buch

der Zeit»). Подзаголовок этой книги – «Lieder eines Modernen» (Песни современного человека). Во второе издание этого сборника в 1886 г. Хольц включает следующее четверостишие:

Kein rückwärts schauender Prophet,
Geblendet durch unfäßliche Idole,
modern sei der Poet,^[LSEP]
modern vom Scheitel bis zur Sohle (Kiesel 2004, p. 16).

В 1885 г. появился и коллективный сборник стихотворений, в котором составители презентировали публике «Современные [Moderne] поэтические характеры», дав этому названию подзаголовок «Молодая Германия». Надо сказать, что в литературном отношении сборник был очень разношерстный: практически ничего из того, что там было опубликовано, и из тех, кто там был опубликован, не осталось в литературе, в истории литературы, за исключением, пожалуй, Арно Хольца, но важна была сама заявка на «модерность», связываемая при этом еще и с «молодостью», с новым, ювенильным.

В 1886 г. Карл Бляйтрой опубликовал программную книгу «Революция в литературе» («Revolution in der Literatur»), а Вильгельм Бёльше в 1887 г. – «Естественно-научные основы поэзии» («Naturwissenschaftliche Grundlagen der Poesie»). В обоих издания отчетлива ориентация на обновление литературы, на «модерность», – и на французский натурализм.

В середине 1880-х в Берлине составилось литературное объединение с динамичным и необычным названием «DURCH!» («Напролом!», «Сквозь преграды!»), в которое вошли братья Генрих и Юлиус Гарт, Герхарт Гауптман, Арно Хольц, Иоганнес Шлаф. Ойген Вольф, историк литературы, выступил на собрании группы в 1886 г. с тезисами нового искусства, опубликованными затем в одной из университетских газет в 1887 г. и развернуто изложенными затем в эссе «Новейшее течение литературы в Германии и принцип современности» («Die jüngste deutsche Literaturströmung und das Princip der Moderne», 1888). Нет необходимости останавливаться на деталях – они связаны с программой литературного натурализма, – важно прокламируемое в этой работе стремление к «обновлению», к «модерну» в мышлении, творчестве, восприятии жизни. В концовке статьи, построенной в форме беседы нескольких участников, программно провозглашается главное «слово», «идеал» современной эпохи: «я назову, в противоположность к античности, идеал современный: современность [die Moderne]!» (Wolff 1886, p. 2).

Выступление Ойгена Вольфа «застолбило», так сказать, начало литературного модерна в Германии. Но начался ли модерн на самом деле, был

ли он реализован в творчестве, вопрос весьма дискуссионный. Ведь речь у Вольфа шла о натурализме как искусстве и литературе модерна. Вопрос, относить ли натурализм к модерну (модернизму), учеными обсуждался бурно. Поскольку натурализм призывает основывать литературу на базе современных (естественных) наук и обращаться к проблемам и вопросам современной, современной жизни, то вроде получается, что натурализм «современен», то есть предстает по крайней мере первой ступенью модерна, программно им заявленного. Однако в эстетическом отношении, в очень плотной его связи с реалистическими традициями XIX века, с детерминистской эстетикой, натурализм, конечно же, к модерну можно отнести только с большими оговорками, разве что в духе той самой «модернизации», связанной с «техническим прогрессом, индустриализацией и урбанизацией», о которой пишут философы и культурологи. По мнению В. И. Тюпы, определяющего «модернизм» как «наиболее употребительный термин для парадигмы неклассической художественности», начало этой парадигме «положили символизм и противоположный ему по своей направленности натурализм». При этом исследователь опирается исключительно на материал русской литературы, и в этом контексте отсылка к Л. Н. Толстому и его трактату 1898 г. «Что такое искусство?» сколько-то убедительной в плане включения натурализма в «модернизм» не представляется (Тюпа 2008, с. 157). К эстетическому модерну литература и театр натурализма в Германии 1880-х–начала 1890-х годов все же отношения не имеют.

Иного мнения придерживался В. Г. Адмони: «Если взять за точку отсчета термин *die Moderne*, созданный в Германии 1880-х годов, то в нем сочеталось все новое, что принесли последние десятилетия прошлого века: увлечение новой техникой, урбанизм, социализм, анархизм, натурализм в его крайних формах, новые религиозные течения. Учителями выступают Золя, Толстой, Ибсен, Достоевский. А в 90-е годы сюда же присоединяются идущий из Франции импрессионизм и нищезанятость, символизм и неоромантика, декадентство всех видов» (Адмони 1992, с. 54).

Следует, вероятно, при этом подходить к вопросу не со статических позиций («назначать» дату появления модерна), а с позиций динамических, с точки зрения процесса, движения культуры. В любом случае, провозглашенный берлинскими натуралистами «модерн» (новое искусство, искусство современности) почти мгновенно стал лейтмотивом для многих культурных и творческих деяний, устремлений, стал важным понятием, с которым идентифицировали себя очень многие творческие личности.

1 января 1890 г. в тогда австрийском Брюнне вышел в свет первый номер журнала «Современная

поэзия» («*Moderne Dichtung*»), который открывался статьей Германа Бара «*Die Moderne*». Именно Бару принадлежит честь если не открытия, то активной пропаганды и популяризации идеи модерна, искусства современности. Через год журнал «Современная поэзия» был переведен в Вену и стал издаваться под названием «Современное обозрение» («*Moderne Rundschau*»). Появление нового журнала заметили многие, и не в последнюю очередь – берлинская литературная критика. Отто Юлиус Бирбаум в рецензии на журнал приветствовал появление «этого нового органа литературного реализма». И в Австрии журнал восприняли как связанный с литературой натурализма. В определенной степени это было справедливо. Ведь в «*Moderne Dichtung*», а затем и в «*Moderne Rundschau*» современная литература рассматривалась как «связанная с новейшими естественно-научными, психологическими и социологическими познаниями». То есть цели журнала совпадали с задачами, провозглашаемыми натуралистическими изданиями в Берлине – журналами «Общество» («*Die Gesellschaft*») и «Свободная сцена современной жизни» («*Freie Bühne des modernen Lebens*»). И авторы, публиковавшиеся в австрийском журнале, подчеркивали и подтверждали, что «модерное», современное искусство есть искусство натуралистическое. Вильгельм Бёльше опубликовал в первом номере австрийского журнала статью «Цели и пути современной эстетики» и назвал три великих движущих идеи времени – естественные науки, современную этику и социальный вопрос. С натурализмом были связаны и публиковавшиеся в журнале «портреты» писателей Михаэля Георга Конради, Людвиг Анценгрубера, Германа Конради, Герхарта Гауптмана и ряда других.

При этом заметно было и другое: от номера к номеру постепенно менялся состав журнала и его настроение – в сторону иных, новейших течений литературы и искусства. В нем стали появляться стихи Феликса Дёрмана и Феликса Зальтена, были опубликованы две пьесы Артура Шницлера, стихи Гуго фон Гофманстала. В программной статье журнала, в эссе Германа Бара «Современность» автор предвосхищает близящуюся критику натурализма (в 1891 г. он опубликует работу «Преодоление натурализма») – стоит только обратить внимание на его терминологию, на понятия, автором используемые и связанные, с одной стороны, с проблематикой «декаданса», «конца века», с апокалиптическими прорицаниями: «великое умирание», «смерть истощенного человечества», «конец, завтра мир рухнет, мы беззащитны», – и одновременно адресованные в будущее, по направлению к новому миру: «воплль, взывающий к Спасителю», «новое искусство», «новая религия», «воскресение», «вера современности» («*der Glaube der Moderne*»).

В этом эссе звучат и очень важные слова, свидетельствующие о явном отходе от натуралистических и реалистических концепций искусства: «у нас нет иного закона, кроме истины, какой ее каждый для себя воспринимает». Тут содержатся два важных момента: первое – релятивизация понятия «истина», ее субъективизация. И второе – важное слово «воспринимать», «ощущать» (*empfinden*). То есть не радио, не рациональное начало доминирует в постижении и постулировании истины, а впечатление, ощущение. «Только чувствам хотим мы доверяться, только тому, что они открывают нам и что они нам диктуют» (Bahr 1981, p. 189–190).

Собственно, здесь можно говорить о программе нового искусства, в котором «все внешнее становится полностью внутренним, и этот новый человек является совершенным символом новой природы» (Bahr 1981, p. 190). Поэтической реализацией этой программы движения искусства вовнутрь являются стихи Гофманстала, новелла Лепольда фон Андриана «Сад познания», повесть Рихарда Беер-Гофмана «Смерть Георга», первые драматические опыты Артура Шницлера (цикл одноактных пьес «Анатоль») и – в особенной степени – миниатюры Петера Альтенберга (книга «Как я это вижу»).

Несомненно, не следует воспринимать при этом складывающуюся ситуацию модерна как занимающую абсолютно все пространство культуры, меняющую весь состав ее «крови»: перемена затрагивает лишь определенный культурный слой, лишь часть литературы. В самом начале 1890-х Гофмансталь в своей статье «Габриэль д'Аннунцио» так охарактеризовал формирующуюся атмосферу: «Мы! Мы! Я прекрасно знаю, что говорю не обо всем поколении своих современников. Я говорю о нескольких тысячах, рассеянных по крупным городам Европы. [...] Тем не менее эти две-три тысячи личностей имеют немаловажное значение, хотя среди них вовсе не обязательно встречаются выдающиеся таланты своего времени, а тем более гении; в них отнюдь не всегда воплощены мозг или сердце поколения; они всего лишь носители его сознания. Они с болезненной отчетливостью ощущают себя людьми своего времени; они понимают друг друга с полуслова, и привилегия этого духовного франкмасонства почти единственное преимущество их перед остальными. Но из условного языка, на котором они поверяют друг другу свои странности, свою особую тоску и особую чувствительность, история почерпнет ключевое слово эпохи» (Гофмансталь 1995, с. 489). И слово это – «модерн» – Гофмансталь также произносит.

Искусство и литература венского модерна при этом к началу 1910-х гг. предстают как преодоленные (или должны быть преодоленными) «совсем

новым», революционным искусством. И таковым является искусство и литература авангарда (в Германии и Австрии связанные прежде всего с литературным экспрессионизмом). Здесь мы снова сталкиваемся с проблемой приложения понятия «эпоха модерна» к культурному процессу: исследователи то отчетливо отделяют авангард от модерна, то стремятся рассматривать авангард в рамках модерна как особую его реализацию. М. Делперман, к примеру, включает авангардизм в рамки европейского (и русского) модерна (Delpermann 2001). Х. Кизель также считает авангардизм существенной составной частью модерна (особенно в главе «Авангардистская линия модерна») (Kiesel 2004, pp. 233–297). Авангардное искусство и литература авангарда (в немецкоязычном культурном пространстве речь идет при этом главным образом об экспрессионизме) позиционирует себя как проект будущего, максимально ориентируясь при этом на взаимодействие с «массой», с революционизацией социума и видя в этом свою, особую «современность».

На 1910–1930-е гг. в европейской культуре приходится творчество ряда выдающихся прозаиков (Марсель Пруст во Франции, Джеймс Джойс и Вирджиния Вулф в Англии, Франц Кафка и Роберт Музиль в Австрии, Томас Манн и Альфред Деблин в Германии, Уильям Фолкнер в США), которых исследователи без каких-либо колебаний относят к литературе модерна – или модернизма (собственно, термин этот активно представлен в англоязычном литературоведении и до некоторой степени ассимилируется литературоведами немецкоязычными). Х.У. Гумбрехт в коллективном сборнике «Многозначность модерна» говорит о движении понятия «модерн» и отмечает «каскады модернизации», при этом он связывает понятие «модерн» с разными этапами «обновления» социальной и культурной жизни на протяжении двух последних веков европейской истории (Guymbrecht 1998).

Совершенно очевидно, что термин «модерн», термин многозначный, порой сбивающий с толку, путаный. Путаница эта связана и с тем, что понятие модерна по-разному определяется в разных гуманитарных дисциплинах (в философии, социологии, историографии, искусствоведении, литературоведении) (Gumbrecht 1972). Трудности в определении диктуются и тем, что это понятие используют и как историческую категорию для обозначения определенной эпохи (узкого или широкого), и как категорию системную, чтобы охарактеризовать определенные содержания, постулаты, идеологемы того, что представляется модерном или декларирует себя как таковое.

Начиная с 1980-х было опубликовано огромное число работ, посвященных этой терминологически-хронологической и содержательно-систем-

ной проблеме. В книге Ю. Петерсена говорится даже о намеренном отказе исследователей от выяснения вопроса «о сущности модерна» (Petersen 1991, p. 6).

Й. Шёнерт в докладе «Социальная модернизация и литература модерна» так освещает сложившуюся ситуацию: «с точки зрения истории мысли модерн начинается между 1450 и 1600 годом (Новое время), усилиями Монтеня, Декарта и Паскаля определяются отчетливые контуры этого процесса; с точки зрения истории социума исходной точкой модерна для «западных» сообществ представляется вторая половина XVIII века; с точки зрения истории литературы и искусств следует таковой определить вторую половину XIX века; «модернистичность» фиксируется в программных требованиях к искусству во Франции у Бодлера в 1859 году, в Германии в 1886 году в попытке Ойгена Вольфа «утвердить» программу литературного натурализма, а также в различных национальных движениях культуры от авангарда до «modernismo» (Schönert 1986, p. 397).

Определение модерна предстает в общем и целом достаточно приблизительным и широким. Как отмечает К.П. Лиссман: «Само существование модерна между тем поставлено ныне под сомнение, и философия современного искусства должна, вероятно, осмыслять себя как философия постмодерна. Именно неопределенность в ответе на вопрос, существуем ли мы попрежнему в той эпохе, в том «проекте», который именуется «модерном», отчетливо повышает интерес к нашей тематике и облегчает подходы к ней, — ведь из ситуации этой неопределенности мы смогли более отстраненно взглянуть на этот проект: нам не нужно исто-во защищать модерн и его искусство, равно как и нет необходимости столь же яростно нападать на него. И, помимо этого, следует отметить: хотя модерн всегда предполагает ориентацию на современность, не все, относящееся к современности, может быть определено как связанное с модерном» (Лиссман 2011, с. 12).

Разновременность культурных событий сама по себе является необходимым качеством модернистичности, позволяя во всякий момент использовать понятие «модерн» как боевой лозунг. Идея авангарда, всегда стремящегося опередить современность, еще раз указывает на этот процесс внутренней дифференциации в осмыслении модерна. С другой стороны, модерн уже превратился в понятие историческое. Однако вопрос о том, когда начинается эпоха модерна и закончилась ли она уже, составляет предмет обильных дискуссий. Если под модерном понимать процесс рационализации экономики, который осуществлялся путем постепенной секуляризации всех сфер человеческого существования, то корни его, вне всякого сомнения, обнаруживаются в эпоху раннего Воз-

рождения. Если же, напротив, держаться традиционного понимания художественного дискурса, то модерн следует идентифицировать с авангардными движениями в литературе и искусстве, которые осуществляют эстетическую революцию лишь в начале XX века и отличаются тем, что разрушают традиционно принятые эстетические категории.

К.П. Лиссман придерживается того определения модерна, которое отказывается от двух представленных выше крайних позиций и в общих чертах характеризуется опорой на следующие аспекты: повсеместный переход социума к капиталистическому способу производства, который затронул не только ремесленное производство и торговлю, но и промышленное производство в целом; освоение секуляризованного самосознания в философии Просвещения; освобождение искусств от религиозной и политической зависимости и их существование в сферах эстетической деятельности, имеющих подчеркнуто автономный характер.

Значительное место понятийному определению модерна уделяет в своей книге П. В. Цима. По его словам: «Важно сначала отграничить понятие модерна от родственных ему понятий “новое время” и “модернизм”, ибо “модерн” часто используют как синоним “нового времени” или “модернизма”». Обозначая «модерном» продолжительный период европейской литературной истории (с конца XVIII века до 1960-х гг.), эпоху, начинающуюся в последнюю треть XIX столетия, исследователь предлагает именовать «поздним модерном» или «модернизмом» как «временем критического осмысления модерна» (Zima 1997, p. 8, 10).

Попытку разрешить терминологическую проблему и одновременно отчетливее обозначить существенный водораздел между культурной и литературной ситуацией на рубеже XIX–XX столетий предпринимает в обширной статье А. Г. Березина, предлагая использовать определение «модерн» как относящееся к целой эпохе (1890–1910 гг.) (причем в наименовании «эпоха модерна»), «модернизм» же, «время» которого простирается от 1910-х гг. «чуть ли не до конца XX века», относить к «более узкому кругу явлений, касающихся в основном литературы и конкретно – романа» (Березина 2008, с. 28). В определенной степени такая дифференциация связана со стремлением «развести» существующие в русской гуманитарной науке определения «модерн» (в искусствоведении и культурологии привязанные к «стилю модерна») и «модернизм», которые, если обратиться к немецкоязычному искусствоведению и литературоведению, не имеют подобного устойчивого различения.

От термина «модернизм» при обращении к широкому полю литературной эпохи конца XIX – середины XX в., пожалуй, возможно отказаться,

поскольку выделить в широком контексте литературных «измов» – импрессионизм, неоромантизм, символизм, футуризм, экспрессионизм, дадаизм и т.п. – еще и «модернизм» как обозначение определенного литературного движения представляется невозможным, ведь слишком невнятно и общо это терминологическое образование в применении к какой-либо хоть относительно единой художественной систематике. Временные же рамки «модерна» как некоей эстетической эпохи предпочтительно рассматривать как в определенной мере совпадающие в своем начале с 90-ми годами XIX столетия (ранний модерн) и относительно фиксированные в своем завершении 1945-м годом, годом окончания Второй мировой войны. Аналогичные временные рамки модерна рассматривает в своей монографии Х. Кизель. При этом период с 1910-го по середину 1920-х гг. он определяет как «авангардистское время модерна», а время с середины 1920-х до 1945 г. – как «рефлексивный модерн» (Kiesel 2004, pp. 233, 299).

Библиографический список

- Anz, Th. (1994), *Gesellschaftliche Modernisierung, literarische Moderne und philosophische Postmoderne, Die Modernität des Expressionismus*, Hrsg. von Th. Anz, M. Stark, Metzler, Stuttgart; Weimar, pp. 1–8.
- Bahr, H. (1981), *Die Moderne, Die Wiener Moderne. Literatur, Kunst und Musik zwischen 1890 und 1910*, Hrsg. von H. Wunberg, Reclam, Stuttgart, Germany.
- Curtius, E.R. (1993), *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter.*, 11. Aufl., A. Francke, Tübingen and Basel.
- Deppermann, M. (2001), *Experiment der Freiheit: Russische Moderne im europäischen Vergleich, Wien und St. Petersburg um die Jahrhundertwende(n): kulturelle Interferenzen*, Hrsg. von A. W. Belobratow, Bd. 1, Peterburg. XX vek, St. Petersburg, pp. 31–51.
- Gumbrecht, H.U. (1972), *Modern, Modernität, Moderne, Geschichtliche Grundbegriffe*, Bd. 4 (Mi – Pre), Hrsg. von W. Conze., Klett-Cotta, Stuttgart, pp. 93–131.
- Gumbrecht, H.U. (1998), *Kaskaden der Modernisation, Mehrdeutigkeiten der Moderne*, Hrsg. von J. Weiß. University Press, Kassel, pp. 15–37.
- Japp, U. (1987), *Literatur und Modernität*, Vittorio Klostermann, Frankfurt a. M., Germany.
- Jauff, H.R. (1989), *Studien zum Epochenwandel der ästhetischen Moderne*, Suhrkamp, Frankfurt a. M., Germany.
- Kemper, D. (1997), *Ästhetische Moderne als Makroepoche, Ästhetische Moderne in Europa. Grundzüge und Problemzusammenhänge seit der Romantik*, Hrsg. von S. Vietta and D. Kemper, Wilhelm Fink, München, pp. 97–126.
- Kiesel, H. (2004), *Geschichte der literarischen Moderne. Sprache – Ästhetik – Dichtung im zwanzigsten Jahrhundert*, C.H. Beck, München, Germany.
- Klinger, C. (2002), *Modern / Moderne / Modernismus, Ästhetische Grundbegriffe*. Bd. 4. Hrsg. von K. Barck and M. Fontius, Metzler, Stuttgart, pp. 121–167.
- Petersen, J.H. (1991), *Der deutsche Roman der Moderne*, Metzler, Stuttgart, Germany.
- Schönert, J. (1986), *Gesellschaftliche Modernisierung und Literatur der Moderne, Zur Terminologie der Literaturwissenschaft*, Hrsg. von Ch. Wagenknecht. Metzler, Stuttgart, pp. 393–423.
- Vietta, S. (1992), *Die literarische Moderne. Eine problemgeschichtliche Darstellung der deutschsprachigen Literatur von Hölderlin bis Thomas Bernhard*, Metzler, Stuttgart, Germany.
- Wolff, E. (1886), *Die Moderne. Zur «Revolution» und «Reform» der Litteratur, Deutsche akademische Zeitschrift*, vol. 3, no. 33, insert 2, p. 2.
- Zima, P.V. (1997), *Moderne – Postmoderne: Gesellschaft, Philosophie, Literatur*, A. Francke, Tübingen and Basel, Germany.
- Категории поэтики в смене литературных эпох С.С. Аверинцев, М.Л. Андреев, М.Л. Гаспаров [и др.] // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Отв. ред. Гринцер П.А. Москва: Наследие, 1994. С. 3–38.
- Адмони В.Г. Модернизм – постмодернизм // Всемирное слово. 1992. № 2. С. 54–57.
- Адорно Т. Эстетическая теория. Пер. Дранова А.В. Москва: Республика, 2001. 526 с.
- Бахмутский В.Я. На рубеже двух веков // Спор о древних и новых. Сост. Бахмутский В.Я. Москва: Искусство, 1985. С. 7–40.
- Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе. Сост. Белобратов А.В. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2004. 478 с.
- Березина А.Г. Модерн и модернизм // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. IV. Отв. ред. Бабенко Н.С., Белобратов А.В. Москва: Языки славянской культуры, 2008. С. 28–41.
- Бодлер Ш. Поэт современной жизни. Пер. Столяровой Н.И., Липман Л.Д. // Бодлер Ш. Об искусстве. Москва: Искусство, 1986. С. 283–315.
- Гофмансталь Г. фон. Габриэль д'Аннунцио. Пер. Михелевич Е. // Гофмансталь Г фон. Избранное. Москва: Искусство, 1995. С. 488–498.
- Жеребин А.И. Вертикальная линия. Венский модерн в смысловом пространстве русской культуры. Санкт-Петербург: Изд. им. Н.И. Новикова, 2011. 533 с.
- Лиссман К.П. Философия современного искусства: введение. Санкт-Петербург: Гиперион, 2011. 247 с.
- Михайлов А.В. Языки культуры. Москва: Языки русской культуры, 1997. 909 с.

Попов Ю.Н. Философско-эстетические воззрения Фридриха Шлегеля // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. Сост. Попов Ю.И. Москва: Искусство, 1983. С. 7–37.

Тюпа В.И. Парадигмы художественности // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. Глав. науч. ред. Тамарченко Н.Д. Москва: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. С. 155–158.

Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. Пер. Попова Ю.И. Москва: Искусство, 1983. 479 с.

References

Anz, Th. (1994), Gesellschaftliche Modernisierung, literarische Moderne und philosophische Postmoderne, *Die Modernität des Expressionismus*, Hrsg. von Th. Anz, M. Stark, Metzler, Stuttgart; Weimar, pp. 1–8.

Bahr, H. (1981), *Die Moderne, Die Wiener Moderne. Literatur, Kunst und Musik zwischen 1890 und 1910*, Hrsg. von H. Wunberg, Reclam, Stuttgart, Germany.

Curtius, E.R. (1993), *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter.*, 11. Aufl., A. Francke, Tübingen and Basel.

Deppermann, M. (2001), Experiment der Freiheit: Russische Moderne im europäischen Vergleich, *Wien und St. Petersburg um die Jahrhundertwende(n): kulturelle Interferenzen*, Hrsg. von A. W. Belobratow, Bd. 1, Peterburg. XX vek, St. Petersburg, pp. 31–51.

Gumbrecht, H.U. (1972), Modern, Modernität, Moderne, *Geschichtliche Grundbegriffe*, Bd. 4 (Mi – Pre), Hrsg. von W. Conze., Klett-Cotta, Stuttgart, pp. 93–131.

Gumbrecht, H.U. (1998), Kaskaden der Modernisation, *Mehrdeutigkeiten der Moderne*, Hrsg. von J. Weiß. University Press, Kassel, pp. 15–37.

Japp, U. (1987), *Literatur und Modernität*, Vittorio Klostermann, Frankfurt a. M., Germany.

Jauß, H.R. (1989), *Studien zum Epochenwandel der ästhetischen Moderne*, Suhrkamp, Frankfurt a. M., Germany.

Kemper, D. (1997), Ästhetische Moderne als Makroepoche, *Ästhetische Moderne in Europa. Grundzüge und Problemzusammenhänge seit der Romantik*, Hrsg. von S. Vietta and D. Kemper, Wilhelm Fink, München, pp. 97–126.

Kiesel, H. (2004), *Geschichte der literarischen Moderne. Sprache – Ästhetik – Dichtung im zwanzigsten Jahrhundert*, C.H. Beck, München, Germany.

Klinger, C. (2002), *Modern / Moderne / Modernismus, Ästhetische Grundbegriffe*. Bd. 4. Hrsg. von K. Barck and M. Fontius, Metzler, Stuttgart, pp. 121–167.

Petersen, J.H. (1991), *Der deutsche Roman der Moderne*, Metzler, Stuttgart, Germany.

Schönert, J. (1986), Gesellschaftliche Modernisierung und Literatur der Moderne, *Zur Terminologie der Literaturwissenschaft*, Hrsg. von Ch. Wagenknecht. Metzler, Stuttgart, pp. 393–423.

Vietta, S. (1992), *Die literarische Moderne. Eine problemgeschichtliche Darstellung der deutschsprachigen Literatur von Hölderlin bis Thomas Bernhard*, Metzler, Stuttgart, Germany.

Wolff, E. (1886), Die Moderne. Zur «Revolution» und «Reform» der Litteratur, *Deutsche academische Zeitschrift*, vol. 3, no. 33, insert 2, p. 2.

Zima, P.V. (1997), *Moderne – Postmoderne: Gesellschaft, Philosophie, Literatur*, A. Francke, Tübingen and Basel, Germany.

Averincev, S.S., Andreev, M.L., Gasparov, M.L. et al. (1994), The Categories of Poetics in the Shift of Literary Epochs, *Historical Poetics. Literary Epochs and Types of Artistic Consciousness*, P. A. Grincer (ed.), Nasledie, pp. 3–38.

Admoni, V.G. (1992), Modernizm – postmodernizm, *Vsemirnoe slovo*, no. 2, pp. 54–57.

Adorno, Th. (2001), *Aesthetic Theory*, Respublika, Moscow, Russia.

Bachmutschik, V.Ja. (1985), At the turn of two centuries, *Quarrel of the Ancients and the Moderns*, V. Ja. Bachmutschik (ed.), Iskusstvo, pp. 7–40.

Benjamin, W. (2004), *The Masks of Time. Essays on Culture and Literature*, A.V. Belobratov (ed.), Simposium, St. Petersburg, Russia.

Berezina, A.G. (2008), Modernity and Modernism, *Russian German Studies. Annales of the Russian Union of Germanists*, vol. IV, Babenko and A.V. Belobratov (ed.), Jazyki slavjanskoj kul'tury, Moscow, pp. 28–41.

Baudelaire, Ch. (1986), Poet sovremennoj shizni, *Writings on Art*, Iskusstvo, pp. 283–315.

Hofmannsthal, H. von (1995), Gabriele D'Annunzio, *Selected Works*, Iskusstvo, pp. 488–498.

Sherebin, A.I. (2011), *Vertical line. The Viennese Modernity in the Sense Field of Russian Culture*, no. I. Novikov, St. Petersburg, Russia.

Liessmann, K.P. (2011), *Philosophy of Modern Art: An Introduction*, Giperion, St. Petersburg, Russia.

Michajlov, A.V. (1997), *Languages of Culture*, Jazyki russkoj kul'tury, Moscow, Russia.

Popov, Ju.N. (1983), Philosophical and Aesthetic Views of Friedrich Schlegel, Schlegel, F. *Aesthetics. Philosophy. Criticism*, vol. 1, Ju. I. Popov (ed.), Iskusstvo, pp. 7–37.

Tjupa, V.I. (2008), Paradigms of Artistry, *Poetics: a Dictionary of Actual Terms and Concepts*, N.D. Tamarcenko (ed.), Kulagina, Intrada, pp. 155–158.

Schlegel, F. (1983), *Aesthetics. Philosophy. Criticism*, vol. 1, Ju. I. Popov (ed.), Iskusstvo, Moscow, Russia.

Submitted: 02.02.2021

Revised: 08.03.2021

Accepted: 01.04.2021

УДК 82-09

Дата: поступления статьи: 20.01.2021
после рецензирования: 03.03.2021
принятия статьи: 01.04.2021

С.А. Голубков

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: golubkovsa@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

Понятия «современное», «новое» и «своевременное» в литературном сознании 1920-х годов

Аннотация: в данной статье идет речь о том, как время радикальных перемен трансформирует литературную ситуацию, меняет само содержание современности. В это содержание входит смена типов художественного мышления, взаимодействие стилевых тенденций, возникновение актуальной тематики, смена самих форм бытования литературного произведения, изменение писательского статуса в социуме, рождение новых читательских запросов. Литературная современность рассматривается как поливекторный процесс, в который включаются различные творческие группы, писательские сообщества. Они предлагают свои инновации. Существо новизны очередной эпохи может выражаться в активном споре с предшествующими литературными моделями. Современники могут вкладывать в понятие новое разное содержание. Так, в чрезвычайно политизированные 1920-е годы черты нового могла вдруг приобрести ориентация не на идеологическую доминанту творчества, а на талант художника, на эстетическое качество его творческого продукта, на обновление художественных форм («Серapiоновы братья», «Перевал»). Под новым понимали варианты плодотворного синтеза фантастики и быта, реализма и символизма, реализма и экспрессионизма, точечной конкретики и широкого абстрагирования. Рассматривались судьбы отдельных жанров (например, романа). Новое могло проявиться и в самом понимании современности (актуальности) литературного произведения. С постепенным введением жесткой регламентации в литературный процесс менялось понимание такой актуальности (теория социального заказа). Неочевидность нового (скрытая своевременность) позволяет подвергать литературу 1920-х годов переоценкам, посмотреть на нее с вековой дистанции. Обнаруживаются подлинные инновации этого времени.

Ключевые слова: современное, новое (инновация), своевременное, поливекторный процесс, синтез, идеологический диктат, регламентация, социальный заказ, запрос эпохи, неочевидное, скрытая своевременность.

Цитирование: Голубков С.А. Понятия «современное», «новое» и «своевременное» в литературном сознании 1920-х годов // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 1. С. 42–48.

Благодарности: автор статьи выражает признательность литературоведам Самарского университета – организаторам Всероссийской конференции с международным участием «Современное» как проблема в истории литературы и культуры (слова и границы понятий: «модерн», «модернизм», «постмодерн», «постмодернизм»), посвященной 75-летию доктора филологических наук профессора Николая Тимофеевича Рымаря, за создание атмосферы творческого диалога, побуждающего к продуктивным размышлениям.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Голубков С.А., 2021 – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

S.A. Golubkov
Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: golubkovsa@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

The concepts «modern», «new» and «timely» in the literary consciousness of the 1920s

Abstract: in this article, we are talking about how the time of radical changes transforms the literary situation, changes the very content of modernity. This content includes a change in the types of artistic thinking, the interaction of style trends, the emergence of relevant topics, the change in the very forms of existence of a literary work, the change in the writer's status in society, the birth of new reader requests. Literary modernity is considered as a polyvector process, which includes various creative groups and writing communities. They offer their own innovations. The essence of the novelty of the next epoch can be expressed in an active dispute with the previous literary models. Contemporaries can put different content into the concept of a new one. So, in a highly political 1920-ies features of the new could suddenly acquire focus not on the ideological dominance of creativity and talent on the aesthetic quality of its products, to update the art forms («Serapion's brothers», «Pass»). Under the new one, we understood the variants of a fruitful synthesis of fiction and everyday life, realism and symbolism, realism and expressionism, point specifics and broad abstraction. The fate of individual genres (for example, the novel) was considered. The new could manifest itself in the very understanding of the timeliness (relevance) of a literary work. With the gradual introduction of strict regulation in the literary process, the understanding of such relevance changed (the theory of social order). The non-obviousness of the new (hidden timeliness) allows us to reevaluate the literature of the 1920s, to look at it from a century-old distance. The true innovations of this time are revealed.

Key words: modern, new (innovation), timely, polyvector process, synthesis, ideological dictate, regulation, social order, request of the epoch, non-obvious, hidden timeliness.

Citation: Golubkov, S.A. (2021), The concepts «modern», «new» and «timely» in the literary consciousness of the 1920s, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 42–48.

Acknowledgements: the author of the article expresses his gratitude to the literary critics of Samara University – the organizers of the All-Russian Conference with international participation «Modern Art» as a problem in the history of literature and culture (words and boundaries of concepts: «modern», «modernism», «postmodern», «postmodernism»), dedicated to the 75th anniversary of the Doctor of Philology (habilitatus), Professor Nikolai Timofeevich Rymar, for creating an atmosphere of creative dialogue that encourages productive reflection.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Golubkov S.A., 2021 – Dr. philol. habil., Professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Время многомерно. Существует несколько временных измерений, в которых существует человек. Наряду с временем физическим, объективно существующим, у каждого из нас есть индивидуальное психологическое время. У каждой цивилизации есть свое цивилизационное время, движение которого измеряется событийной и смысловой наполненностью процесса развития социума. Эти времена могут не совпадать. Кроме того, существуют разные парадигмы толкования большого времени бытия человечества: разомкнуто-линейная (теория поступательного прогресса) и циклически-замкнутая (теория О. Шпенглера).

Ментально-эмоциональное восприятие человеком времени (психологическое время) тоже не-

линейно. Оно парадоксально соединяет в себе, с одной стороны, случайностную мозаичность, а с другой стороны, иерархичность, поскольку включает разные свои уровни: мироощущение, миропонимание, мироотношение. Мироощущение в известной степени стихийно, оно связано с интуитивно-чувственным восприятием времени. Миропонимание, так сказать, располагается в плоскости логического объяснения событий и примет протекающей временной действительности, занято поиском скрытых причинно-следственных связей. И, наконец, мироотношение знаменует действенное отношение ко времени, провоцирует человека на поступок.

И объективно-физическое, и цивилизационное, и психологическое время имеют макро- и ми-

кредитности своего измерения (эпохи, процессы, этапы, события, поступки, впечатления, душевные импульсы). Отношение ко времени в разные исторические эпохи было разным. Время нередко трактовалось как неизменность. А там, где неизменность, там нет и понятия современности, ощущения прихода чего-то совершенно нового. Д.С. Лихачев в книге «Поэтика древнерусской литературы» писал по этому поводу: «Люди замечают то, что движется, и не видят неподвижного. Заметить движение — это значит заметить и движущийся объект. Это же касается и изменений во времени. В самом деле, если мы присмотримся к тому, как понимался мир в античности или в средневековье, то заметим, что современники многого не замечали в этом мире, и это происходило потому, что представления об изменяемости мира во времени были сужены. Социальное и политическое устройство мира, быт, нравы людей и многое другое казались неизменными, навеки установленными. Поэтому современники их не замечали и их не описывали в литературных и исторических сочинениях. Летописцы и хроникеры отмечают лишь события, происшествия в широком смысле этого слова. Остального они не видят. Категория времени имеет все большее и большее значение в современном понимании мира и в современном отражении этого мира в искусстве» (Лихачев 1979, с. 209).

Ход исследования

Слова «современное» и «сегодняшнее» обычно трактуются как синонимы. В известной степени это правильно. Различие этих понятий состоит в масштабе смыслового поля. Сегодняшнее уже, современное шире. Говоря об их семантике, мы используем, как правило, хронологический аспект в своих рассуждениях. Когда же речь заходит о более глубоком их различии, человек обращается уже к аспекту идейно-содержательному.

Евгений Замятин так писал об этих понятиях: «... "сегодняшнее" и "современное" — величины разных измерений; у "сегодняшнего" — практически — нет измерения во времени, оно умирает завтра, а "современное" — живет во временных масштабах эпохи. Сегодняшнее — жадно цепляется за жизнь, не разбирая средств: надо торопиться — жить только до завтра. И отсюда в сегодняшнем — неприменная юркость, угодливость, легковесность, боязнь копнуть на вершок глубже, боязнь увидеть правду голой. Современное — стоит над сегодня, оно может с ним диссонировать, оно может оказаться (или показаться) близоруким — потому что оно дальнорукое, оно смотрит вдаль. От эпохи — сегодняшнее берет только окраску, кожу, это закон мимикрии; современному — эпоха передает сердце и мозг, это закон наследственности» (Замятин 1988, с. 445).

Заметим так-же, что любая современность — это поливекторный процесс, ведь речь идет о включении в одномоментно протекающий жизненный поток разновозрастных наций, обществ, людей, культур. Можно вспомнить давние литературоведческие и педагогические споры 1970-х гг. о сложностях, возникавших при преподавании литературы народов СССР (материалы публиковались в №№ 3, 10 журнала «Вопросы литературы» за 1977 год). Единый литературный процесс с трудом выстраивался, поскольку в общее движение вовлекались и древние письменные, и младописьменные литературы. В силу исторических обстоятельств у них были разная стадильность, разный капитал традиций, различная по сохранности фольклорная база как резервуар архетипов мифологического сознания.

Толкование современного применительно к художественной литературе предполагает, конечно, и наличие разных измерительных инструментов оценивания, позволяющих обнаружить смену типов художественного мышления, взаимодействие стилевых тенденций, возникновение актуальной тематики, смену самих форм бытования литературного произведения, изменение писательского статуса в социуме, рождение новых читательских запросов.

Существо новизны очередной литературной эпохи может выражаться в активном споре с предшествующими литературными моделями. Как отмечает Б. Гройс, «инновация не состоит в создании чего-то нового, чего не было в мире прежде — на такую инновацию способен только Творец мира, но не смертный человек. Для человека инновация возможна только как переоценка ценностей, как смещение границы между культурными ценностями и профанными вещами» (Гройс, с.150). В таком творческом диалоге с существующими в культурном архиве художественными моделями можно выделить два принципиально важных аспекта: 1) внешний, вербально реализуемый в громких декларациях, широковещательных манифестах той или иной литературной группы; 2) внутренний, озаменованный подспудными внутрилитературными процессами, связанными с рождением нового художественного языка, с жанровыми трансформациями (например, возникновение антижанра, той же антиутопии).

Такая инновация связана также с отношением ко времени, к пониманию современности как непрерывающегося процесса культурного обмена, процесса творческого обновления, касающегося всего корпуса социокультурных идей и построений. Б.А. Ланин в статье «Анатомия литературной антиутопии» отмечал это стремление ускорить время, приблизить новое, современное: «Антиутопия всегда проникнута ощущением

застывшего времени, поэтому авторский пафос – в «поторапливании» времени. Испортилась Часовая Скрижаль в Едином Государстве, застыло время в Чевенгуре, задремало – в «Приглашении на казнь». Время всегда кажется антиутопии слишком замедлившим свой бег. Отсюда – непрменная попытка заглянуть в будущее, «логически» – сообразно авторской, а не всегда художественной логике – продолжить, «дописать» историю, заглянуть в завтрашний день, но при этом закамуфлировать скачок во времени» (Ланин, с. 161).

Современное как понятие, конечно, связано с понятием нового. Современные ученые в своих монографиях и сборниках научных трудов исследуют, как происходит становление нового в каждую литературную эпоху. Назовем коллективный труд сотрудников Института мировой литературы РАН «В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920-1930-х годов», вышедший под редакцией О.А.Казниной в 2010 году (В поисках новой идеологии... 2010).

Естественно, современники могут вкладывать в понятие новое разное содержание. Так, в 1920-е годы черты нового могла вдруг приобрести ориентация не на идеологическую доминанту творчества, а на талант художника, на эстетическое качество его творческого продукта. Примечательно в этом отношении группа «Перевал». Литературовед Г.А. Белая назвала свою монографию об истории этой литературной группы весьма примечательно – «Дон-Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьба его идей» (Белая 1989). Донкихотство А.К. Воронского и его группы, по мысли автора книги, заключалось в том, что в условиях жесточайшей идеологической борьбы и возобладовавших вульгарно-социологических тенденций делать ставку на литературный талант, духовную свободу художника и чисто эстетические критерии было делом неосуществимым и в известном смысле безрассудным. Во главу угла «перевальцы» ставили не социальную принадлежность писателя, а богатство его художественного мира. Они справедливо полагали, что любые мертвящие вульгарно-социологические схемы ведут к обескровливанию и обеднению искусства.

В литературе 1920-х годов под новым понимали и варианты плодотворного синтеза фантастики и быта, реализма и символизма, реализма и экспрессионизма, точечной конкретики и широкого абстрагирования (что видно по творчеству писателей группы «Серрапионовы братья»). Правда, это длилось недолго, вскоре наступило новое десятилетие, когда литературу бесцеремонно бросили на «прокрустово ложе» административно «спущенного сверху» соцреализма.

Современники могли соотносить новое и с судьбами либо всей сложившейся жанровой си-

стемы, либо одного жанра. Характерна в этом отношении статья О. Мандельштама «Конец романа», опубликованная в первом номере альманаха «Паруса» за 1922 год. Рассматривая роман как жанр, измеряемый «биографической мерой», автор статьи давал прогноз: «Дальнейшая судьба романа будет не чем иным, как историей распыления биографии как формы личного существования, даже больше чем распыления – катастрофической гибели биографии» (Мандельштам 2003, с. 94). Отмечая, что «ныне европейцы выброшены из своих биографий», О. Мандельштам признает: «Человек без биографии не может быть тематическим стержнем романа, и роман, с другой стороны, немислим без интереса к отдельной человеческой судьбе, – фабуле и всему, что ей сопутствует» (Мандельштам 2003, с. 95). История литературного развития показала в дальнейшем, что роман не «кончился», а радикально обновился, подвергся сложным трансформациям, приобрел новые качества. Оценивая развитие европейского романа 1920-х годов, Н.Т. Рымарь обнаруживает характерную черту этого процесса в том, что «роман 20-х годов рвет с той относительной завершенностью произведения романного искусства XIX века, которое обладало своей автономностью по отношению к потоку жизни: роман XIX века был в непосредственном контакте с современной действительностью, но это был контакт, который мыслился как ее отражение, роман строился как зеркало жизни, отражающее ее во всем ее богатстве и всей ее противоречивости» (Рымарь 2001, с. 23). Действительно, роман как жанр стал жить другой жизнью. Возникали новые экспериментальные модификации романа. К их числу можно отнести, кстати, книгу Артема Веселого «Россия, кровью умытая», над которой писатель работал в 1930-е годы.

Разумеется, само понимание нового исторически изменчиво. Борис Гройс в работе «О новом» писал: «Особенность понимания нового, получившего распространение в Новое время, состоит в ожидании того, что в конце концов появится нечто настолько новое, что после него ничего новее быть не может – лишь бесконечное господство этого наипоследнего нового над будущим» (Гройс 1993, с. 113).

Таким образом, в понимании нового есть две грани – поверхностная и глубинная. С этим наличием двух сторон связана и известная иллюзорность нового. Мы порой поверхностно-новое принимаем за глубинно-новое, хотя в этом глубинном ничего не меняется и не происходит. Меняется поверхность жизни (названия учреждений и социальных институтов, моды, технологии, бытовые реалии, литературные темы, словесный обиход), но меняется ли при этом глубинная суть жизни?

Таким образом, в современности может заключаться и немалый компонент мнимости. Люди в

какой-то степени оказываются заложниками, пленниками ожидаемого. Смысловое пространство культурного кода отечественной литературы, избыточное чрезвычайно значимыми мифологемами, идеологемами, символами, концептами и мотивами, закономерно включает и этот мотив мнимости.

Современник, живущий в эпоху радикального слома привычных ценностных парадигм, вынужден постоянно решать задачу снятия противоречия между кажимостью и действительностью любого явления, попадающего в сферу его внимания. В этом отношении весьма показателен двадцатый век – век исторических потрясений, разломов, рубежей. Исторический маятник раскачивался от полюса тотальной анархии к полюсу тотальной регламентации жизни. С одной стороны, наблюдается своеобразное литературное «хулиганство» как крайняя форма выражения свободы творчества (Поварницына 2009). С другой стороны, жесткая идеологизация литературы, замена естественного запроса (на новую тему, нового героя, новый жанр), вызревающего исподволь в глубинах эпохи, на откровенно декларируемый социальный заказ, прямолинейно трактующий обязательную своевременность литературного продукта.

Отныне характеристика современности просто не могла обойтись без понятия своевременное. Конечно, разные группы реципиентов вкладывали в него разные смыслы – политические, социальные, этические, эстетические. Известная нескольким поколениям советских школьников давняя ленинская оценка книги Горького «Мать» как «очень своевременной» (высказана в самом начале XX века) имела, как мы знаем, узко прагматический, чисто сиюминутно-политический смысл, а никак не эстетический. Все зависело от пресловутого горизонта ожидания реципиента, от выстраиваемой им предварительной системы ценностных координат. Слово «своевременное» приходит в наше сознание с цепочкой синонимов: актуальный, злободневный, сущностный, животрепещущий, наболевший, назревший. Рубрика в газете «Новая жизнь» 1917–1918 гг., где печатались статьи-рассуждения М. Горького (Горький 1990), по сути была сугубо полемически названа – «Несвоевременные мысли», ведь любая мысль так или иначе своевременна, поскольку открывает какие-то грани действительности (тем более в высшей степени своевременными были тревожные мысли-предостережения М. Горького по поводу жестокого разгула новой власти).

Между тем в 1920-е годы слово «своевременное» было в ходу, оно часто мелькает на страницах литературных журналов и в публицистике того времени. Так, Ю.Н. Тынянов в статье «Русская

литература современности» делал особый акцент на этом понятии, рассматривая его как приметку эпохи написания статьи: «Нынче каждое произведение либо "необходимое", либо "ненужное", а не просто "интересное" или "неинтересное", и потому нам безразлично, "хорошо" или "плохо" сделана работа, хорош или плох язык автора, – важно совсем другое: чтобы работа была живой, чтобы правильно было схвачено "необходимое"» (Тынянов 1995–1996, с. 93).

М.О. Чудакова в своих работах неоднократно писала о том, что регламент как система запретов и ограничений в течение первого советского десятилетия достаточно сложно соотносился с представлением о «социальном заказе». Многие литераторы вполне искренне были озабочены ощущением нужности или ненужности своей работы. Надо заметить, что понятие социального заказа неоднозначно воспринимали сами писатели и критики 1920-х годов, о чем, скажем, свидетельствует статья Вяч. Полонского «О теории социального заказа» (Опыт неосознанного поражения 2001, с. 351–354).

Писатели по-разному реагировали на эти идеологические тиски. Один из организаторов литературной группы «Серрапионовы братья» Лев Лунц, например, считал художника свободным от коллективной, «спущенной сверху» идеологии: «Но не следует забывать, что роман без точного и ясного «миросозерцания» может быть прекрасным, роман же из одной только голой идеологии – невыносим» (Опыт неосознанного поражения 2001, с. 106). Желая уйти от прямолинейного идеологического диктата, писатели прибегали к художественным шифрам, усложненному образному языку, к различным формам условности. Так, для писателя Сигизмунда Кржижановского афоризм как сверхмалый (вернее, минимальный) жанр приобрел функцию специфического зеркальца, в котором парадоксально отразился повседневный лик эпохи исторических метаморфоз. «У нас часто путают властителей дум с блюстителями дум» (Кржижановский 2010, с. 321); «У нас слаще всех живет Горькому, а богаче всех Бедному» (Кржижановский 2010, с. 385). Творческое инословие С. Кржижановского (буквализация метафор, игра в алогизмы, ироническая парадоксализация отображаемого) было специфическим способом самостоятельного, подчеркнуто индивидуального речевого поведения, противостоящего тому официозному советскому новоязу, который включал в себя набор безликих бюрократических штампов, лозунговых стереотипов. Такой же речевой формой писательской автономизации было и странное язычье Андрея Платонова.

Следует сказать и о такой черте нового в структуре современности, как его неочевидность. Оно

не сразу обнаруживается, не сразу «проступает» со всеми своими характеристическими чертами и подробностями подобно тому, как постепенно возникает фотоизображение в старой кювете с проявителем. Есть сфера так называемых «прописных» истин, декларативных сентенций, зримых смыслов, лежащих на поверхности бытия. Если бы наша интеллектуальная жизнь только этим и ограничивалась, мы были бы в духовном плане чрезвычайно бедны. Но, к счастью, есть и огромная область неочевидного, далеко не сразу открывающаяся даже весьма внимательному наблюдателю. К числу первооткрывателей тех таинственных реалий, что составляют такую область, безусловно, относился в литературе рубежа XIX–XX вв. Антон Павлович Чехов, писатель, совершенно свободный от декларативного проповедничества, откровенного дидактизма и назидательного морализаторства. Писатель, многое предвосхитивший в наступившем столетии.

Современность уникальна, и в этом отношении актуален вопрос о возможности / невозможности сопоставления разных литературных (и шире – культурных) эпох.

Скрытая своевременность литературных открытий, подлинный масштаб которой мог быть обнаружен не сразу, а значительно позднее, заключался в ориентации на тот или иной художественный опыт писателей-предшественников. Так, М.О. Чудакова писала о влиянии прозы И. Бунина на литераторов советского времени: «Его проза дала импульс тем, кто пошел мимо психологического анализа («под Толстого») и бытописи – того, что стало дорогой официальной, старательно соблюдавшей требования регламента, прозы. Связь с Буниным очевидна у тех, кто обозначил линию неофициальной литературы (во главе ее встал Паустовский)» (Чудакова 2007, с. 29).

В каждом новом явлении есть своя ограниченность, любое конкретное декларируемое новое не бесконечно.

Заключение

Мерцающее в дымке грядущего Новое неразлично. И это еще один аспект проблемы. Мы просто можем не узнать это Новое. Реальное Новое может опровергнуть наши робкие прогнозы. Новое может быть не там и не в том, что мы предполагаем. В этом и заключена жгучая интрига перехода от настоящего к будущему. Рассмотрение культурных процессов глазами человека XXI века, со столетней дистанции, позволяет увидеть, что именно оказалось новым и своевременным, что составило подлинное существо тогдашней современности. Отпала шелуха мнимых инноваций, вроде претензий вульгарного социологизма на культурную монополию, а осталось отнюдь не то, что было «на слуху» в те далекие годы.

Библиографический список

Белая Г.А. Дон-Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьба его идей. Москва: Советский писатель, 1989. 400 с.

В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов / отв. ред. О.А.Казнина. Москва: ИМЛИ РАН, 2010. 608 с.

Горький М. «Несвоевременные мысли» и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). Москва: МО Союза журналистов СССР. Ассоциация «Ротация» при участии МСП «Интерконтакт», 1990. 192 с.

Гройс Б. Утопия и обмен. Москва: Издательство «ЗНАК», 1993. 374 с.

Замятин Е.И. Сочинения. Москва: Книга, 1988. 575 с. (Из литературного наследия).

Кржижановский С.Д. Собрание сочинений: в VI т. Т. V / сост., подгот. текста и коммент. В. Перельмутера. Москва: Б.С.Г. – Пресс; Санкт-Петербург: Симпозиум, 2010. 638 с.

Ланин Б.А. Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 154–163.

Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Москва: Наука, 1979. 360 с.

Мандельштам О. Конец романа // Эстетическое самосознание русской культуры. 20-е годы XX века: Антология / сост. Г.А.Белая. Москва: РГГУ, 2003. С. 91–95.

Поварницына Н.С. Свобода творчества и феномен хулиганства в русской лирике Серебряного века (В. Брюсов, В. Каменский, С. Есенин): Автореферат дисс. ... соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ижевск – 2009.

Рымарь Н.Т. Проблематизация художественных форм в 20-е годы XX века // Художественный язык литературы 20-х годов XX века. К 70-летию проф. В.П. Скобелева: [Сб. ст.] / Самар. гос. ун-т; научн. ред. Н.Т. Рымарь. Самар. гуманит. акад., 2001. С. 16–26.

Тынянов Ю. Русская литература современности // Седьмые Тыняновские чтения: материалы для обсуждения / ответ. ред. М.О. Чудакова. Рига – Москва, 1995–1996. С. 93.

Чудакова М. Новые работы: 2003–2006. Москва: Время, 2007. 560 с.

References

Belaja, G.A. (1989), *Don Quixotes of the 20s: "The Pass" and the fate of his ideas*, Sovetskij pisatel', Moscow, Russia.

In Search of a New Ideology: Sociocultural Aspects of the Russian Literary Process of the 1920s-1930s., (2010), O.A. Kaznina (ed), IMLI RAN, Moscow, Russia.

Gor'kij, M. (1990), «*Untimely thoughts*» and discourses on Revolution and Culture (1917-1918), MO Sojuza zhurnalistov SSSR. Asociacija «Rotacija» pri uchastii MSP «Interkontakt», Moscow, Russia.

Grojs, B. (1993), *Utopia and Exchange*, Izdatel'stvo «ZNAK», Moscow, Russia.

Zamjatin, E.I. (1988), *Essays*, Kniga, Moscow, Russia.

Krzhizhanovskij, S.D. (2010), *Collected works: in VI vol., Vol. V.*, Perel'muter, V. B.S.G. – Press; Simpozium, Moscow, St. Petersburg, Russia.

Lanin, B.A. (1993), Anatomy of a Literary Dystopia, *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no 5, pp. 154–163.

Lihachev, D.S. (1979), *Poetics of Old Russian literature*, Nauka, Moscow, Russia.

Mandel'shtam, O. (2003), End of the novel, *Aesthetic self-consciousness of Russian culture. The 20s of the twentieth century: An Anthology*. Comp. G.A.Belaja, RGGU, Moscow, Russia, pp. 91–95.

Povarnicyna, N.S. (2009), *Freedom of creativity and the phenomenon of hooliganism in Russian Lyrics of the Silver Age (V. Bryusov, V. Kamensky, S. Yesenin): Abstract of the diss. ... for the degree of candidate of philological sciences*, Izhevsk, Russia.

Rymar', N.T. (2001), Problematization art forms in the 20th years of the XX century, *Artistic language literature of the 20-ies of XX century. To the 70th anniversary of prof. V. P. Skobelev: [Collection of articles]*, Samar. gumanit. akad., pp. 16–26.

Tynyanov, Yu. (1995–1996), Russian literature of the present, *Seventh Tynyanov readings: materials for discussion*, Chudakova, M. (ed), Riga, Moscow, Russia.

Chudakova, M. (2007), *New works 2003–2006*, Vremja, Moscow, Russia.

Submitted: 20.01.2021

Revised: 03.03.2021

Accepted: 01.04.2021

Дата: поступления статьи: 20.01.2021
после рецензирования: 02.03.2021
принятия статьи: 01.04.2021

А.А. Кораблёв

Донецкий национальный университет,
Донецк, Донецкая Народная Республика
E-mail: dikoepole@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1362-6283>

Классика и современность в творческом сознании Михаила Булгакова

Аннотация: в статье представлен опыт аналитического прочтения романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Цель работы – прояснение авторского отношения к современной литературе и к формам ее осуществления в современном идеологическом контексте. На основании структурно-типологических соотношений выявлена архитектурная схема романа, предопределяющая сюжетные особенности композиции. Концептами и активаторами смыслового действия являются образы Бездомного, Берлиоза и Мастера. Они ассоциативно фокусируют на себя сопоставимые с ними другие персонажи (литераторов, идеологов, мистиков и т.д.), а также многочисленные прототипы, среди которых В. Маяковский, С. Есенин, М. Горький, В. Ленин и др. Прототипы романа организованы так, что обозначают не только контекстуальный контур произведения, но и его концептуальную определенность. Криптологическое прочтение романа, с учетом соотношения контурных и концептуальных прототипов, проясняет отношение автора к современным явлениям и к самой современности как целостному феномену. Авторским критерием исторических, социальных и культурных проявлений современности служит классическая мера.

Ключевые слова: Михаил Булгаков, «Мастер и Маргарита», прототипы, Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Максим Горький, Владимир Ленин, современность, классика.

Цитирование: Кораблёв А.А. Классика и современность в творческом сознании Михаила Булгакова // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 1. С. 49–60.

Благодарности: автор благодарит организаторов конференции «Современное...», посвященной 75-летию замечательного ученого Н.Т. Рымаря, за атмосферу творчества, человечности и филологической адекватности, ставшей вдохновляющим стимулом для написания работы.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Кораблёв А.А., 2021** – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и теории словесности Донецкого национального университета, 283001, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24.

A.A. Korablyov

Donetsk National University, Donetsk,
Donetsk National Republic
E-mail: dikoepole@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1362-6283>

Classics and modernity in the creative consciousness of Mikhail Bulgakov

Abstract: the article presents the experience of analytical reading of M.A. Bulgakov's novel «The Master and Margarita». The purpose of the work is to clarify the author's attitude to modern literature and to the forms of its implementation in the modern ideological context. Based on the structural and typological relationships, the author reveals the architectonic scheme of the novel, which determines the plot features of the composition. Concepts and activators of the plot action are the images of Bezdomny, Berlioz and the Master. They associatively focus on other characters comparable to them (writers, ideologists, mystics, etc.), as well as numerous prototypes, including V. Mayakovsky, S. Yesenin, M. Gorky, V. Lenin, etc. The prototypes of the novel are organized in such a way that they denote not only the contextual contour of the work, but also its conceptual certainty. The cryptological reading of the novel, taking into account the ratio of contour and conceptual prototypes, clarifies the author's attitude to modern phenomena and to modernity itself

as a holistic phenomenon. The author's criterion of historical, social and cultural manifestations of modernity is the classical measure.

Key words: Mikhail Bulgakov, «The Master and Margarita», prototypes, Vladimir Mayakovsky, Sergey Yesenin, Maxim Gorky, Vladimir Lenin, modernity, classics.

Citation: Korablyov, A.A. (2021), Classics and modernity in the creative consciousness of Mikhail Bulgakov, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 49–60.

Acknowledgments: the author expresses his gratitude to the organizers of the conference «Modern...», dedicated to the 75th anniversary of the remarkable scientist N.T. Rymar, for the atmosphere of creativity, humanity and philological adequacy, which became an inspiring incentive for writing this work.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Korablyov A.A., 2021** – Dr. philol. habil., Professor of the Department of History of Russian Literature and Literary Theory, Donetsk National University, 24, Universitetskaya Street, 283001, Donetsk.

Введение

Отношение Михаила Булгакова к современности общеизвестно: оно наглядно выражено в его сатирических фельетонах и повестях, в саркастических пассажах его романов, в письмах, разговорах, дневнике. Наконец, в его итоговом произведении авторская концепция современности задается крупным планом, показательно, демонстрационно, на примере двух пар персонажей, противопоставленных сюжетно, статусно, стилистически и к тому же маркированных фонетически: с одной стороны, литераторы Бездомный и Берлиоз, с другой – Мастер и Маргарита. Этим двум позициям противопоставлена третья – вневременная, которую представляют Воланд и Иешуа.

Сатана в роли вечного «ревизора» констатирует, что современность нова и оригинальна только для живущих, но в большом времени не происходит ничего принципиально нового: совершенствуется техника («аппаратура»), изменяются условия существования («квартирный вопрос»), но люди, несмотря на социальные перемены, остаются прежними. Иешуа, напротив, предсказывает радикальные духовно-социальные изменения и сам своими поступками является их инициатором.

Как и прежние свои крупные произведения, Булгаков выстраивает роман «Мастер и Маргарита» риторически. Вся его сюжетно-композиционная структура составляет развернутое от первой главы до эпилога полемическое высказывание, включающее факты, констатации, эксперименты, выводы и другие логические компоненты. Разумеется, это поэтическая риторика, основанная на художественной убедительности, на непосредственной наглядной доказательности. Вместо статистических данных – типичные образы, вызывающие многочисленные аллюзии и ассоциации, вместо реальных социальных экспериментов – воображаемые, но не оставляющие у читателя сомнений, что в подобной ситуации люди поведут себя именно так, как показано в романе. Спор, начатый на Патриарших прудах, эффектно заканчивается в кульминационный момент романного действия, и

сюжетная канва обретает значение художественно-логического умозаключения.

Художественная природа дискуссии, с одной стороны, апеллирует к универсальным законам бытия и сознания, но с другой – учитывает особенности преображенного сознанием бытия, степени его творческого преломления, риторической определенности, смысловой концентрации. Главные диспутанты романа соединяют в себе энергетику основных онтологических интенционалов – логику жизни (закономерности природы, судьбы, обстоятельств, поступков и т.д.) и логику смысла (закономерности преодоления природно-жизненных закономерностей). Художественная риторика «Мастера и Маргариты» предполагает соответствующее прочтение, учитывающее, что основные фигуры произведения – не только субъекты художественной логики, но и предикаты художественной аргументации, они не только связывают сюжетные линии в смысловые узлы, но также излучают направленные ассоциативные потоки.

Непосредственные аллюзии и ближайšie ассоциации указывают на персон, которые проясняют характерные контуры образа, акцентированные в тексте: внешность, должность, особенности характера и биографии. Контурные прототипы варьируют один или несколько доминантных признаков образа, испытывают его достоверность, типичность и целостность.

Разделение таких прототипов на преднамеренные (авторские) и непреднамеренные (читательские) не принципиально. Автор может не знать, не осознавать или скрывать, кто послужил жизненным материалом для его созданий, поскольку основной интерпретатор художественного содержания – художественная форма. Так же и по той же причине и читатель не обязан знать или вообще задумываться о существовании прототипов – это знание не только несущественно, но может быть избыточно и разрушительно для понимания собственного смысла произведения.

Контурное совмещение прототипов очерчивает их типологический диапазон, и в большинстве

случаев достаточно ограничиться его констатацией, но если эти фигуры, оказавшись в роли прототипов, значимы не только своим сходством, но и различиями, тогда их типичность подразумевает и более сложные значения – концептуальные.

Концептуальные прототипы иначе соотносятся с художественным образом, они не только материал для его формально-содержательной обработки, но и самодостаточный объект художественного постижения, существующий в ассоциативном поле художественной реальности. Это реальные, чаще исторические лица, показанные сквозь призму художественного произведения и являющиеся его затекстовым продолжением, жизненным проявлением его концепции.

Различение контурных и концептуальных прототипов подразумевает, что художественная эйдосфера не ограничена художественным миром и что художественная текстуальность фиксирует не только непосредственно представимую образность, но и неявную, угадываемую, в том числе и затекстовую, различаемую в жизненной реальности. Предполагается, что художественная образность представляет жизненные реалии не только метафорически (как их подобия), но и метонимически (как их частность, обладающая значением оптического фокуса, смыслового ключа, интуитивного входа).

В романе «Мастер и Маргарита» с первой страницы, с первых образов задается затекстовая перспектива, читатель побуждается соотносить художественную и жизненную реальности и убеждаться, что перед ним верное отображение и обобщение действительности, художественный реализм. Типичность поэта Бездомного и редактора Берлиоза подтверждается узнаванием в них тех или иных исторических персонажей, которые свободно соприсутствуют в фокусе художественного персонажа, образуя его ассоциативную ауру, его смысловой контур.

Прототипы – это актеры в театре авторского воображения. Некоторые из них являются основными исполнителями – они более узнаваемы, поскольку у них больше совпадений с художественным образом. Но есть и такие, которые исполняют свои роли так, что кажется, будто у них собственный театр – жизнь, история, мир. Говоря более отвлеченно – у них есть своя концепция.

БЕЗДОМНЫЙ. Многочисленные предположения о прототипах этого персонажа доказывают его типичность. В первую очередь вспоминаются пролетарские поэты, писавшие под псевдонимами: Максим Горький (Алексей Пешков), Демьян Бедный (Ефим Придворов), Иван Приблудный (Яков Овчаренко), Михаил Голодный (Михаил Эпштейн) и др. (Чудакова 1976; Лескис 1992; Сапрыгина 1995; Ковалев 2014).

Среди специально обоснованных прототипов, указанных исследователями, поэты Александр Безыменский (Чудакова 1976; Lowe D. 1976), Демьян Бедный (Гаспаров 1978; Кузьякина 1988; Кушлина, Смирнов 1988), Сергей Чевкин (Фиалкова 1981); Михаил Черемных (Чудакова 1988), Карп Коротков (Кеда 1991)...

Перечисленные или подобные аллюзии, несомненно, предполагались Булгаковым, но, столь же несомненно, не могли быть конечными. Для философского романа требовались основные фигуры современности и соразмерные оппоненты.

Примечательно, что поэма, написанная Бездомным, была ему заказана. Это был «социальный заказ». Объясняя, в чем его суть, Маяковский писал: «Наличие задачи в обществе, разрешение которой мыслимо только поэтическим произведением» (Маяковский 1955–1961, т. 12, с. 87). Маяковский здесь вспоминается не случайно. Определенное ему государственной властью место первого поэта («Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи» (Сарнов 2009, с.180)) предопределяло и соответствующее место в романе Булгакова. Образ Бездомного, разумеется, собирательный, но в собрании его черт в числе наиболее очевидных обнаруживаются и черты Маяковского: крепкое телосложение («плечистый»), но главное – знаменитый («известнейший»), и подтверждение этому – публикация с портретом на первой странице «Литературной газеты» – этой чести мог удостоиться не всякий пишущий. Социализация Маяковского, превращение его из одиночки-бунтаря в «горлана-главаря» – тоже характерное качество поэтического лидера нового времени, познавшего счастье быть частицей социального целого («Я счастлив, что я этой силы частица» (Маяковский 1955–1961, т. 6, с. 304)) и отдающего «всю свою звонкую силу поэта» (Маяковский 1955–1961, т. 6, с. 249) авангарду социально-политических преобразований.

С литературной известностью Маяковского мог бы состязаться, пожалуй, только Есенин, его художественный антипод и оппонент в литературных спорах, поэтому столь же закономерно в «Мастере и Маргарите» изображен и двойник поэта Бездомного – поэт Рюхин, в ком различимы некоторые есенинские черты. Мало того, что Бездомный выделяет Рюхина из всех литераторов («плевался, норовя попасть именно в Рюхина» (Булгаков 1992, т. 5, с. 66)), так еще и раздражается разоблачениями, которые недвусмысленно указывают на вполне определенное лицо («Типичный кулачок по своей психологии <...> и притом кулачок, тщательно маскирующийся под пролетария» (Булгаков 1992, т. 5, с. 68)).

Эта противопоставленность слишком узнаваема, чтобы ее не заметить, но и не нужная в своей очевидности. И Булгаков остроумно смешивает

черты двух поэтов, распределяя их между двумя взаимоотношенными персонажами.

Разоблаченный Рюхин, продолжая походить на Есенина, пьет водку, после чего оказывается у памятника Пушкину, где хмельной Сергей Александрович не раз демонстрировал свое панибратство с Александром Сергеевичем (еще одна зеркальность). Но потом, когда Рюхин начинает размышлять о стихах Пушкина, которых «не понимает», о бессмертии поэта, которая «обеспечивается» смертью («стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...») (Булгаков 1992, т. 5, с. 73)), то он становится похожим на Маяковского (Гаспаров 1978, с. 205–206).

Так же и Иван Бездомный: статью и статусом похожий на Маяковского, он по-есенински скандалит в писательском ресторане и, подобно Есенину, попадает в психиатрическую клинику. Во внешности Бездомного, не слишком подробно описанной, преобладают все же явно есенинские черты: «рыжеватый, вихрастый» («золотая голова» (Есенин 1995, т. 1, с. 161)), даже ковбойка Бездомного, по-видимому, намекает на вернувшегося из Америки крестьянского поэта: cowboy – «коровий мальчик».

Эпатажные подписанные Маяковским футуристические манифесты («Пощечина общественному вкусу» (1912), «Идите к черту!» (1914), «Капля дегтя» (1915) и др.) – и сопоставимые с ними имажинистские лозунги и стихи Есенина; роль хулигана, сыгранная Маяковским в фильме «Барышня и хулиган» (1918) – и образ хулигана в стихах Есенина; атеистические высказывания и поэтические кощунства обоих поэтов и в то же время их самопровозглашения – «тринадцатый Апостол» и «пророк Есенин» – всё это и тому подобное предоставляли достаточный материал для объединения Маяковского и Есенина в один концептуальный образ.

Оба поэта, Маяковский и Есенин, составившие концептуальную основу образа Ивана Бездомного, осознавали двойственность своего творческого положения: с одной стороны, традиционное, классическое, пушкинское чувство своей избранности, исключительности, неотмирности, какого-то вселенского одиночества и подчиненности некоей ощущаемой в себе творческой силе, а с другой стороны, столь же явственная власть внешних обстоятельств – истории, народа, родины, читателей, которые воспринимаются ими то как плен, тлен и косность, чему надо противостоять, то как нравственный долг, не только гражданский, но и поэтический. Принимая условия социального бытия, они оба понимали, что совершают компромисс, но оправдывали его требованием исторического момента: «Я буду писать и про то и про это, / но нынче не время любовных ляс» (Маяковский 1955–1961, т. 6, с. 249), «Отдам всю душу октябрю

и маю, Но только лиры милой не отдам» (Есенин 1997, т. 2, с. 97). Главное поэтическое оправдание – время, которое в их поэтическом опыте переставало быть антитезой вечности. Онтологическая раздвоенность лучших советских поэтов в романе доктора Булгакова диагностирована как шизофрения. Бездомный, слушая Берлиоза и соглашаясь с ним, как он говорит, на все 100%, не подозревает, что изменяет своему призванию и становится подобием своего наставника.

Долгий пунктир судьбы Ивана Бездомного, пронизывающий романное повествование от первой главы до эпилога, может служить мерилем для ранжирования его прототипов. Первая группа – имеющие с ним первоначальное сходство, в основном внешнее и статусное, которое соответствует состоянию героя в первых главах (это А. Безыменский, Д. Бедный и др.). Вторая группа – поэты, схожие с героем не только внешне, но и внутренне, переживающие духовный кризис или душевную драму (это В. Маяковский, С. Есенин и т.п.). Наконец, есть основание и для третьей группы – это те, кто совпадает с героем по всем основным стадиям его эволюции, и с этой точки зрения открывается, что главный прототип Ивана Бездомного – все-таки Алексей Максимович Пешков, знаменитый Максим Горький (186–1936), которого хоть и упоминают в связи с булгаковским персонажем, но обычно в ряду с пролетарскими писателями, писавшими под псевдонимами, тогда как основания для их сближения имеются и более интересные.

Заметим, что и сам по себе псевдоним «Бездомный», объединяющий в ассоциативный «мас-солит» практически весь класс пролетарских литераторов, указывает на Горького определеннее, чем может казаться. В дореволюционной критике – это сложившийся имидж Горького, певца босяков, скитальцев и странников. «Горький заслужил свою славу», соглашался, например, Д.С. Мережковский, но главную его заслугу видел не в художественных достоинствах, а в том, что он открыл «новый материк духовного мира» – босячество (Мережковский 1906).

Такой же контраст между прославленным псевдонимом и невзрачной фамилией («Горький» – «Пешков») выдержан и в номинации булгаковского персонажа («Бездомный» – «Понырев»). Но в одной из ранних редакций романа (1931 года) употреблен, словно только для того, чтобы приоткрыть авторский замысел, более созвучный вариант: Тешкин (Булгаков 2015, т. 1, с. 129) – слегка измененная контаминация фамилий двух культовых русских классиков – Пушкина и Пешкова.

Первоначальное (зачеркнутое) имя Тешкина – Павел – в контексте этих аллюзий отсылает к хрестоматийному горьковскому герою Павлу Власову и в целом к роману М. Горького «Мать», который считается первым произведением социалисти-

ческого реализма и образцом новой литературы. Одет Тешкин, конечно, по новой моде (кепка, толстовка, гаврилка, костюм, парусиновые туфли), но у него есть и «особая примета», которая должна, по-видимому, задерживать на себе читательское внимание: «над правой бровью грандиозный прыщ» (Булгаков 2015, т. 1, с. 128). Следуя этой подсказке, пытливый читатель может обратиться к описанию Павла Власова и убедиться, что такая примета в нем отсутствует. Зато, расширяя игровое поле этого фрагмента, подобная метка имеется у матери героя: «Над правой бровью был глубокий шрам...» (Горький 1949–1955, т. 7, с. 200).

Такие ассоциативные пряжки оправданы, если есть их концептуальное продолжение, и оно есть. В той же редакции романа, на тех же страницах пародируется самая памятная и пафосная, финальная сцена романа «Мать», где мать осужденного сына обращается к собравшейся толпе с вдохновляющими революционными призывами («Собирай, народ, силы свои во единую силу!», «Не бойтесь ничего! Нет муки горше той, которой вы всю жизнь дышите...», « Душу воскресшую — не убьют!», «Не зальют кровью разума!», «Морями крови не угасят правды...» (Горький 1949–1955, т. 7, с. 515–516) и т.п.). В булгаковской пародийной версии это выступление выглядит так:

«В проход к эстраде прорвалась женщина. Волосы ее стояли дыбом, изо рта торчали золотые зубы. Она то заламывала костлявые руки, то била себя в изможденную грудь. Она была страшна и прекрасна. Она была та самая женщина, после появления которой и первых же иступленных воплей, толпа бросается на дворцы и зажигает их, сшибает трамвайные вагоны, раздирает мостовую и выпускает тучу камней, убивая» (Булгаков 2015, т. 1, с. 130–131).

Чтобы читатель мог более определенно идентифицировать оратора, эти определения произносятся громко и не единожды: «– Я! – закричала женщина, страшно раздирая рот, – я – Караулина, детская писательница! Я! Я! Я! Мать троих детей! Мать!» (Булгаков 2015, т. 1, с. 131).

Но дальнейшие возгласы заставляют предположить, что героиня Горького, возведенная автором в символ революции, в изображении Булгакова предстает и самим Горьким: «Я! Написала, – пена хлынула у нее изо рта, – тринадцать детских пьес! Я! Написала пять колхозных романов!» (Булгаков 2015, т. 1, с. 131).

Упомянутые заслуги – это фактически горьковская библиография (далеко не полная, но основная) на момент написания этого эпизода: 5 романов («колхозных», по язвительному определению автора «Мастера и Маргариты») – это «Фома Гордеев» (1899), «Мать» (1906, 1907), «Жизнь ненужного человека» (1908), «Дело Артамоновых» (1925) и три части «Жизни Климата Самгина»

(1925–1930); 13 пьес («детских», продолжает язвить Булгаков) – это «Мещане» (1901), «На дне» (1902), «Дачники» (1904), «Дети солнца» (1905), «Варвары» (1905), «Враги» (1906), «Последние» (1908), «Чудаки» (1910), «Дети» (1910), «Васса Железнова» (1910), «Зыковы» (1913), «Фальшивая монета» (1913), «Старик» (1915), если не считать 14-ю, сатирическую пьеску, вскоре снятую с постановки и, может, потому неучтенную в перечне заслуг – «Работяга Словоотеков» (1920).

Возможно, в образе Караулиной и ее требованиях отображены длительные переговоры с Горьким о его возвращении в СССР. Булгаков мог знать о них от А.Н. Толстого (который отчасти тоже участвовал в этом процессе) и может, в такой же гротескной интерпретации, как и толстовские парижские рассказы, воспроизведенные в булгаковских «Записках покойника». Достоверность подобной информации – особого рода, художественная, зато в таком виде она вполне годилась для фельетонных глав романа, особенно если получше зашифровать классика, переодев и загримировав его до неузнаваемости, но при этом подчеркнуть характерную горьковскую худобу («костлявые руки», «изможденная грудь»).

Детской писательнице Караулиной противопоставлена машинистка Дант, которая, не имея ни романов, ни пьес, почему-то попала в вожделенный список. Если не обманываться гендерным маскарадом и воспринимать фамилию «Дант» в ее знаменитом значении, тогда радикально изменится значение «списка», о котором столько волнений. Тогда это список бессмертных, литературный канон, мировая классика, где без специальных усилий оказался великий Данте и куда, несмотря на впечатляющее количество написанного и мировую известность, не удостоился попасть Максим Горький – так можно, в частности, интерпретировать пятикратное безуспешное выдвижение его на Нобелевскую премию.

Почему именно Данте (а не кто-то другой из великих, скажем, Шекспир или Гете) избран для антитезы – объясняется тоже горьковской аллюзией, многолетним пребыванием писателя в Италии. Но, в отличие от великого флорентийца, великий пролетарий отправился в изгнание добровольно и долго не решался вернуться на родину. Сомнения были не беспочвенны: после триумфального возвращения и обретения персонального рая в виде особняка Рябушинского и дач в Горках и в Крыму, Горький вскоре осознает, что оказался в заключении. В романе Булгакова этому состоянию соответствует нахождение Ивана Бездомного в клинике Стравинского: высочайший уровень комфорта и обслуживания, но при этом – небьющиеся окна, принудительное лечение и тотальный контроль. Не сумев высвободиться из цепких рук санитаров, герой усмиряется уколom и погружается в за-

быть. В его полусне возникает странное видение: «пальма на слоновой ноге» (Булгаков 1992, т. 5, с. 115). Оно возникло, как можно понять, из романа Мастера, услышанного на Патриарших прудах, но также, возможно, уже и из его собственных поэтических наитий, а вдобавок к этим разновременным совмещениям и взаимопроникновениям, быть может, приоткрывается еще один план, затекстовый, жизнь горького московского пленника и его тоска о навсегда утраченной для него Италии.

Даже одиноко прозвучавший на пустынной аллее у Патриарших прудов крик Бездомного «Караул!», отзвываясь в фамилии бездомной Караулиной, возможно, взывает и к их общему прототипу. Столь неожиданные и повсеместные присутствия Горького в романе Булгакова (аллюзии можно продолжить) добавляют в карнавальную кутерьму веселых перипетий и узнаваний горечь реальных исковерканных судеб.

Крик Бездомного и крики Караулиной – это сигналы тревоги, только по разным поводам: поэт чувствует опасность для общества, а детская писательница возмущена несправедливостью в отношении себя лично. Хотя, если принять во внимание псевдоним поэта, то, в сущности, повод у них один – бездомность, только масштабы разные. А поскольку у них и прототип один, то, стало быть, эти масштабы применимы к одному и тому же человеку. И не только к Горькому. Таковую же раздвоенность между бытием и бытом ощущал и сам Булгаков, как-то сказавший в отчаянии: «Я дьяволу готов продаться за квартиру!..» (Булгаков 1990, с. 226), и Маяковский, чья «любовная лодка разбилась о быт» (Маяковский 1955–1961, т. 10, с. 287). Кстати, и у Булгакова, и у Маяковского есть фельетоны с одинаковым тревожно-сатирическим названием: «Караул!» (Булгаков 1925; Маяковский 1955–1961, т. 12).

Все эти аллюзии, может быть, сомнительны по отдельности, но будучи соотнесенными между собой, выводят Максима Горького за контур рядовых прототипов романа и возводят в ранг основного (концептуального, матричного) прототипа поэта Бездомного. Для того, чтобы в этом окончательно утвердиться, следует таким же образом рассмотреть прототипов его идейного наставника – редактора Берлиоза.

БЕРЛИОЗ. Как и в случае с Бездомным, типичность Берлиоза подтверждается прототипами, которых тоже немало: это Л.Л. Авербах, Ф.Ф. Раскольников, В.И. Блюм, М.Е. Кольцов и др. (Чудакова 1988; Белобровцева, Кульбюс 2006; Лескис 1999). Все они в той или иной степени соответствуют перечисленным в романе приметам (портрет, должность, эрудиция, атеизм, внезапная смерть). Называлась и более статусная фигура – А.В. Луначарский (Белобровцева, Кульбюс 2006), внешне мало напоминающий редактора Берлиоза,

но подходящий по умственным характеристикам: эрудит, полемист, атеист. Или более значимая в плане антирелигиозной пропаганды – Е.М. Ярославский, председатель Союза воинствующих безбожников и редактор журнала «Безбожник». Или автор «Евангелия от Демьяна» Е.А. Придворов, известный под псевдонимом «Демьян Бедный» (Соколов 1996).

Контур вероятных прототипов главы МАССОЛИТа хотя и широк (от редакторов журналов и председателей литературных организаций до наркома просвещения), но конкретен: это идеологи, управляющие массовым сознанием, для которых литература – самое эффективное средство воздействия на умы. Образ Берлиоза обобщает и концентрирует в себе характерные черты советской идеологической номенклатуры, и невозможно допустить, что Булгаков, всегда стремившийся изображать главные и ключевые явления, мог в собственном главном и ключевом произведении изменить своему принципу или остановиться на полпути. Рассматривая узнаваемые прототипы как проявления не только объединяющей их сущности, но и как указания на существующую иерархию этих проявлений, можно выявить основного прототипа.

Простой подсчет занимаемых должностей, а также исследовательских голосов (если бы проводилось экспертное голосование), показывает, что самым характерным лицом, подходящим на роль Берлиоза, был Леопольд Леонидович Авербах (1903–1937) – глава ВАПП и РАПП и редактор журналов «Молодая гвардия», «На посту»/«На литературном посту» (Гаспаров 1978; Чудакова 1988; Смирнов 1991; Маслов 1995; Мягков 2008). Кроме того, в таком насквозь фаустианском произведении, как «Мастер и Маргарита», присутствие государственного функционера с фамилией Авербах не может не вызывать аллюзию на гетевский «погребок Ауэрбаха». Прямым следствием этой аналогии становится пожар в ресторане писательского Дома (Гаспаров 1978). Авербах не только совмещал должности «председателя» и «редактора», но и принял смерть от «своих»: в 1937 году был расстрелян по обвинению в троцкизме. Внешне тоже похож: невысок, лыс, в очках.

Но есть и существенное несходство. В 20-е годы, когда Леопольд Леонидович возглавлял воинствующие организации ВАПП и РАПП, ему было немногим более 20 лет. По этой же причине никакой особенной эрудиции у него не могло быть, к тому же в годы революции и войны ему было явно не до чтения. Высоких постов этот молодой человек достигал по другой причине: он был племянник Я.М. Свердлова, «демона революции».

Да и МАССОЛИТ мало похож на РАПП – своей государственной основательностью и повышенной привилегированностью. Несомненно, это уже

другая, единая организация – Союз советских писателей, образованный в 1934 году. Дополнительным подтверждением этого соображения служит троекратно упомянутое в романе «Перелыгино» – ясно, что подразумевается «Переделкино», дачный поселок, который как раз в 1934 году стал застраиваться писательскими дачами и обретать статусное значение.

Значит, председатель МАССОЛИТА должен ассоциироваться с почетным председателем Союза советских писателей, а это не кто иной, как Алексей Максимович Горький. Он не только идеолог этого объединения, но также инициатор многих литературных проектов 30-х годов («Библиотека поэта», Литературный институт, журнал «Литературная учёба» и др.). Разумеется, атеист. С эрудицией, кстати, тоже все сходится – он хоть и не кончал университетов, кроме жизненных, но славился своей начитанностью.

Так кто же он, наконец, этот главный советский писатель, кем он представлен в романе Булгакова, – он «поэт Бездомный» или «редактор Берлиоз»? Вопрос несложный: молодой Горький – «поэт», зрелый – «редактор». Его духовная эволюция – от дерзкого и вольнолюбивого нищешанца через сомнения и религиозные искания до государственного деятеля – вполне аналогична рассказанной в романе истории поэта, который, пройдя через мистический опыт, превращается в профессора, интеллектуальное подобие своего образованного наставника.

Внешним несходством героя и предполагаемого прототипа поэтом можно пренебречь, но оно настолько разительно, как будто автор таким образом пресекал возможные попытки их соотнесения: Берлиоз – маленький, лысый, выбритый, а Горький – высокий, с шевелюрой и усами. Правда, такая нарочитость может вызывать и обратный эффект, особенно если знать, что подобный анти-тетичный прием Булгаков применял в описании Маяковского: «Он лет сорока, очень маленького роста, лысенький, в очках, очень подвижной» (Булгаков 1992, т. 1, с. 492).

Прототипическая двойственность Горького в романе «Мастер и Маргарита» неожиданно проступает на фотографии, где он и Авербах, два вероятных прототипа, сидят вдвоем на скамейке, совсем как Берлиоз с Бездомным: оба задумчивы, один – лысый и в очках, другой – в мятых брюках и тубетейке. Оба – видные литературные функционеры и этим подобны «председателю» Берлиозу, но Горький, отображаясь в романе, к тому же оказывается и в облике «поэта».

Ассоциативное совмещение политических фигур Авербаха и Горького в образе Берлиоза показывает, что произведенная в 30-е годы перестройка литературных организаций по существу ничего не изменила. Это характеристика социаль-

ного устройства, в котором смена руководителя не изменяет функцию, которую он выполняет, – функция сама выбирает подходящий типаж для своего выполнения. И смерть Берлиоза – не авторский сатирический произвол, а тоже структурно-функциональная закономерность, проявившаяся в судьбах прототипов: загадочная смерть Горького в 1936 году и расстрел Авербаха в 1937-м.

Перечисленных узнаваний, доказывающих типичность идеолога Берлиоза, было бы достаточно для реалистического произведения, но романы и повести Булгакова, помимо их доказательного реализма, это еще и философские мистерии, воспроизводящие архетипы жизненной реальности в единстве ее онтологии и типологии. Для этого ему требовалась ключевая фигура современной истории, и Булгакову, должно быть, было очевидно, что такой фигурой является Владимир Ильич Ленин (1870–1924), судя по тому, с каким постоянством он наделяет ленинскими аллюзиями своих деятельных и теоретически мыслящих героев – профессора Персикова в повести «Роковые яйца» (Wright 1978; Соколов 1994), профессора Преображенского в повести «Собачье сердце» (Chapple 1980; Иоффе 1987), председателя Берлиоза в романе «Мастер и Маргарита» (Кораблев 1991; Никольский 2001).

Хронология написания этих произведений (1924, 1925 и 1928–1940) и прототипическое родство ключевых героев убеждают, что Ленин изначально мыслился как прототип Берлиоза. Все другие идеологи, узнаваемые в этом персонаже, рангом ниже и харизмой пожиже, – лишь исполнители ленинской воли, линии, идеи. Над ним же нет никого, кто мог бы им руководить, – об этом прямо сказано в первой редакции романа, изорванной автором, но сохраненной и реконструированной: «никакого начальства над собой он не имел» (Чудакова 1988, с. 395).

Творческая история романа «Мастер и Маргарита» и его авторский литературный контекст позволяют утверждать, что Ленин – не просто один из возможных типологических источников образа Берлиоза, а его основной прототип. Можно даже предположить, что смерть Ленина в 1924 году и его всенародные похороны, описанные Булгаковым в репортажах «Часы жизни и смерти» (Булгаков 1924а) и «В часы смерти» (Булгаков 1924б) послужили содержательным импульсом не только для создания художественного образа вождя, но и для всего романа, а увиденная автором ленинская голова («...бугры лба его лысой головы круты. Он молчит...») («Часы жизни и смерти») (Булгаков 1924а) стала кульминационной точкой в «Мастере и Маргарите»:

«– Михаил Александрович, – негромко обратился Воланд к голове, и тогда веки убитого приподнялись, и на мертвом лице Маргарита, содрогнув-

шись, увидела живые, полные мысли и страдания глаза» (Булгаков 1992, т. 5, с. 265).

Если расширение контура возможных прототипов проясняет и подтверждает их типичность, то различие в нем таких прототипов, которые предназначены для читательского узнавания, объясняет и утверждает авторскую концепцию. В том, что концептуальный прототип угадан верно, убеждает характерный эвристический эффект, который может иметь и эстетическое значение.

Так, установление основных прототипов редактора Берлиоза и поэта Бездомного не только проясняет смысловые линии, объединяющие всевозможные отражения, вариации или искажения этих образов, но и воспроизводит знаменательную концептуальную коллизию, которой нашлось в романе Булгакова исключительное место – начальное, определяющее, лобное. Встреча двух литераторов в начале романа «Мастер и Маргарита» обретает дополнительную смысловую конкретность, когда в этих образах распознаются сквозь множество второстепенных прототипов первоосновные – Ленин и Горький.

Чтобы показать, сатирически и символически, суть государственной политики в области литературы, Булгакову не нужно было ничего выдумывать. Усилиями партийных организаторов и партийных же литераторов в советском сознании была сформирована сакрально-дидактическая эмблема: дружеские и в то же время иерархические отношения двух основоположников – Ленина и Горького, главы советского государства и главы советской литературы. Если сравнить их позиции и духовные перспективы, то они соотнесутся примерно так же, как булгаковские Берлиоз и Бездомный.

Очерк Горького «В.И. Ленин» (1924–1930) подтверждал и оформлял эти отношения. Его «очень своевременная книга», как отозвался Ленин о романе «Мать», была объявлена каноническим произведением социалистического реализма, а «несвоевременные мысли» пролетарского писателя о пролетарском вожде, высказанные в первые дни революции, были деликатно забыты. Но, по-видимому, не всеми – они могут служить комментариями к деятельности булгаковских героев – Берлиоза, Преображенского и Персикова:

«Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия. <...>

Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть — что из этого выйдет?» (Горький 1917).

Такое же вольномыслие Горький проявлял и до революции, когда в его революционно-гуманистическом мировоззрении нашлось место богу. И хотя этот бог был искусственный, созданный из лучших человеческих помыслов и побуждений, он вызвал незамедлительную партийную критику. Почти как Берлиоз, объясняющий Бездомному, в чем тот допустил идеологическую оплошность, Ленин пишет Горькому: «Ну, разве это не ужасно, что у Вас выходит такая штука? Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т.п. ничуть не больше, чем желтый черт отличается от черта синего» (Ленин 1978, т. 48, с. 226).

И в заключение письма, дразня богоискателя и подмигивая мистическому писателю: «Обидно дьявольски» (Ленин 1978, т. 48, с. 228).

МАСТЕР. Соблазненным материальными благами и объединенным в МАССОЛИТ многочисленным литераторам противопоставлен одинокий мастер. Антитеза «писатель – мастер», сохраняя концептуальное значение в общей смысловой структуре романа, существенно усложняется, когда рассматривается в единстве с затекстовой реальностью, к которой настойчиво направляют читателя искусно организованные аллюзии.

Понятие «мастер» как высшая степень профессионализма активно утверждалось в советской литературе: и как принцип тождественности физического (рабоче-крестьянского) и умственного (интеллигентского) труда: «Поэзия – / та же добыча радия...» (Маяковский 1955–1961, т. 7, с. 121), и как степень гражданской ответственности, например, в вопрошании Горького: «С кем вы, мастера культуры?» (Горький 1949–1955, т. 26), и как ценность человеческой личности, когда Сталин в телефонном разговоре с Пастернаком допытывался у него о Мандельштаме: «Но он мастер? Мастер?» (Сарнов 2009, с. 392).

Возможно, эти вопросы тоже поучаствовали в криптографии романа «Мастер и Маргарита». Хотя основной прототип Мастера, несомненно, сам Булгаков, совмещенный легкими намеками с русскими классиками, прежде всего с его учителями – Пушкиным («человек примерно лет тридцати восьми» (Гаспаров 1978, с. 242)) и Гоголем («с острым носом, встревоженными глазами»), но, как обнаруживают исследователи, в нем содержатся также черты Мандельштама (Гаспаров 1978, с. 240–241) и Горького (Барков 1994).

Антитеза «писатель – мастер» уточняется: это противостояние не только «современности и классики», но разных типов искусства – временного (остающегося знаком и приметой своего времени) и всевременного (значимого и для других времен). И еще больше усложняется эта антитеза, когда в образе Мастера обнаруживаются аллюзии на Маяковского и Есенина.

Например, когда, беседуя с Бездомным, большой Мастер начинает говорить все путаное, недомолвками, собеседник расслышал нечто главное - «что-то про косой дождь» (Булгаков 1992, т. 5, с. 141), что воспринимается как некий исключительно значимый для героя момент его жизни. А поскольку в самом тексте романа такой дождь отсутствует, читатель побуждается домысливать его или искать где-нибудь за текстом.

Обратившись к ближайшему – авторскому – контексту, можно обнаружить, что «косой дождь» – это вероятная автоцитата из «Записок на манжетах» (1922), где описан ранний литературный период будущего «Мастера», когда он был «Бездомным» (живя на съемных квартирах и сочиняя ради заработка конъюнктурные фельетоны и пьесы), а затем вдруг «Берлиозом» (оказавшись причастным к управлению литературным процессом, сначала в провинции, а потом и в столице, что выразилось в иронической, но и многозначительной фразе, написанной прописными буквами и отозвавшейся эхом в его итоговом произведении: «ПОСЛЕ ГОРЬКОГО Я ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК» (Булгаков 1992, т. 1, с. 494)). Так вот, в этом литературном дневнике, по сути, запечатлено творческое распутье, а лучше сказать – распутица, и она в памяти автора заштрихована косым дождем:

«...Идет жуткая осень. Хлещет косой дождь. Ума не приложу, что ж мы будем есть? Что есть-то мы будем?!...»; «...Косой дождь сек лицо, и, ежась в шинелишке, я бежал переулками в последний раз – домой...» (Булгаков 1992, т. 1, с. 486, 489).

Если же расширить ассоциативный контекст до ближайшего литературного окружения, с учетом трагических событий и поступков, которые глубоко и отчетливо в нем отпечатались, то, наверное, первым вспомнится косой дождь из стихотворения Маяковского «Домой!» (1925):

Я хочу
быть понят моей страной,
а не буду понят, –
что ж,
по родной стране
пройду стороной,
как проходит
косой дождь. (Маяковский 1955–1961, т. 7, с. 429).

Эта аллюзия, как отмечают исследователи, напоминает о судьбе Маяковского (Гаспаров 1978) и характеризует отношение к нему (Лесскис 1999), но она же позволяет конкретизировать эти констатации, если не оставлять недоучтенным одно примечательное обстоятельство: эти строки автор исключил из своего стихотворения. Позже в

открытом письме молодому поэту Маяковский так объяснил свою самоцензуру: «Ноющее делать легко, – оно щипет сердце не выделкой слов, а связанными со стихом посторонними параллельными ноющими воспоминаниями. Одному из своих неуклюжих бегемотов-стихов я приделал такой райский хвостик: <...>. Несмотря на всю романсовую чувствительность (публика хватается за платки), я эти красивые, подмоченные дождем перышки вырвал» (Маяковский 1955–1961, т. 12, с. 182).

Утверждая на своем примере революционную – левовскую – поэтику, Маяковский резко разделял «новое» искусство от «старого» и решительно проводил идеологическую демаркацию между творчеством-деланием и творчеством-вдохновением, между поэтом-лидером и поэтом-певцом, между «социальным заказом» и «божественным призванием». Но в стихотворении «Домой!», вопреки авторским установкам, выразились обе стороны его творчества – гражданская и лирическая. Должно быть, в связи с возвращением на родину, патетически воспеваемая им всемирная бездомность вдруг обернулась темой дома – с пронзительными, чуть ли не «мещанскими», «булгаковскими» настроениями.

Может, и в самом деле неосознанно булгаковскими? Маяковский хорошо знал своих идейных противников, от Пушкина до Булгакова, и могло врезаться в память булгаковское: «...Косой дождь... ..домой...»

Словно опомнившись, поэт безжалостно вырывает эти строки из своего стихотворения. Но, как сказано, «написанное нельзя уничтожить» (Булгаков 1992, т. 1, с. 488). Написанное – «литературный факт», но уничтожение написанного – «литературный акт», актуализация уничтоженного в творческом сознании. Выбор Маяковского – выбор времени, которому он обязался служить, «становясь на горло собственной песне» (Маяковский 1955–1961, т. 10, с. 280–281). Судьба поэта, дерзнувшего перенаправить свое призвание, становится знаком времени, темой для осмысления. Это трагедия, если поэт чувствует в себе две правды, дающие творческие силы, но не может их совместить. Доктор Булгаков диагностировал такое состояние как «шизофрения» («расщепленное мышление»), а писатель Булгаков выразил его в образе поэта Бездомного.

Другой пример – из черновики 1934 года. Герой прощается с земным бытием, и звучит фраза, на что-то намекающая, потому что произносится она почему-то «искушающе»: «– Привал может быть хотите сделать, драгоценнейший мастер, – шепнул бывший регент, – добудем фраки и нырнем в кафэ освежиться, так сказать, после [ваших] рязанских страданий...» (Булгаков 2015, т. 1, с. 290).

Заметим, слово «рязанских» вставлено в текст позже, вместо вычеркнутого «ваших», и должно вызывать у читателя произвольную ассоциацию с «известнейшим», как сказано в романе об этом персонаже, советским поэтом, родом из рязанской глубинки, Сергеем Есениным. На следующей странице запущенная аллюзия подтверждается повторением слова «страдания», которое расцветивается целым букетом есенинских поэтических ассоциаций: «Тут с холодной тоской представил вдруг поэт почему-то сумерки и озерцо и кто-то и почему-то заиграл в голове на гармонии страдания и пролился свет луны на холодные воды и запахла земля» (Булгаков 2015, т. 1, с. 291).

Большинство ассоциаций, которые можно назвать и реминисценциями, словесно-образными цитатами, хорошо узнаваемы, и не только специалистами, поскольку со временем стали хрестоматийными:

- тоска: «Каждый день я чувствую / Тоску» («Батум», <1924>), «Я не в силах скрыть своей тоски...» («Мы теперь уходим понемногу...», 1924), «Заглуши в душе тоску тальянки...» («Никогда я не был на Босфоре...», 1924), «Жизнь — обман с чарующей тоскою...» (1925) и др.;

- сумерки: «Синий сумрак над ширью равнин...», «Сумрак голодной волчицей выбежал кровь зари лакать...» («Пугачев», 1921) и др.;

- озеро: «Выткался на озере алый свет зари...» <1910> и др.;

- свет луны: «Свет луны таинственный и длинный...» («Спит ковыль. Равнина дорогая...», 1925);

- холодные воды: «От воды туман и сырость...» («Нивы сжаты, рощи голы...», 1917–1918);

- запах земли: «Черная, потом пропахшая выть!..» (1914).

Здесь же, чтобы не сомневались, есенинская гармонь: «Ты играй, гармонь, под трензель...» (1915); «Сыпь, гармоника! Скука... Скука...» (1923) и др.

И здесь же есенинские «страдания»: «За страданье / Мамка брõнит. / Побить хочет – / Не догонит», «Страдатель мой, / Страдай со мной. / Надоело / Страдать одной», «Пострадала, / Ну, довольно... / От страданья / Сердцу больно», «Не страдай, / Король бубновый, / У меня / Страдатель новый» и др. (Есенин 1995–2002, т. 7, с. 327–332).

Это что же получается: прообразом главного героя в начальных редакциях романа мыслился Есенин? И кто тогда нагая Маргарита, покидающая вместе с героем брønный мир, - босоножка Айседора с шекспировской фамилией Дункан?

Стоит ли после этого удивляться, что в судьбе и облике Мастера обнаруживаются также аллюзии, обращающие к личности Максима Горького (Барков 1994).

Заключение

Обобщая представленные наблюдения и опыты их осмысления, отметим некоторые контекстуальные закономерности.

Художественная криптография Михаила Булгакова формировалась под воздействием противоположных факторов: с одной стороны, революционные изменения в стране, требующие от художника адекватного отношения, осмысления и отображения, с другой – диктат идеологии, прогрессирующая цензура, а кроме того – приоритеты массового сознания («восставших масс»).

После первых литературных опытов в условиях новой социальной реальности (публицистическая статья «Грядущие перемены» (1919), конъюнктурные пьесы владикавказского периода, работа в московской периодике), выявивших границы невозможностей для творческой реализации, булгаковский художественный нарратив стал обретать формат интеллектуально-стилевой корреляции, определяющей взаимодействия творческой необходимости и социальной восприимчивости.

Определилась основная смысловая коллизия автоматической прозы Булгакова, которая в его итоговом романе представлена как путь личностной и социальной эволюции и выражена в истории поэта Бездомного и в его отношениях с редактором Берлиозом и Мастером – адептами современности и сверхвременности.

Источники фактического материала

Булгаков М.А. В часы смерти (От нашего корреспондента) // Бакинский рабочий, 1924, 1 февр.

Булгаков М. Часы жизни и смерти (С натуры) // Гудок, Москва, 1924, 27 янв.

Булгаков М. Караул! // Журналист. 1925. № 6–7.

Булгаков М. А. Собр. соч.: в 5 т. Москва: Художественная литература, 1992.

Булгаков М.А. Полное собрание черновиков романа. Основной текст. В 2 т. / Сост. Е.Ю. Колышева. Москва: Пашков дом, 2015. Т.1.

Булгакова Е.С. Дневник Елены Булгаковой. Москва: Книжная палата, 1990.

Горький М. К демократии // Новая жизнь. 7(20) ноября 1917 г. № 174.

Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Москва: Изд-во худож. лит., 1949–1955.

Есенин С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. Москва: Наука; Голос, 1995–2002.

Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961.

Библиографический список

Chapple, R.L. (1980), *Soviet Satire of the Twenties*, Gainesville, Florida, USA.

Lowe, D. (1976), *Bulgakov and Dostoevsky: A Tale of two Ivans, Russian Literature Triquarterly*, no. 15.

Wright, A.C. (1978), *Mikhail Bulgakov: Life and Interpretations*, Toronto; Buffalo; London.

Барков А.Н. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: Альтернативное прочтение. Киев: Текна А/Т, 1994.

Белобровцева И., Кульюс С. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Комментарий. Москва: Аргос, 2006.

Гаспаров Б. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // *Slavica Hierosolymitana*. Jerusalem, 1978. vol. 3.

Иоффе С. Тайнопись в «Собащем сердце» Булгакова // *Новый журнал*. Нью-Йорк, 1987.

Кеда А. Кто вы, Иван Бездомный? // *Советская библиография*. 1991. № 3.

Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Научная книга, 2014.

Кораблев А. Тайнодействие в «Мастере и Маргарите» // *Вопросы литературы*. 1991. № 5.

Кузякина Н. Михаил Булгаков и Демьян Бедный // М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. 1988.

Кушлина О., Смирнов Ю. Некоторые вопросы поэтики романа «Мастер и Маргарита» // М.А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени, 1988.

Ленин В.И. Письмо А.М. Горькому (XI.1913) // *Полн. собр. соч.*: В 55 т. Изд. 5-е. Москва: Издательство политической литературы, 1970. Т. 48.

Лескис Г. Последний роман Булгакова // Булгаков М.А. *Собр. соч.*: В 5 т. М., 1992. Т. 5.

Лескис Г.А. Триптих М.А. Булгакова о русской революции: «Белая гвардия», «Записки покойника», «Мастер и Маргарита». Комментарии. Москва: ОГИ, 1999.

Маслов В.П. Скрытый лейтмотив романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 1995. №6.

Мережковский Д.С. Чехов и Горький // Мережковский Д.С. *Грядущий хам. Чехов и Горький*. СПб., 1906. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/kritika/merezhkovskij-chehov-i-gorkij.htm>

Мягков Б.С. Булгаков на Патриарших. Москва: Алгоритм, 2008.

Никольский С.В. Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (Поэтика скрытых мотивов). Москва: Индрик, 2001.

Сапрыгина Н.В. Авторская семантизация в художественном тексте. Одесса, 1995.

Сарнов Б. Сталин и писатели. Книга первая. Москва: Эксмо, 2009.

Смирнов Ю. «Музыка» Михаила Булгакова // *Советская музыка*. 1991. № 5.

Соколов Б. Булгаковская энциклопедия. Москва: Локид, 1996.

Соколов Б.В. «Немецкий шпион» в творчестве М. Булгакова // *Шпион*. 1994. № 3 (5).

Фиалкова Л.К. генеалогии романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1981. Т. 40. № 6.

Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд., доп. Москва: Книга, 1988.

Чудакова М. Творческая история романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // *Вопросы литературы*. 1976. № 1.

References

Chapple, R.L. (1980), *Soviet Satire of the Twenties*, Gainesville, Florida, USA.

Lowe, D. (1976), *Bulgakov and Dostoevsky: A Tale of two Ivans, Russian Literature Triquarterly*, no. 15.

Wright, A.C. (1978), *Mikhail Bulgakov: Life and Interpretations*, Toronto; Buffalo; London.

Barkov, A.N. (1994), *Roman Mihaila Bulgakova «Master i Margarita»: Al'ternativnoe prochtenie*, Tekna A/T, Kiev, Ukraine.

Belobrovceva, I. and Kul'yus, S. (2006), *Roman M. Bulgakova «Master i Margarita»: Kommentarij*, Argo, Moscow, Russia.

Gasparov, B. (1978), *Iz nablyudenij nad motivnoj strukturoj romana M.A.Bulgakova «Master i Margarita»*, *Slavica Hierosolymitana*, Jerusalem, vol. 3.

Ioffe, S. (1987), *Tajnopis' v «Sobach'em serdce» Bulgakova*, *Novyj zhurnal*, N'yu-Jork.

Keda, A. (1991), *Kto vy, Ivan Bezdomyj? Sovetskaya bibliografiya*, no. 3.

Kovalev, G.F. (2014), *Izbrannoe. Literaturnaya onomastika*, Nauchnaya kniga, Voronezh, Russia.

Korablev, A. (1991), *Tajnodejstvie v «Mastere i Margarite»*, *Voprosy literatury*, no. 5.

Kuz'yakina, N. (1988), *Mihail Bulgakov i Dem'yan Bednyj, M.A. Bulgakov-dramaturg i hudozhestvennaya kul'tura ego vremeni*.

Kushlina, O. and Smirnov, Yu. (1988), *Nekotorye voprosy poetiki romana «Master i Margarita»*, *M.A. Bulgakov-dramaturg i hudozhestvennaya kul'tura ego vremeni*.

Lenin, V.I. (1970), *Pis'mo A.M. Gor'komu (XI.1913)*, *Poln. sobr. soch.*: v 55 t., t. 48, Izd. 5-e., Izdatel'stvo politicheskoy literatury, Moscow, Russia.

Lesskis, G. (1992), *Poslednij roman Bulgakova, Bulgakov M.A. Sobr. soch.*: vol. 5, Moscow, Russia.

Lesskis, G.A. (1999), *Triptih M.A. Bulgakova o russkoj revolyucii: «Belaya gvardiya», «Zapiski*

pokojnika», «*Master i Margarita*». *Kommentarii*, OGI, Moscow, Russia.

Maslov, V.P. (1995), Skrytyj lejtmotiv romana M.A. Bulgakova «*Master i Margarita*», *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, no. 6.

Merezhkovskij, D.S. (1906), Chekhov i Gor'kij, *Gryadushchij ham. Chekhov i Gor'kij*, St. Petersburg, Russia, [Online], available at: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/kritika/merezhkovskij-chehov-i-gorkij.htm>.

Myagkov, B.S. (2008), *Bulgakov na Patriarshih*, Algoritm, Moscow, Russia.

Nikol'skij, S.V. (2001), *Nad stranicami antiutopij K. CHapeka i M. Bulgakova (Poetika skrytyh motivov)*, Indrik, Moscow, Russia.

Saprygina, N.V. (1995), *Avtorskaya semantizaciya v hudozhestvennom tekste*, Odessa, Ukraine.

Sarnov, B. (2009), *Stalin i pisateli. Kniga pervaya*, Eksmo, Moscow, Russia.

Smirnov, Yu. (1991), «*Muzyka*» Mihaila Bulgakova, *Sovetskaya muzyka*, no. 5.

Sokolov, B. (1996), *Bulgakovskaya enciklopediya*, Lokid, Moscow, Russia.

Sokolov, B.V. (1994), «*Nemeckij shpion*» v tvorchestve M. Bulgakova, *Shpion*, no. 3 (5).

Fialkova, L. (1981), K genealogii romana M.A. Bulgakova «*Master i Margarita*», *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, vol. 40, no 6.

Chudakova, M. (1988), *Zhizneopisanie Mihaila Bulgakova*, 2-e izd., dop., Kniga, Moscow, Russia.

Chudakova, M. (1976), Tvorcheskaya istoriya romana M. Bulgakova «*Master i Margarita*», *Voprosy literatury*, no. 1.

Submitted: 20.01.2021

Revised: 02.03.2021

Accepted: 01.04.2021

Дата: поступления статьи: 29.01.2021
после рецензирования: 05.03.2021
принятия статьи: 01.04.2021

Д.Д. Моросеева
Оснабрюкский университет,
г. Оснабрюк, Германия
E-mail: dmoroseeva@uni-osnabrueck.de
ORCID: <https://orcid.org/000-0002-6788-1637>

Поэтика эпического театра Б. Брехта с точки зрения «кубистического принципа»

Аннотация: данная статья посвящена попытке рассмотрения концепции эпического театра Б. Брехта с точки зрения кубистического принципа как характерного приёма авангарда и постмодернизма, основанного на преодолении традиционных миметических форм при создании художественного целого и предполагающего такой способ организации художественного образа, при котором аффективное вовлечение, базирующееся на «готовых» формах восприятия и узнавания, сменяется необходимостью так называемой «работы понимания». В круг основных задач статьи входит обнаружение и описание механизмов реализации кубистического принципа в концепции эпического театра Брехта. Целью работы является доказать продуктивность рассмотрения поэтики Брехта с точки зрения кубистического принципа. Методология исследования основана на комплексном подходе, сочетающем системно-целостный и герменевтический методы. Эмпирическую основу составляют работы Брехта о теории эпического театра, а также труды отечественных и зарубежных литературоведов и теоретиков искусства, посвященные как узкоспециальным аспектам теории драматургии Брехта, так и вопросам, связанным с проблемой аутентичности художественного высказывания и особенностями структуры произведения искусства в контексте распада традиционных представлений о художественном объекте как о результате подражания или выражения внутреннего мира художника. Полученные результаты позволяют представить концепцию эпического театра Брехта как опыт проблематизации творческого акта в ситуации кризиса художественных форм и обнаруживают целесообразность рассмотрения поэтики Брехта с точки зрения кубистического принципа в силу гораздо более широкого взгляда на техническую и идейно-содержательную стороны его концепции в отличие от принятых ранее понятий «монтаж» и «разъединение элементов».

Ключевые слова: кубистический принцип, Бертольт Брехт, эпический театр, аутентичность художественного высказывания, поэтика, театральная критика, эстетика.

Цитирование: Моросеева Д.Д. Поэтика эпического театра Б. Брехта с точки зрения «кубистического принципа» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 1. С. 61–69.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Моросеева Д.Д., 2021 – кандидат филологических наук, магистрант Оснабрюкского университета, 49074, Германия, г. Оснабрюк, Нойер Грабен, 29.

D.D. Moroseeva
Osnabrück University, Osnabrück, Germany
E-mail: dmoroseeva@uni-osnabrueck.de
ORCID: <https://orcid.org/000-0002-6788-1637>

Poetics of B. Brecht's epic theatre in terms of the cubist principle

Abstract: this article is devoted to an attempt to consider the concept of B. Brecht's epic theatre in terms of the cubist principle as a characteristic technique of the avant-garde and postmodernism, based on overcoming traditional mimetic forms when creating an artistic whole and suggesting such a way of organizing an artistic image in which affective involvement based on «ready-made» forms of perception and recognition, is replaced by the need for the so-called «work of understanding». The main objectives of the article include the discovery and description of the mechanisms for the implementation of the cubist principle in the concept of Brecht's epic theatre. The goal of the study is to prove the productivity of considering Brecht's poetics in terms of the cubist principle. The research is carried out on the basis of an integrated approach that

combines systemic-holistic and hermeneutic methods. The block of empirical materials includes Brecht's works on the theory of epic theatre, as well as the works of Russian and foreign literary scholars and art theorists, devoted to both highly specialized aspects of Brecht's theory of dramaturgy and issues related to the problem of authenticity of artistic expression and features of the structure of a work of art in the context of the collapse of traditional ideas about an artistic object as a result of imitation or expression of the artist's inner world. The results obtained make it possible to present the concept of Brecht's epic theatre as an experience of problematization of the creative act in a situation of crisis of artistic forms and reveal the expediency of considering Brecht's poetics in terms of the cubist principle due to a much broader view of the technical and ideological-content aspects of his concept, in contrast to previously adopted concepts «montage» and «separation of elements».

Key words: cubist principle, Bertolt Brecht, epic theatre, authenticity of artistic expression, poetics, theatre criticism, aesthetics.

Citation: Moroseeva, D.D. (2021), Poetics of B. Brecht's epic theatre in terms of the cubist principle, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 61–69.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Moroseeva D.D., 2021** – Candidate of Philological Sciences, Master of Arts student, Osnabrück University, 29, Neuer Graben, Osnabrück, 49074, Germany.

Введение. Возникновение понятия кубистического принципа, применяющегося для описания художественной организации образа в кубистической живописи, является, согласно утверждению Н. Рымаря, свидетельством обострения проблемы аутентичности художественного высказывания в культуре XX века и, следовательно, может быть вынесено за рамки исключительно живописи и использовано также для характеристики «фундаментальных структур» художественного языка XX века (Рымарь 2013). Проблема аутентичности является своего рода «симптомом» духовного и культурного кризиса XX века, связанного с крушением «ценностных систем» и утратой традиционных представлений о личности. Само бытие человека становится проблематичным для понимания, не укладывающимся в уже существующие экспликативные модели, что, в свою очередь, рождает необходимость поиска новых художественных форм, способных адекватно выразить внутренний опыт переживания реальности. В этой связи, по мнению Н. Рымаря, «последним содержанием всех художественных новаций искусства XX века становится создание нового образа человека» (Рымарь 2013, с. 40): «Характерной особенностью этого образа становится текучесть, неустойчивость границ, децентрированность – невозможность привести все его аспекты к единому центру, одному началу, одной точке зрения, невозможность исчерпать его представлениями о личности, восходящими к ХУШ–ХІХ в.» (Рымарь 2013, с. 40). Одним из способов конституирования нового образа человека становятся кубистические формы художественного высказывания, воспроизводящие в своей структуре сложный и неоднозначный опыт восприятия «расшатанной» в своей цельности действительности. Реализация кубистического принципа в его изначальном понимании предполагает круговое видение модели, её си-

мулянное развёртывание с разных перспектив: «образ строится на композиционном соотношении разных точек зрения – разных форм восприятия, субъективного переживания, вчувствования и, таким образом, – различных способов понимания модели. Тем самым художник работает с формами восприятия как способами и приёмами построения образа, обладающими самоценностью, так что его непосредственным предметом становится уже не модель, а языковые формы, формы языка живописи – различные ракурсы, перспективы с соответствующими конstellляциями живописных элементов, плоскостей и линий. Но в результате этого происходит замена модели отдельными её аспектами, абстрагированными от её целостности при помощи живописной техники» (Рымарь 2013, с. 45). Появление такого принципа организации художественного целого является, по мнению Н. Рымаря, попыткой преодоления «готовых» миметических форм, базирующихся на «узнавании» и «понимании» и обнаруживших свою несостоятельность в ситуации кризиса художественного языка XX века, вызванного отчуждением между сознанием художника и жизнью, сознанием и языком. Неизбежная трансформация традиционного миметического акта, отказ от воспроизведения уже «знакомого», «узнаваемого», не требующего усилий со стороны реципиента, включает в себя рационализацию непосредственно самого творческого акта, выражающую себя в дистанции по отношению к языку/материалу и в выведении на уровень формы трудности/невозможности аутентичного художественного высказывания в контексте кризиса языка, то есть его проблематизация обретает свою визуальную, материальную манифестацию, выходя тем самым за рамки «невывразимого». В связи с этим, как отмечает Н. Рымарь, характерным аспектом кубистических конструкций становится то, что в них «событие изображе-

ния доминирует над изображённым событием» (Рымарь 2013, с. 43): «В искусстве авангарда и постмодернизма особенно ясно видно, что началом, организующим произведение, становится событие творческого акта художника, аутентичное бытие самого события его творческой активности. Произведение предстаёт не как зеркало действительности, за которым не видно его творца, а как творческий акт художника в непосредственности его бытия» (Рымарь 2013, с. 43). Таким образом, произведение перестаёт быть «автономным миром» и становится «открытой структурой незавершённого события бытия художника в действительности» (Рымарь 2013, с. 43).

Аналогичным образом рассуждает философ и художественный критик Артур Данто, говоря о конце романтической формы искусства, обозначенной в своё время Гегелем и зачастую толкуемой как «конец искусства». По мнению Данто, к концу подошла именно та фаза художественного развития, которая определялась двумя ранее значимыми концепциями искусства – искусства как подражания природе и искусства как выражения внутреннего мира (Gethmann-Siefert, 2013). Г. Штойнебринк, говоря о следующей фазе развития искусства в концепции Гегеля («Nachkunst», «Kunst in der Überschreitung der Kunst», «Kunst über die Kunst hinaus»), замечает, что произведение искусства, принадлежащее этой фазе, характеризуется прежде всего своей «распадающейся» структурой. Идеальная и чувственная стороны этой структуры распадаются таким образом, что на первый план выходит субъективная, техническая «виртуозность» художника и так называемый принцип «формального делания» («das Prinzip des formellen Machens») (Steunebrink, 2013). Отличительной особенностью фазы «искусства после искусства» согласно А. Гетманн-Зиферт является то, что искусство в ней предстаёт как процесс коммуникации («das Kommunikationsgeschehen»), в котором речь идёт не о «чувственной внешней стороне» художественного произведения, а о наглядной трансляции некоей рациональной идеи («die anschauliche Vermittlung der Vernunftidee»), которая, в свою очередь, выступает как результат определённого мировоззрения и требует аналитического, рефлексивного подхода (Gethmann-Siefert, 2013). При этом немаловажно, чтобы в этот процесс коммуникации могла быть вовлечена не только избранная группа знатоков и искусствоведов, но и «граждане реального исторического мира» («Bürger der realen geschichtlichen Welt») (Gethmann-Siefert, 2013).

Однако такого рода изменение структуры художественного произведения, выводящее на первый план проблемно-противоречивое бытие художника-творца во всей его идейно-технической сложности и избегающее опоры на традиционные

миметические формы становится, по мнению Н. Рымаря, довольно драматичным обстоятельством для читателя, который, в свою очередь, вынужден пережить отчуждение от «готовых» моделей рецепции и «освоить предлагаемые ему непривычные формы восприятия, понять их содержательность, их имманентные выразительные, оценочные и смысловые возможности, используя которые, художник строит свой образ объекта» (Рымарь 2013, с. 43). То есть, таким образом, реципиенту необходимо осознать, что предметом восприятия становятся сами формы, «из взаимодействия которых рождается эстетический объект» (Рымарь 2013, с. 43). Понимание этого обстоятельства становится обязательной предпосылкой для диалогического взаимодействия автора и читателя в ситуации «открытой структуры незавершённого события бытия художника в действительности» (Рымарь 2013, с. 43): «Творческий акт художника предстаёт здесь не как застывшее и существующее самостоятельно произведение, завершённый мир, а как формотворческая активность, обращённая к другому сознанию, в творческой деятельности которого формы получают определённый смысл. Тем самым художник выступает уже не как божественный Отец-создатель мира, тайные цели и высший смысл деятельности которого требуют смиренного читателя, постигающего в его произведении последнюю истину. Автор делит ответственность за создаваемый им мир с читателем, и это также становится одним из аспектов решения проблемы аутентичности его творчества в глазах читателя» (Рымарь 2013, с. 43). Структура кубистического творческого акта включает в себя две основополагающие тенденции – вчувствование и абстрагирование, или иначе – субъективацию и объективацию. Вчувствование позволяет развёртывать образ, исходя из субъективного переживания предмета, в то время как абстрагирование способствует эффекту остранения, обеспечивая аналитически-рациональную дистанцию по отношению к объекту изображения. Эти усилия, согласно Н. Рымарю, направлены на преодоление отчуждения личности посредством «конституирования Другого как живого, незавершённого человека, субъекта» (Рымарь 2013, с. 44).

Ход исследования. Поэтика эпического театра Б. Брехта, которую принято характеризовать через понятия «разъединение элементов», «монтаж», «феноменальный театр», может быть также раскрыта с точки зрения «кубистического принципа», который в отличие от вышеназванных методов не столько фокусируется на самостоятельности отдельных элементов и их взаимодействии, сколько учитывает их в контексте соотношения целого и его частей и в этом смысле предлагает более широкий взгляд на «техническую» сторону концепции Брехта. Кубистическая художествен-

ная форма, будучи формой «пространственной», ориентирована на «углубленное переживание целого в контекстах» (Рымарь 2006, с.5), что как раз является характерной чертой поэтики эпического театра. Главной задачей театра, согласно Брехту, является изложение фабулы и её воплощение с помощью соответствующих приёмов очуждения. При этом излагать её должны не только актёры, но и весь театральный коллектив как целое, включая режиссёров, художников, костюмеров, музыкантов и хореографов (Брехт 1960, с.130): «Фабула является в конечном счёте самым главным, она – сердцевина, стержень всякого спектакля, так как именно из того, что происходит между людьми, получается всё, о чём можно спорить, что можно критиковать и видоизменять. Важнейшим моментом в театре является фабула, охватывающая все внешне проявляющиеся события, содержащая те факты и мгновенные порывы, которые должны доставлять удовольствие зрителям» (Брехт 1960, с.129). Обращаясь к историческим сюжетам и мотивам, Брехт не только стремится показать то специфическое в человеке, что формирует в нём определённая эпоха, а также продемонстрировать метод диалектического материализма в действии, предлагая поразмышлять об обществе в его развитии и внутренних противоречиях. Он также создаёт необходимую изолирующую «раму», которая, с одной стороны, затрудняет вживание зрителя в персонажа, с другой же стороны, благодаря этой дистанции, позволяет зрителю сравнить и сопоставить оба исторических плана (изображённый и фактический), тем самым побуждая его к критическому анализу общества. Немаловажным моментом при этом, как отмечает И. Фрадкин, становится также то, что «знание зрителем фабулы и развязки наперёд должно освободить его от аффектов и лихорадочного беспокойства о судьбе героя и позволить ему, так сказать, «в трезвом уме и твёрдой памяти» наблюдать за ходом действия, критически взвешивая и оценивая поведение персонажей (Фрадкин 1963). Поскольку зритель уже знает, «чем всё это кончится», он не будет испытывать того нетерпеливого волнения, которое подчас во время спектакля застилает пеленой его взор и разум» (Фрадкин 1963). Эффекту рамы также способствует периодическое обращение Брехта к жанру притчи, в структуре которой авторское начало («идея») преобладает над материей, служащей средством его воплощения. Ценность притчи Брехт видел в наличии в ней абстрактного и конкретного планов, благодаря которым «существенное становится наглядным», а также в её «поучительности», позволяющей отказаться от «пафоса», который, по его мнению, «всегда поверхностен» (Лапшин 2019). При этом следует отметить, что Брехту был чужд символизм: «его персонажи ни в коем случае ничего не значат (коннотативно), они

просто существуют в качестве прямого денотативного указания на конфликтные обстоятельства» (Кондаков 2009, с.124).

Обращаясь к анализу кубистической формы художественной концепции Брехта, необходимо также упомянуть саму структуру сцены в эпическом театре, которая должна воплощать собой «процесс познания» («Erkenntnisvorgang»), своего рода моделирование «социального эксперимента» в сценическом формате, цель которого донести до публики общественно значимую информацию, обладающую практической пользой и побуждающей к активным гражданским действиям. Соотношение игрового аспекта и непосредственно рационально-поучительной части в игре актёров Брехт изложил в «Уличной сцене» как прообраз сцены в эпическом театре. Показ увиденного (того, что было на самом деле) с целью донести информацию, которая обладает практической пользой, естественно и без создания иллюзий, – суть концепции эпического театра. Ключевым аспектом является подчёркивание «сконструированности» демонстрируемого на сцене, не позволяющей зрителям раствориться в персонажах и эмоционально отождествиться с ними. Событие изображения должно непременно доминировать над изображаемым событием: «Поэтому необходимо отдельные события драмы связывать между собой так, чтобы узлы были очевидны; события не должны следовать одно за другим неприметно; нужно, чтобы в промежутках между ними могло родиться суждение. Таким образом, отдельные части фабулы нужно тщательно согласовать между собой, придав каждой из них внутреннюю структуру, так сказать, маленькой пьески внутри большой пьесы. Актёры должны не «неприметно переходить» к пению, а подчёркнуто отделять его от остального действия, чему лучше всего помогут некоторые специфические театральные средства, например, перемена освещения или титры. Музыка же со своей стороны должна во что бы то ни стало сопротивляться полному её поглощению, не допускать, чтобы её низводили до роли бездумной служанки. Она должна не «сопровождать», а пояснять действие» (Брехт 1960, с. 130). Задача музыки – опосредовать сценическое действие, интерпретировать текст, «предпосылать» его, занимать позицию. Следовательно, она не сливается воедино со сценическим действием, а накладывается на него как бы извне. Так, концепция Брехта является абсолютной противоположностью модели «Gesamtkunstwerk», где все элементы объединяются в единый неразделимый поток, унося с собой растворённого в нём зрителя: «Таким образом, все братские искусства, связанные с искусством актёрской игры, призываются не для того, чтобы создать некое «единое произведение искусства», в котором все бы они растворились и затерялись;

нет, все они вместе с искусством актёра должны решать общую задачу различными путями, и их взаимодействие заключается в том, что все они взаимно очуждаются» (Брехт 1960, с. 133).

«Очуждение», «остранение» – ключевой термин поэтики эпического театра, пронизывающий все идейно-смысловые уровни пьес Брехта и тесно сопряженный с другим, гораздо менее изученным понятием – «Gestus» («жест»). «Жест» представляет собой своего рода инструмент социального анализа, который опирается на конкретный и комплексно представленный уровень жестов, мимики, высказываний и т.д. Эти жесты можно «вычленивать» из дискурса межличностного общения. Согласно Г.-М. Риттеру, термин «жест» включает в себя «делимость» отдельных черт, слоёв и фаз межличностного взаимодействия: например, человек, который продал рыбу, больше не демонстрирует жест продажи, даже если он продолжает беседовать со своим клиентом, рассказывая ему о своих проблемах и болезнях, которые влечёт за собой его профессия, и жалуется на это. Или: человек, который продает рыбу, одновременно демонстрирует определенным поведением, что он презирает своего покупателя и унижает его (Ritter 1986, p. 15). Как в этой связи замечает Брехт, в рамках определённого жеста можно разглядеть множество других жестов, например, траур включает в себя обзванивание свидетелей, сдержанность и проявление несправедливости. Следовательно, согласно определению Брехта, под «жестом» понимается комплекс жестов, выражений лица и высказываний, с которым один или несколько человек обращаются к одному или нескольким людям: «Человек, который продает рыбу, помимо прочего демонстрирует жест продажи. Мужчина, который пишет завещание; женщина, которая привлекает мужчину; полицейский, который бьет одного мужчину; мужчина, который платит десяти мужчинам. Согласно этому определению, ситуация, в которой человек призывает Бога, становится жестом только тогда, когда это делается в контексте, где возникают отношения между людьми» (перевод мой – Д.М.) (Ritter 1986, p. 20). Жесту также присущ кинематографический характер, что фактически роднит его с приёмом монтажа, являющимся в то время «принципом наибольшего соответствия действительности», своего рода способом документализации исторической эпохи (Зингерман 1979, с. 187): «Соответствующая эмоция должна быть выделена, она должна стать самостоятельной, чтобы её можно было представить крупным планом. Особое изящество, сила, обаяние жеста способствуют «очуждению» (Брехт 1960, с. 66). «Практическое» назначение жеста заключается в том, что он даёт почву для комплексного осмысления социальных взаимосвязей. «Оттеняя» и изолируя их друг от друга в их индивидуальных,

возможно, противоречащих друг другу деталях, он в то же время абстрагирует кажущиеся поверхностными явления, выводя тем самым наружу структуры социальных отношений. Н. Рымарь характеризует «жесты» как «слова, отношения и формы экспрессии коллективного опыта, за которыми стоят типологически определённые, но лично неотрафлированные социально-моральные установки, способы понимания жизни, владеющие сознанием личности» (Рымарь 2019, с. 157). И в этом смысле природа жестов гораздо глубже, чем природа идей, поскольку «в идеях можно разочароваться и отвергнуть их», в то время как жест «глубоко внутри и является границей сознания, определяющей формы его функционирования» (Рымарь 2019, с. 157). Замена Брехтом «принципа мимики» («das mimische Prinzip») «принципом жестов» («das gestische Prinzip») означает отказ от культивирования внутренних, душевных конфликтов и их прямого выражения в мимике лица актёра. Причина тому заключается в том, что подражание, которое лежит в основе мимического принципа, изолирует людей от их социального контекста и показывает их только как личность, находящуюся «в тисках непостижимой и неподвластной влиянию личной судьбы» (Брехт 1960, с. 127), что, в свою очередь, ведёт к «разобществлению» («Entgesellschaftung») «жеста» (Ritter 1986, p. 20). Помимо ярко выраженной «социальной пользы», жест также обладает характерными структурными особенностями, о которых, в частности, говорит В. Беньямин: «Эпический театр – это жестовый театр. Жест – это его материал, и задача театра – надлежащее использование этого материала. Жест имеет два преимущества перед довольно обманчивыми заявлениями и утверждениями людей, с одной стороны, и сложностью и непрозрачностью их действий, с другой стороны. Во-первых, его можно лишь до определенной степени сфальсифицировать, и чем он незаметнее и привычнее, тем меньше. Во-вторых, в отличие от действий людей, у жеста есть фиксируемое начало и фиксируемый конец. Эта строгая рамочная замкнутость каждого элемента действия, которое в целом находится в живом потоке движения, является одним из основных диалектических свойств жеста. Отсюда следует важный вывод. Чем чаще мы прерываем актёра, тем больше жестов получаем. Поэтому для эпического театра прерывание сюжета первостепенно. Замедляющий характер прерывания, эпизодичность кадра – вот что делает жестовой театр эпическим» (перевод мой – Д.М.) (Ritter 1986, p. 32). Следовательно, аналитическое свойство жеста заключается в «изолируемости» его составляющих. Жест обнаруживает себя как следствие вмешательства в живой поток событий и прерывание, посредством которого фиксируется начало и конец жеста, делает видимым и

наглядным отношением людей друг к другу. Таким образом, заключает Бенъямин, эпический театр не «развивает действие», а «изображает состояния», причём «изображение» здесь следует понимать не как «натуралистическое подражание», а как «обнаружение», «открытие», «очуждение» этих состояний, которое становится возможным благодаря прерыванию. Особым достоинством жестов Бенъямин считает их «техническую воспроизводимость», иначе - «цитируемость» («Gesten zitierbar machen»), которая достигается тем, что актёр их сознательно «блокирует», «обрамляет» (Ritter 1986, p. 33). «Воспроизводимость» жестов может быть понята как описательный термин, заключающий в себе преобразование исходной «естественной» модели, некоего социального паттерна, в «искусственный» жест на сцене. Таким образом, в структуре «жеста» реализуются обе основополагающие тенденции кубистического принципа – субъективация и объективация. Посредством вчувствования в определённые социальные контексты происходит абстрагирование универсальных моделей социального взаимодействия.

Работа актёра над образом представляет собой в структурном плане воспроизведение той же «кубистической» схемы, на каждом этапе обнажающей стыки и «выпячивающей» узлы. Брехт подчёркивает, что актёр, знакомясь со своим персонажем, должен опираться на «индуктивный метод». Этот метод предполагает, что актёр не должен исходить из общего представления об образе, «сглаживая углы» и тем самым игнорируя его отдельные, «неудобные» качества, поскольку именно «непригодные, противоречащие другим черты он должен использовать для создания образа» (Брехт 1960, с. 74). Значимость такого рода черт в представлении Брехта опять же обусловлена их социальной детерминированностью: «Черты имеют общественные причины и общественные следствия. Только построенные из таких черт образы будут реальными, и актёр сможет показать их связь с окружающим миром» (Брехт 1960, с. 75). Диалектическое свойство образа, согласно Брехту, состоит в том, что его единство «достигается именно тогда, когда его отдельные свойства изображают в их противоречии» (Брехт 1960, с. 74). Актёру допускается также использовать метод «вживания» в свою роль, но исключительно как «один из многих методов наблюдения», как одно из средств, которое вкупе с «фантазией» и «анализом фактов» должны привести к созданию «конкретного, живого образа», показанного в развитии (Брехт 1960, с. 74). Для того чтобы правильно понять своего персонажа и не отождествляться с ним эмоционально, актёру следует прибегать к «очуждению», меняя пространственные перспективы с «Я» на «Он» и тем самым дистанцируясь

от него. С той же целью Брехт рекомендовал своим актёрам меняться ролями, чтобы не уходить в углубленное индивидуальное переживание своего персонажа и видеть его с разных точек зрения: «Полезно бывает для актёра посмотреть свою роль в исполнении дублёра или в другой постановке. При исполнении женской роли мужчиной (или наоборот) резче выступают черты пола, трагическая роль, сыгранная комедийным актёром, приобретает новый аспект. Участвуя в разработке образов противников своего персонажа или хотя бы заменяя исполнителей этих ролей, каждый актёр обеспечивает себе прежде всего ту решающую общественную точку зрения, руководствуясь которой он и показывает создаваемый им образ» (Брехт 1960, с. 127). Центральным аспектом является то, что ключом к освоению образа для актёра служит освоение фабулы: «В игре актёра должно совершенно явственно сказываться, что ему уже в самом начале и в середине известен конец» и потому он должен «оставаться совершенно свободным и спокойным» (Брехт 1960, с. 124): «Артист осваивает образ тем, что осваивает фабулу. Только исходя из неё, то есть из всего конкретно определённого развития событий, артист может одним скачком достичь такого окончательно завершённого представления об образе, в котором слиты все отдельные черты этого образа. Если артист во всех конкретных случаях действительно удивлялся противоречиям между различными проявлениями образа, зная, что и публике придётся этому удивляться, то фабула в целом предоставляет ему возможность сочетать противоречия. Потому что вся фабула как определённая связь событий имеет и в корне определённый смысл, то есть она удовлетворяет лишь некоторые из многих возможных интересов» (Брехт 1960, с. 129). Свою игру актёр должен выстраивать таким образом, чтобы зрителю были видны также временные и пространственные узлы фабульной конструкции: «И все «сейчас» и «здесь» он применяет не как мнимые представления, определённые сценической условностью, а как то, что отделяет настоящее от прошлого и от иных мест, благодаря чему становится явной связью между событиями» (Брехт 1960, с. 124). Так создаётся пространственная форма, изолирующая отдельные элементы и связывающая их таким образом, что при выстраивании взаимосвязей между ними ни один из них не теряет своей автономности. Это, в свою очередь, способствует тому, что фабульные элементы находятся как бы на одной плоскости, одновременно сосуществуя друг с другом: «Особенно важно это при изображении событий, в которых участвуют массы, или при показе значительных изменений окружающего мира, как, например, войн и революций. Тогда зрителю можно представить общее положение и общий ход событий. Он может, например, слу-

шая, как говорит одна женщина, мысленно слышать и то, что она скажет ему через две недели и что говорят об этом другие женщины где-то в другом месте. Это было бы возможно, если бы актриса играла так, будто эта женщина уже прожила определённую эпоху до конца и говорит, вспоминая, зная дальнейшее, говорит самое важное из того, что нужно было сказать об этой эпохе в данный изображаемый момент, потому что важно в этой эпохе лишь то, что оказалось важным впоследствии. Такое очуждение личности как «именно данной личности» и «именно данной личности именно сейчас» возможно лишь тогда, когда не создаётся иллюзии, будто актёр – это и есть персонаж, а то, что происходит на сцене, – это и есть изображаемое событие» (Брехт 1960, с. 124). Функцию отделения одного эпизода от другого также выполняет зонг, в котором актёр «выпадает» из своего персонажа и комментирует его, равно как и происходящее на сцене. Согласно Б. Зингерману, принцип разъединения элементов происходит в зонге удвоенно: «через отделение зонга от драматического сюжета и через отделение – освобождение – героя от самого себя, от некоторых черт своего характера. Герой в зонге, судя по всему, уже не типическое лицо в типических обстоятельствах. По зонгу видно, что человек сам себе тесен» (Зингерман 1979, с. 251). Структура самого зонга такова, что отдельные его элементы, зачастую противоречащие друг другу по смыслу и форме, воспринимаются зрителем одновременно. Но, как подчёркивает Зингерман, «лирическая музыкальная стихия отнюдь не поглощает цинизм текста», как и «ярко разоблачительный текст не подрывает нежной меланхолии музыки» (Зингерман 1979, с. 253). Каждый из элементов зонга продолжает сохранять свою самостоятельность и когда они воспринимаются по отдельности, и когда один элемент накладывается на другой. Всё это способствует тому, что «из сопоставления разделённых, вольно стоящих один относительно другого художественных элементов возникает новое качество, не совпадающее ни с музыкой, ни со стихами» (Зингерман 1979, с. 254).

Однако, с точки зрения Д. Кондакова, элементы композиции «не довлеют и не узурпируют смысл, а лишь намечают его, способствуют его отделению от самого текста, превращению в продукт рефлексии», что, с одной стороны, способствует достижению «сотворческой свободы» читателя и зрителя и, с другой стороны, создает живой, незавершённый образ Другого (Кондаков 2009, с. 124). Барт замечает в этой связи следующее: «Связывая свой театр знаков с известной политической идеей, Брехт как бы оставляет смысл заявленным, но не завершённым... Он вплотную подходит к определённому (в общем и целом – марксистскому) смыслу, но как только смысл начинает «густеть»,

затвердевать, становясь позитивным означаемым, Брехт его останавливает, оставляя его в форме вопроса» (Барт 1989, с. 278–279). Такой «пограничный» эстетический подход Умберто Эко характеризует понятием «открытого произведения»: «пример драматургии Брехта всё ещё остаётся почти единственным примером открытого произведения, разрешающегося в конкретный идеологический призыв, или, лучше сказать, единственным ясным примером идеологического призыва, разрешающегося в открытое произведение» (Эко 2004, с. 12). На структурном уровне подобная незавершённость является неперенным условием аутентичности художественного высказывания, поскольку создаёт пограничное смысловое пространство, необходимое для встречи сознаний автора, героя и читателя. Незавершённость же образа человека в концепции Брехта объясняется историческим подходом к нему: «При историческом подходе к человеку обнаруживается, что человек таит в себе нечто двойственное, незавершённое. Он предстаёт не в одном, а в нескольких обликах; он хотя и такой, какой он есть, ибо несёт в себе черты своей эпохи, но, будучи сыном этой эпохи, он в то же время и другой, если перенести его в иной век, если его формирует другое время. Если он сегодня такой, значит вчера он был другим. Он приобрёл то, что в биологии называется пластичностью. В нём сосредоточено многое, что развивалось и может развиваться дальше. Он уже изменился, стало быть, может меняться и впредь. Итак, актёру необходимо придать своему голосу обилие обертонов. Его историзированный человек говорит как бы со многими отголосками, которые нужно представить себе одновременными, но с изменениями в содержании» (Брехт 1960, с. 76). Концепция реализма в брехтовском понимании выходит, таким образом, за рамки произведения искусства как самодостаточной единицы и исходит из отношения произведения искусства к реальности и его влияния на нее. Реализм брехтовского театра направлен на изображение аспектов реальности с точки зрения исторического знания и социального воздействия, следовательно, аутентичность его концепции обусловлена не только её эстетическим характером, но также эпистемологическим и социально-политическим. Согласно Т. Адорно, историчность произведения искусства является одним из существенных признаков его аутентичности: «Исторический момент играет конститутивную роль в произведениях искусства; аутентичны из них те, которые отдаются историческому содержанию своего времени без предубеждения и без чувства превосходства. В них – сама себя неосознающая историография эпохи; и не в последнюю очередь способствующая её познанию» (Адорно 2001, с. 137). Однако если пользоваться терминологией А. Феррары, то аутентичность, характер-

ная для произведений Брехта, является не «непосредственной», а «рефлексивной» (Ferrara 1998). Поскольку «непосредственная» аутентичность – это то, что составляет уникальную идентичность определённой личности (такой подход как раз характерен для «мимического принципа»), в то время как «рефлексивная» подразумевает те стороны индивида, которые он «делит» с обществом, так как они представляют собой универсальную, общую для всех социальную природу (что равноценно «жестовому принципу»).

Заключение. Таким образом, подход к поэтике Брехта с точки зрения концепции кубистического принципа может считаться продуктивным, поскольку в отличие от общепринятых понятий, применяющихся для описания художественной конструкции эпического театра, таких как «разъединение элементов» или «монтаж», он не фокусируется только лишь на отдельных технических аспектах, но позволяет увидеть их как логически обусловленную часть единой художественной системы, представляющей собой один из способов решения проблемы аутентичности художественного высказывания. Идейная сторона концепции Брехта, берущая за основу реализм с точки зрения диалектического материализма и рассматривающая театр как инструмент изучения и понимания реальности, обуславливает, в свою очередь, художественно-эстетическую сторону, все составляющие которой подчинены единой цели и призваны транслировать определённую социально-политическую идею. «Незавершённость» образа человека и его исторически детерминированная «неидеальность», которая в понимании Брехта «неотделима от развития и от того, что развивается» (Брехт 1960, с. 125), являются частью сценического «экспериментального исследования», находящего своё наиболее полное и адекватное выражение в кубистической художественной форме. «Пространственность» этой формы, порождающая своего рода «диалектичность» её элементов, существующих, с одной стороны, изолированно и автономно, и в то же время соотносящихся с «целым» – фабульной композицией, ориентирована тем самым на «углубленное переживание целого в контекстах» (Рымарь 2006, с. 5) и, отражаясь на всех уровнях художественной конструкции Брехта, приводит к тому, что событие изображения доминирует над изображённым событием, подчёркивая тем самым техническую сторону проблемно-противоречивого творческого акта. Необходимость того, чтобы в каждый момент сценического действия было видно «узлы», препятствующие органичности восприятия, решается за счёт приёмов очуждения, призванных воплотить «главную задачу театра» по Брехту, а именно – изложить фабулу, представляющую собой совокупность противоречащих друг другу индивидуальных черт и единиц действия, но в то же время композицию, создающую единство противоречий,

т. е. продукт размышления о социальных процессах с определённым значением, своего рода социальную аналитическую единицу. Фабула, как общая композиция всех «жестовых» процессов, является в то же время конкретной манифестацией действий в процессе репрезентации, из которых становится очевидным противоречивое единство отношений между людьми, «увиденными одновременно и с той, и с другой стороны, и сверху, и снизу» (Зингерман 1979, с.184). Этот двойной аспект концепции фабулы, как и двойной аспект концепции жеста, непосредственно связанный с ним, понятен только в том случае, если театральное действие понимается как видимое выражение размышлений о действии в действительности, как объективация социальных взаимоотношений и закономерностей в конкретных исторически обусловленных контекстах.

Библиографический список

- Ferrara, A. (1998), *Reflective Authenticity. Rethinking the Projekt of Modernity*, Routledge, London, UK, DOI: 10.1017/S0038038501280158.
- Gethmann-Siefert, A. (2013), Danto und Hegel zum Ende der Kunst – Ein Wettstreit um die Modernität der Kunst und Kunsttheorie, *Hegels Ästhetik als Theorie der Moderne*, [Online], available at: <https://www.degruyter.com/view/books/9783050063638/9783050063638.17/9783050063638.17.xml> (Accessed 25 Dec 2020), DOI: <https://doi.org/10.1524/9783050063638.17>.
- Ritter, H.M. (1986), *Das gestische Prinzip bei Bertolt Brecht*, Prometh Verlag GmbH & Co Kommanditgesellschaft, Köln, Deutschland.
- Steunebrink, G. (2013), Das Ideal der Unmittelbarkeit der Kunst und Hegels Schwierigkeit, die Eigenart der modernen Kunst zu bestimmen, *Hegels Ästhetik als Theorie der Moderne*, [Online], available at: <https://www.degruyter.com/view/books/9783050063638/9783050063638.17/9783050063638.17.xml> (Accessed 25 Dec 2020), DOI: <https://doi.org/10.1524/9783050063638.17>.
- Адорно В.Т. Эстетическая теория. Москва: Республика, 2001. 527 с.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. 616 с.
- Брехт Б. О театре. Москва: Издательство иностранной литературы, 1960. 364 с.
- Зингерман Б.И. Случай «Трехгрошовой оперы». У истоков эпического театра // Очерки истории драмы 20 века: Чехов, Стриндберг, Ибсен, Метерлинк, Пиранделло, Брехт, Гауптман, Лорка, Ануй. Отв. ред. Аникст А.А. Москва: Наука, 1979. С. 218–268. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-germaniya/zingerman-sluchaj-trehgroshovoj-opery.htm> (дата обращения: 19.01.2021).
- Кондаков Д.А. Поэтика и эстетика «эпического театра» Б. Брехта как основа творческой концепции

Р. Барта // Вестник Полоцкого Государственного Университета. Серия А. Гуманитарные науки. Литературоведение. 2009. №1. С. 122–127.

Лапшин В. А. Притчи-пьесы Брехта. URL: <https://md-eksperiment.org/post/20190416-pesy-pritchi-b-brehta> (дата обращения: 19.01.2021).

Рымарь Н.Т. Проблема аутентичности художественного высказывания в ситуации кризиса языка в XX в. Учебное пособие по курсу истории зарубежной литературы XX века для студентов филологического факультета. Самара: Самарский государственный университет, 2013. 53 с. URL: <http://metodichka.x-pdf.ru/15istoriya/286594-1-ntrimar-problema-autentichnosti-hudozhestvennogo-viskazivaniya-situacii-krizisa-yazika-uchebnoe-posobie-kursu-istorii.php> (дата обращения: 20.12.2020).

Рымарь Н.Т. Проблема «авторского сюжета» // Новый филологический вестник. 2006. № 2 (3). С. 189–194.

Рымарь Н.Т. О кризисе «новой драмы» рубежа XIX–XX веков и его преодолении в драме 20–30-х годов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2019. № 2 (26). С. 149–165.

Фрадкин И.М. Творческий путь Брехта-драматурга // Бертольт Брехт. Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания. В пяти томах. Т.1. Москва: Искусство, 1963. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-germaniya/fradkin-tvorcheskij-put-brehta-dramaturga.htm> (дата обращения: 21.01.2021).

Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. Санкт-Петербург: Академ. Проект, 2004. 384 с.

References

Ferrara, A. (1998), *Reflective Authenticity. Rethinking the Projekt of Modernity*, Routledge, London, UK, DOI: <https://doi.org/10.1017/S0038038501280158>.

Gethmann-Siefert, A. (2013), Danto und Hegel zum Ende der Kunst – Ein Wettstreit um die Modernität der Kunst und Kunsttheorie, *Hegels Ästhetik als Theorie der Moderne*, [Online], available at: <https://www.degruyter.com/view/books/9783050063638/9783050063638.17/9783050063638.17.xml> (Accessed 25 Dec 2020), DOI: <https://doi.org/10.1524/9783050063638.17>.

Ritter, H.M. (1986), *Das gestische Prinzip bei Bertolt Brecht*, Prometh Verlag GmbH & Co Kommanditgesellschaft, Köln, Deutschland.

Steunebrink, G. (2013), Das Ideal der Unmittelbarkeit der Kunst und Hegels Schwierigkeit, die Eigenart der modernen Kunst zu bestimmen, *Hegels Ästhetik als Theorie der Moderne*, [Online], available at: <https://www.degruyter.com/view/books/9783050063638/9783050063638.17/9783050063638.17.xml> (Accessed 25 Dec 2020), DOI: <https://doi.org/10.1524/9783050063638.17>.

Adorno, V.T. (2001), *Aesthetic theory*, Republic, Moscow, Russia.

Bart, R. (1989), *Selected Works: Semiotics. Poetics*, Progress, Moscow, Russia.

Brecht, B. (1960), *About the theater*, Foreign Literature Publishing House, Moscow, Russia.

Zingerman, B.I. (1979), The Case of the «Three-penny Opera». At the origins of the epic theater, *Essays on the history of the 20th century drama: Chekhov, Strindberg, Ibsen, Maeterlink, Pirandello, Brecht, Hauptmann, Lorca, Anui*, Resp. ed. Anikst A.A. Moscow: Nauka, pp. 218–268, [Online], available at: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-germaniya/zingerman-sluchaj-trehgroshovoj-opery.htm> (Accessed 19 Jan 2021).

Kondakov, D.A. (2009), Poetics and aesthetics of B. Brecht's «epic theater» as the basis of R. Barth's creative concept, *Bulletin of the Polotsk State University. Series A. Humanities. Literary criticism*, no. 1. pp. 122–127.

Lapshin, V.A. (2019), Parabals-Plays of Brecht, [Online], available at: <https://md-eksperiment.org/post/20190416-pesy-pritchi-b-brehta> (Accessed 19 Jan 2021).

Rymar, N.T. (2013), *The problem of the authenticity of artistic expression in the situation of the language crisis in the twentieth century. Textbook for the course of the history of foreign literature of the twentieth century for students of the Faculty of Philology*, Samara State University, Samara, 2013, [Online], available at: <http://metodichka.x-pdf.ru/15istoriya/286594-1-ntrimar-problema-autentichnosti-hudozhestvennogo-viskazivaniya-situacii-krizisa-yazika-uchebnoe-posobie-kursu-istorii.php> (Accessed 20 Dec 2020).

Rymar, N.T. (2006), The problem of the «author's plot», *New philological bulletin*, no. 2 (3). pp. 189–194.

Rymar, N.T. (2019), On the crisis of the «new drama» at the turn of the XIX–XX centuries and its overcoming in the drama of the 20–30s, *Bulletin of the Samara Academy of Humanities. Series «Philosophy. Philology»*, no. 2 (26). pp. 149–165.

Fradkin, I.M. (1963), The creative way of Brecht the playwright, *Bertolt Brecht. Theater. Plays. Articles. Statements. In five volumes*, vol. 1. Moscow: Art, [Online], available at: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-germaniya/fradkin-tvorcheskij-put-brehta-dramaturga.htm> (Accessed 21 Jan 2021).

Eco, U. (2004), *Open Work: Form and Uncertainty in Contemporary Poetics*, Academ. Project, St. Petersburg, Russia.

Submitted: 29.01.2021

Revised: 05.03.2021

Accepted: 01.04.2021

УДК 821.161.1; 82-312.7

Дата: поступления статьи: 29.01.2021
 после рецензирования: 10.03.2021
 принятия статьи: 01.04.2021

Е.А. Полева

Томский государственный педагогический университет, Томск, Российская Федерация

E-mail: poleva@tspu.edu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>

Самоидентификация героя в модернистском романе Лены Элтанг «Побег куманики»

Аннотация: роман Лены Элтанг «Pobeg kumaniki» («Escape (Sprout) of the Brambles») интерпретируется как современная модернистская проза. Теоретико-методологической базой исследования стали работы А.А. Житенева, Я.В. Солдаткиной, Н.Т. Рымаря, Т.Л. Рыбальченко.

Самоидентификация героя романа Лены Элтанг «Побег куманики» Мораса затруднена из-за отсутствия внешних опор существования (дома, связи с родными). Второе, что осложняет самоидентификацию, – невозможность соотносить себя с каким-то конкретным Другим (как в культуре, так и в окружении), так как ситуативно возникают противоречивые автоассоциации со множеством образов. Третья сложность – в желании совмещать в себе не просто разное, а противоположное (мужское и женское, наивное и мудрое и т.д.), реализовать в своей жизни «другие возможности». Многоголосье сознания и внешних ему точек зрения также не дают определённости в понимании себя. Основная трудность идентифицировать себя – в ограниченности гносеологических возможностей человека и в его неспособности занять позицию «внезаходимости», чтобы увидеть себя целостно.

«Побег куманики» прочитывается как роман о носителе андрогинного сознания, «постояльце» и «убикviste» – о человеке, способном существовать в разных условиях, проявлять себя в разных ипостасях, но не могущем дать аутентичное своей сущности самоопределение, постичь себя целостно. Базовые идеи в романе – «множественность сознания» и незавершимость самоидентификации человека в процессе жизни. Самоидентификация – часть жизнетворчества.

Ключевые слова: литература русской эмиграции, модернизм, самоидентификация, Лена Элтанг.

Цитирование: Полева Е.А. Самоидентификация героя в модернистском романе Лены Элтанг «Побег куманики» // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 1. С. 70–77.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Полева Е.А., 2021 – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русской литературы, Томский государственный педагогический университет, 634061, Томск, ул. Киевская, 60.

Е.А. Poleva

Tomsk State Pedagogical University,

Tomsk, Russian Federation

E-mail: poleva@tspu.edu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4224-8456>

Self-Identification of the character in the modernist novel by Lena Etlang «Pobeg kumaniki»

Abstract: Lena Etlang's novel «Pobeg kumaniki» («Escape (Sprout) of the Brambles») is interpreted as a modern modernist prose that inherits the principles of the poetics of the «stream of consciousness» literature. The theoretical and methodological basis of the study was the work of A.A. Zhitenev, Ya.V. Soldatkina, N.T. Rymar, T.L. Rybalchenko.

The self-identification of the main character in the novel by Lena Etlang «Pobeg Kumaniki» is complicated because of the absence of external supports of existence (home, communication with relatives, the name given to him at birth is not mentioned). Moras defines himself as a «guest» and a «ubiquist», that is, a person who can exist in different conditions, but this does not answer the question «Who am I?». The second thing that complicates self-identification is the inability to relate yourself to any particular «Other»

(both in culture and in the environment), since situationally there are contradictory auto-associations with a variety of images from mythology and literature. The third challenge is the desire to combine not only different, but opposite (male and female, and depraved innocent, naive and wise, etc.). Pragmatism and the multidimensionality of identity, the desire to realize in my life «more options» (which gives the writing, creation of the text itself as others) that make the process of identity complex and unfinished. Another reason for the difficulty of identifying oneself is the limited epistemological possibilities and the inability of a person to take a position of «non-necessity» in order to see himself holistically. Eltang uses the Eastern parable of the cart, which illustrates the inability of a person to describe anything holistically, authentic to the essence of the described phenomenon. The main artistic principle of image-building in the novel is ambivalence, and the basic ideas are the «multiplicity of consciousness» and the incompleteness of a person's self-identification in the course of life.

Key words: Lena Eltang, modernism, literature of Russian emigration, self-identification.

Citation: Poleva, E.A. (2021), Self-Identification of the character in the modernist novel by Lena Eltang «Pobeg Kumaniki», *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 70–77.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Poleva E.A., 2021 – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Literature Tomsk State Pedagogical University, 60, Kievskaya St., 634061, Tomsk, Russian Federation.

Введение, методологические основы исследования

В современном литературоведении всё чаще появляются работы, использующие термин «неомодернизм», складываются два подхода к его пониманию. В докторской диссертации М.В. Безрукавой так обозначается новый виток «модернизации» литературы, преодоление и (или) трансформация постмодернистской эстетики в индивидуальных художественных практиках современных писателей. Исследователь считает, что следует ставить «проблему неомодернистских тенденций новейшей прозы в границах принципиальной амбивалентности современной литературы, практически исключая присутствие «реализма» или «модернизма» в своих классических формах» (Безрукавая 2019, с. 5). Исходя из этого рассматриваются как явления неомодернизма произведения разной эстетической природы – Ю. Буйды, Л. Улицкой, Э. Лимонова, А. Иличевского, М. Шишкина, Ю. Козлова, М. Елизарова, В. Сорокина, В. Пелевина (Безрукавая 2019). Современный литературный процесс понимается как объединённый единой культурной ситуацией, маркируемой «неомодернизм».

Второй подход, в русле которого выполнено данное исследование, связан с попытками установить в современном литературном процессе авторов, в творчестве которых проявляется эстетика модернизма, обновлённая в новой исторической ситуации, но сущностно близкая модернистской (неклассической) картине мира и художественным практикам начала XX века. А.А. Житенев считает, что термин «неомодернизм» не нужно связывать «с попытками преодоления постмодернистской парадигмы», а понимать под ним «родовое обозначение всего множества художественных практик второй половины XX – начала XXI веков,

развивающих традиции модернизма и авангарда» (Житенев 2012, с. 4–5). По убеждению А.А. Житенева, есть «набор представлений, универсальных ... и проявляющихся во всех “волнах”» модернизма; основным свойством модернистского художественного сознания исследователь считает «принципиальный отказ от “финализма” – от всех “ставших” и “готовых” форм самоидентификации, культурного сознания, художественной практики», отказ от «универсальных решений» (*курсив мой* – Е.П.)» (Житенев 2012, с. 5).

Сходная методологическая установка в анализе современной прозы позволяет Я.В. Солдаткиной (Солдаткина 2013, Солдаткина 2014) выделить отличительные свойства (нео)модернизма. Прежде всего, особенные функции ассоциативности, отношение к культуре, которая «коренным образом отличается от постмодернистской игры и деконструкции, но представляет собой попытку воссоздать совокупный образ культуры...» (Солдаткина 2014, с. 389). Второе отличие – в интенции героев модернистских произведений: «инаковость, ... устремленность к иным мирам и целям, не всегда успешная, но всегда чаемая» (Солдаткина 2014, с. 389).

Центральное место в мотивно-тематическом поле модернизма занимает ситуация самоидентификация личности, сложность которой объясняется картиной мира, выстраиваемой под влиянием открытий XX века (в физике, психологии, философии интуитивизма), которые поставили «метафизику сознания выше физики реальности» (Рыбальченко 1999, с. 70). Антропологические последствия субъективности миро- и самовосприятия индивида – проблемы самоопределения при отсутствии или отказе от внешних опор для этого. Согласимся с А.А. Житеневым: в модернизме «обретенная истина не подлежит тиражированию

и перестает быть истиной вне ситуации, в которой она была сформулирована. *Найденная идентичность не обретается раз и навсегда, но предполагает пересотворение как способ бытия*» (курсив мой – Е.П.)» (Житенев 2012, с. 6).

Результаты исследования

Лена Элтанг – писатель четвёртой волны эмиграции. В единичных статьях высказывались мнения о постмодернистской природе её текстов (Кожанова 2013, Мозжерина 2018), но чаще они интерпретируются как явление модернизма. Исследователи обратили внимание на особенности «метафорического стиля», поэтику потока сознания, мифологизацию феноменов реальности и сознания, лейтмотивное построение повествования её прозы (Фролова 2012, Михайлова, Самойленко 2013, Коврижных 2015).

«Побег куманики» (2006, вторая редакция – 2009) – это «роман внутренней точки зрения», в котором «...время жизни, время фабулы обращается в пространство сознания» героя (Рымарь 2006). В центре художественной рефлексии Элтанг – сознание персонажа, живущего одновременно в двух измерениях: субъективно воспринятой социальной реальности и в пространстве персонального мифа, культуры. Писатель использует полицентрическую систему персонажей-нарраторов, чьи точки зрения закреплены и выражены в эго-текстах (дневники, письма, записки). Они создают не полифонию, но многоголосие, оформляющее вариативность и интерпретации образа центрального героя, и мотивной реализации основных тем повествования. Посредством двух нарративных принципов – многоголосия и многократного возвращения к одной и той же теме с привлечением постоянно разных ассоциаций, аллюзий – повествование в «Побеге куманики» выстраивается лейтмотивно. К роману правомерно отнести наблюдения Н.Т. Рымаря, высказанные о романе Дж. Джойса «Улисс»: «Разветвленная и на первый взгляд совершенно не очевидная сеть мотивов, втягивающая в себя все новые и новые образы, образует как будто случайные связи и соседства, но их просчитанная художником повторяемость и повторяемость соседств указывают на проблемно-концептуальную связь. Эта связь ... моделирует концептуально важнейший ... принцип единства – единства по мифологическому типу: “все во всем”...» (Рымарь 2006). Основной сюжетный принцип, реализуемый благодаря полицентрической нарративной структуре, принцип «неопределенности», при котором описываемые события не идентифицируются «с каким-либо одним планом изображения», сюжет «наделяется неопределенной модальностью» (Теория литературы 2004, с. 299).

Центральный герой «Побега куманики» Морас – пациент психиатрической клиники в Испании, пи-

шущий дневник. Других нарраторов, кроме университетского профессора Джоан Фелис, доктора считают голосами сознания самого Мораса. Функционально же нарраторы делятся на тех, чьи сюжетные линии практически не пересекаются с сюжетной линией центрального персонажа, их точки зрения не «овнешняют» его образ. Это изгнанный из клиники за имморальные эксперименты профессор медицины Йонатан Йорк, брошенный женой неудачливый коллекционер Эжен Лева, желающий закрепиться в Испании студент из Восточной Европы Густоп Земерож, профессор Оскар Тео Форж, «списанный» работать в архив. Всех их, собравшихся вести археологические раскопки на Мальте, как и Мораса, характеризует одиночество, невостребованность, положение неудачника, каждый из них ассоциативно связан с одной или несколькими чертами Мораса, они как бы воплощают разные стороны / черты его личности. Морас не может определить, кто он по национальности, знает «все языки» – а все персонажи-мальтийские «археологи» разных национальностей, носители разных языков. Студент Густоп, как и Морас, «знает чертову уйму языков», «восточноевропейского происхождения», славянской внешности, с австрийцем Йорком Морас связан темами медицины и гомосексуализма, с французом Лева – переживанием неразделённости в любви, с англичанином Форжем – интересом к языкам и древним культурам, в текстах обоих значимое место занимает осмысление «других возможностей» и проблемы поиска целостности. Тексты нарраторов этой группы «поддерживают» основные повествовательные мотивы, создавая многоголосие то ли разных сознаний, внешних по отношению к герою, то ли (по версии докторов) сознания Мораса. Самоидентификация предполагает «осмысленный» «процесс отождествления себя с другим ... для построения образа собственного Я» (Болдин 2014). В этом смысле мальтийские персонажи не определяют его самоидентификации. Это другие (доктора) указывают, что Морас – это «и Лукас, и Бэбэ, и Фиона, и все остальные» (Элтанг 209, с. 168) (здесь и далее сохранена авторская орфография, отражающая особенности наррации героя – Е.П.). На метауровне их голоса образуют систему взаимоотражающих и взаимодополняющих зеркал образа центрального героя.

Вторая группа нарраторов – те, чьи голоса составляют, хотя и условную, но всё же внеаходимую сознанию героя рамку, привносящую в его образ завершающие моменты: профессор университета Джоан Фелис, археолог Фиона и следователь-полицейский Петра Грофф. Все трое проникнуты симпатией к герою; исследовательские навыки, предполагающие объективацию описываемого, объединяют их профессии, их отношение к Морасу имплицитно проявляет авторскую

позицию. Самый функционально сложный персонаж – это Фиона, которая, с одной стороны, интерпретирует, «овнешняет» образ Мораса, с другой стороны, это персонаж «мальтийской» группы, её Морас воспринимает как женскую, к сожалению для него, недостижимую ипостась его Я: «хотел бы я побыть фионой», «я не хочу быть с фионой, я хочу быть фионой»; «я думал о фионе, точнее – о себе, как о фионе» (Элтанг 2009, с. 139, 153, 201).

Размышления о том, «кто я», занимают центральное место в дневнике героя и осложняются рядом обстоятельств: с одной стороны, он знает все языки, мифологию, легенды разных народов мира, то есть обладает феноменальной памятью и знанием, с другой стороны, утверждает, что забыл все языки и проявляет страх вспомнить, как было «на самом деле». Вспоминание *настоящего прошлого* и восстановление знания о том, что было «на самом деле» означает выздоровление, которое Джоан Фелис и сам Морас воспринимают как угрозу смерти: «моя память – гамадрида, увидишь – и ослепнешь, а увидишь голой, так еще и умрешь...» (Элтанг 2009, с. 173). Герой не разграничивает «ложные» и «подлинные» воспоминания, поэтому в процессе самоидентификации в равной степени участвуют и те, и другие, для сознания между ними нет разницы. Процессу воспоминания (бывшего или придуманного) сущностно противопоставлены два состояния – тотального забывания и полноты воспоминания. Оба тождественны смерти, небытию, вызывают ужас: «*и убыванья ужас неизменный и неизменный ужас полноты*» (курсив Элтанг – Е.П.) (Элтанг 2009, с. 176). Джоан Фелис ассоциирует странную память Мораса и с самозащитой (одеждой) и со свободой: «Ясно, теперь мы лечим мальчика от воспоминаний. Осталось найти шерстяной кончик, дернуть за него и распустить его ложную память, будто старый свитер. И в чем он тогда станет ходить?»

Его *memoria* – это его свобода (курсив Элтанг – Е.П.) (Элтанг 2009, с. 361). Лже-воспоминания для сознания подлинны – *экзистенциальны*. Морас считает, что «...плохо рассказанные воспоминания изменяют прошлое, а плохо придуманные – будущее» (Элтанг с. 18). Получается, что вымышленные воспоминания («конфабуляции») способны сохранить самость, стать поддерживающим «каркасом» личность героя.

Кроме того, во всех воспоминаниях Мораса (и рассказанных, и придуманных) повторяются одни и те же модели его отношений с другими (он обречён на невзаимность или утрату общения с мужчинами, вызывающими чувство симпатии – так в каждой новых связях повторяется ситуация разрыва с братом). Так обнаруживается экзистенциальная устойчивость существования и сущности человека в меняющихся, не важно «придуманных» или реально бывших, событиях.

Модернистская антропология Элтанг проявляется в утверждении устойчивости внутреннего человека при разнообразии проявлений его Я, текучести автоассоциаций.

Самоидентификация Мораса протекает в условиях отсутствия внешних опор в социальной реальности. Его, как и центральных героев других романов Элтанг, отличает бездомность, которая обусловлена и историческими факторами, и биографическими (они не акцентируются, но создают семантически значимый фон). Морас родился в Советской Литве, связанной в его сознании с Россией и русским языком, на котором он думает и пишет. Утрата страны детства обусловлена не только распадом СССР, но и смертью отца, после которой его брат-опекун предпочёл вначале отдать Мораса на лечение в литовскую клинику, затем отдалить от себя, оплачивая обучение в испанском университете, а потом лечение в испанской клинике. Больница для героя, с одной стороны, – место уединения, идеальное пространство для сотворения своей «космологии», выраженной в тексте («Моя воля – лежал бы в больнице, пока все не напишу, что хочется. <...> Для того я и псих» (Элтанг 2009, с. 66)), с другой стороны, место насильственного отнятия индивидуальности (Мораса буквально лечат от его «неправильной» памяти, от уникальности); в предфинальных записях он мучительно переживает, что ему грозят обрезать волосы, так как воспринимает этот жест через отсылку к мифу о Самсоне и Далиле как лишение жизненной силы (Элтанг 2009, с. 331).

Отчий дом остался в прошлом, а в настоящем повторяется положение бездомного, где бы Морас ни находился – в Литве, Испании, на Мальте. Основные локусы его пребывания: съёмные квартиры, жильё у случайных знакомых, палаты клиники, в финале мальтийской истории – брошенный автомобиль. Возвращение Мораса домой невозможно, это обуславливает его позицию «постояльца», обречённого на движение и самопознание. Бездомность соотносится с самостоятельностью (я – единственное, что есть у меня), но при этом неопределённостью, что актуализирует необходимость определить себя в состоянии неустойчивости, текучести обстоятельств, знакомств, мест существования.

Бездомность является и метафорой состояния «не в себе»: «фелипе пишет, что я пришёл в себя, но я, кажется, пришёл в кого-то другого» (Элтанг 2009, с. 236). Человек вынужден не только внешне приспособливаться к изменчивым условиям существования, но и внутри он не ощущает себя кем-то конкретно, в сознании также нет определённости, а есть ощущение и желание быть разным. Это осложняет все сферы идентификации: «гендерную» (герой не может определиться, кто он – мужчина или женщина, и хотел бы объединить в себя их ка-

чества, стремление к андрогинии объясняется желанием не полноты физиологического опыта или социальных ролей, а цельности мироощущения, мировосприятия, как психологического, так и когнитивного), национальную (в нём намешено несколько кровей, он чувствует связь и с литовскими корнями, и с Россией), культурную и языковую (он знает культуру разных народов мира и все языки).

Дневниковый текст, который вначале Морас пишет на «жестком деске», а затем в сети Интернет, соединяет в себе семантику фантомности и места жизни сознания, «дома бытия» (М. Хайдеггер), границы которого проницаемы для неведомого, непознанного другого себя («сегодня я понял, кто еще тут пишет, в моем дневнике» – «морас второй» (Элтанг 2009, с. 117)) и для других (общедоступность – сущностное свойство сетевого дневника, которое радует героя: «он в каждом компьютере этого города» (Элтанг 2009, с. 44)).

Элтанг даёт свою интерпретацию бездомности, отличную от концепции русских эмигрантов первой волны. На фразу дружественного персонажа «фелипе» «мальтийский климат ... для русско-литовских студентов в изгнании чистая маета» Морас отвечает «а я не в изгнании вовсе ни в каком // я – убиквист!» (*курсив мой* – Е.П.) (Элтанг 2009, с. 59). Основное значение слова «убиквист» (от французского – «повсеместный, вездесущий») – вездесущность: это вид организмов, способный приспособливаться к самым разным условиям; в переносном значении – человек, безразлично относящийся к условиям и месту жизни. Благодаря такому самоопределению бездомность Мораса делает его жителем мира вообще, без какой-либо миссии, без какого-то определённого смысла жизни. Он пишет: «и вот еще что я понял: отель для меня самое правильное место на свете, потому что я нигде не живу, но много где останавливаюсь» (Элтанг 2009, с. 257). Смена движения и остановок, уловление понимания себя и разрушение этого понимания в новых обстоятельствах, в иных контекстах – это и есть процесс жизнотворчества, а смысл жизни – быть собой, что само по себе трудно, так как человек никогда не совпадает ни сам с собой (словами М.М. Бахтина «ещё предстоит себе»), ни с другим.

Осложняет самоидентификацию Мораса и отсутствие родственных связей. Сведения о том, что Морас рос без матери, рано потерял отца, упоминаются единично. Прямо обозначенная утрата связи с братом, мучающая героя, также нечасто встречается в его дневнике, в отличие от писем «брату Мораса» Джоан Фелис, каждое из которых – призыв безвестному, полумифическому брату откликнуться и забрать Мо из больницы. Использование минус-приёма в описании семьи героя (о ней почти ничего неизвестно, только фрагмен-

тарные сведения, дающие представления об отношении к Морасу брата), на наш взгляд, объясняется авторской установкой перевести семантику психологических коллизий героя в философский, условно-метафорический план: Элтанг пишет не о трагичности сиротства, а о том, что утрата первооснов (дома, семьи, памяти о том, как было «на самом деле») открывает «другие возможности» – лейтмотивный образ в романах Элтанг, объединяющий самое желаемое («предмет для смертельной зависти») и мучительное («ад») (Элтанг 2009, с. 69). «Необременённость» связями, домом, памятью, с одной стороны, делают сознание свободным для пересочинения себя и своей реальности (жизнотворчества), способным к демииургии собственного мира и разных проявлений себя в тексте, с другой стороны, сознание несвободно от необходимости определять себя, искать любви, взаимности, поэтому, пусть неосознанно, мир сознания связан с находящейся за границами понимания социальной, эмпирической реальностью, ограничен тем, что было «на самом деле». Пространством самоидентификации и самореализации становится текст, замещающий дом, дающий на время ощущение дружбы, надежду на взаимность.

Утрата дома, семьи соотносится с неназыванием данного от рождения имени. Неизвестно, как звали героя в детстве в Литве, используемые в дневнике самоименования меняются в зависимости от ощущения себя в тех или иных обстоятельствах. Он отмечает, что в Испании он Морас или Мо (сокращённое от «Zarzamorás» – «испанская ежевика», «куманика»). Он сам даёт развёрнутую справку о значении выбранного для себя имени: «мора – это промежуток времени. Самая малая единица времени в античном стихе. <...> Будь здесь Ежи, мой виленский дружок, он сказал бы, что Мора – не пауза никакая, а существо с двумя душами – порождение славянского душевного сна, – чья недобрая душа появляется только ночью» (Элтанг 2009, с. 32), в другом месте поясняет, как звучание имени Моисей ассоциативно и многомерно соотносится с ним. Самоопределения, выраженные в именах, с одной стороны, конкретны, а с другой, – носят метафорический характер, полисемантичны и могут быть по-разному интерпретированы. В электронном дневнике он именуется себя _moses (Моисей). Благодаря ассоциациям, связанным с именем, писание дневника семантизируется как долгое странствие в поисках «дома», «земли обетованной».

В разных ситуациях Морас соотносит себя с персонажами восточных сказаний, легенд, мировой литературы, богами греческого пантеона, героями мифологии (Тиресий, Афина, Афродита и мн. др.). Повествование героя насыщено высказываниями, построенными по типу «я – это», но

самоопределения выражают самосознание в контексте конкретного предмета рассуждений: «Несомненно, я – куманика» (Элтанг 2009, с. 32), «я – убиквист!» (Элтанг 2009, с. 59), «я сам женщина», «горничные пишут сценарии каждый день, я сам практически горничная» (Элтанг 2009, с. 176), «Я паразит, хлебогрыз...» (Элтанг 2009, с. 118), «я типичный этруск» (Элтанг 2009, с. 195), «я – шлемиль, человек, к которому судьба прониклась внезапным отвращением» (Элтанг 2009, с. 199) и др. Разрозненность ассоциаций не позволяет выстроить герою целостный образ себя, его самоидентификация поливариантна. Многие высказывания о себе имеют форму сомнения, выражены вопросительной интонацией или отрицанием (я – не): «я – афродита?»; «писатель – да неужели?», «но я-то не англичанин и, кажется, даже не русский // а кто я?»; «я красивый? я – педик?»; «и кто я во сне – зритель? хозяин театра? сумасшедший бутфор?», «я не поэт», «я ... даже своему второму я не хозяин!» (Элтанг 2009, с. 58, 143, 199, 210). Подобные высказывания свидетельствуют о необходимости понять себя и о невозможности завершить этот процесс. Самоопределение ситуативно и многомерно, оказывается загадкой, оформляющей детективную интригу саморазгадывания в наррации героя. Незнание, кто я, создаёт внутреннюю драму героя, хотя Морас свободен в самооценке, как свободен от восприятия извне. Он понимает, что его воспринимают как аутсайдера, лузера, «урода», которого «не жалко», и лишь некоторые (Барнард, Джоан Фелис, Фиона) способны разглядеть в нём писателя, которому «не представлялся случай». Оценки других не определяют его внутренней жизни и не помогают понять, кто я. Можно характеризовать внутреннюю сущность Мораса как андрогинность, он совмещает в себе самые разные проявления (он мужчина-женщина, сутенёр-девственник, мудрец-дитя, жертва-демиург), однако именно её он не может до конца «объяснить» ни себе, ни другим: «и – ни разу, никому, ничего я ещё не смог объяснить» (Элтанг 2009, с. 175). Сознание Мораса при вербализации в дневнике, при попытках объяснить себя неминуемо рассыпается в хаос определений или упирается в вопросы, на которые нет ответа.

Как объяснял М.М. Бахтин, «наше сознание никогда не скажет самому себе завершающего слова» (Бахтин 1979, с. 16). Ключом к пониманию специфики самоидентификации героя являются два интертекстуальных элемента – цитата из стихотворения А. Введенского «Мне жалко, что я не зверь...» (1934) и восточная притча о том, что такое «Я» (в некоторых источниках, что такое «ты»). Строчка-рефрен из стихотворения А. Введенского: «ещё есть у меня претензия, что я не ковер, не гортензия» (Элтанг 2009, с. 358) (*курсив Элтанг – Е.П.*) объясняет внутреннюю

устремлённость Мораса, подобно лирическому субъекту А. Введенского, быть всем, и сожаления о невозможности даже не быть, а ощутить себя разными сущностями и проявлениями. Формула «я не» не даёт ответа, кто же я (у А. Введенского «Мне страшно что я неизвестность» (Введенский 1993)). При обилии самоопределений героя в романе Элтанг «я неизвестность» доказывает ограниченность гносеологических возможностей человека. Объём знаний (Морас знает *все* языки) не обеспечивает способность понимания себя. Это иллюстрирует упоминаемая Морасом «притча о повозке»: «вот царь менандр спросил монаха нагасену, что такое я, а тот ему – нет чтобы ответить – взялся толковать притчу о повозке, которой нет то есть оси, колеса, верх деревянный есть, а повозки нет

лоренцо послушать, так я и лугас, и бэбэ, и фиона, и все остальные, а мораса, получается, нет» (Элтанг 2009, с. 168). Смысл притчи в том, что сущность чего бы то ни было человек может познавать и описывать только опосредованно. Описание частей не приближает к пониманию целого; что такое я – неопределимо. Самоидентификация – процесс, чем больше человек помнит и знает о себе, тем более он многомерен.

В финале Морас отказывается от писания дневника, завещая продолжить текст за него Джоан Фелис. Все его alter ego в дневнике либо умирают (археологи), либо с ними утрачено общение. Нахождение ответа на вопрос «кто я?», который, однако, не вербализован, не объяснён другим (читателям), совпадает с завершением земного существования.

Заключение

Анализ самоидентификации центрального героя первого романа Элтанг «Побег куманики» Мораса позволяет уточнить авторский вариант модернистской антропологии. Модернизм «человеку без свойств», носителю массового сознания противопоставляет личность с гипертрофированно проявляемым, нацеленным на самопознание Я, но не дающую исчерпывающий ответ на вопрос «кто я?», поскольку невозможна позиция венаходимости, и гносеологические возможности индивида ограничены. Сознание модернистского персонажа вынуждено обращаться к образам культуры, поскольку окружающие в позиции извне могут дать лишь статичное и узкое понимание. Восприятие других, как и культурные архетипы и образы в самосознании персонажа, создают разновекторные зеркала: отражения в них множат образ Я, делая процесс самоидентификации сложным и незавершимым.

Основным художественным принципом образостроения в романе является амбивалентность, а базовой идеей – незавершимость самоидентификации человека в процессе жизни.

Элтанг привносит принцип неопределённости в художественный психологизм и выражает «идею множественности сознания», констатирует «невозможностью идентифицировать себя в рамках одной личности», при «стремлении прожить множество жизней» (Ерохина 2009), продолжая этим традиции модернизма (символисты, В. Вульф).

Библиографический список

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Сост. С.Г. Бочаров, прим. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. Москва: Искусство, 1979. 423 с.

Безрукавая М.В. Неомодернизм в современной русской прозе : художественные модели мира, концепции человека, авторские стратегии : автореферат дисс. ... д. филол. н. Краснодар, 2019. URL: <https://www.disscat.com/content/neomodernizm-v-sovremennoi-russkoi-proze-khudozhestvennyye-modeli-mira-kontseptsii-cheloveka/read> (дата обращения: 12.10.2020).

Болдин С.Ю. Самоидентификация как опыт // Проблемы науки. 2014. №5 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoidentifikatsiya-kak-opyt> (дата обращения: 14.12.2020).

Введенский А.И. Произведения 1926-1937. Собрание сочинений в двух томах. Том 1. Москва: Гилея, 1993. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/vvedenskiy-ss02-01/vvedenskiy-ss02-01.html> (дата обращения: 12.10.2020).

Ерохина Т.И. Жизнетворчество символистов в аспекте самоидентификации // Вестник Вятского государственного университета. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznetvorchestvo-simvolistov-v-aspekte-samoidentifikatsii> (дата обращения: 15.12.2020).

Житенев А.А. Порождающие модели и художественная практика в поэзии неомодернизма 1960-х–2000-х гг.: автореферат дисс. ... д. филол. н. Воронеж, 2012. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01005092614.pdf (дата обращения: 12.10.2020).

Коврижных А.Ю. Поэтика романов Лены Элтанг // Язык. Культура. Коммуникации. 2015. № 1(3). (Электронный ресурс). URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/184/387> (дата обращения: 12.08.2020).

Кожанова Д. Книга отражений: «Другие барабаны» Л. Элтанг через «Письмовник» М. Шишкина // Контрабанда. 2013. 15 марта. С. 5.

Михайлова Г., Самойленко А. Художественная картина мира в романе Лены Элтанг «Каменные клёны» // Литература. Вильнюс. 2013. № 55(2). [Электронный ресурс]. URL: http://www.literatura.flf.vu.lt/wp-content/uploads/2014/03/55_2_91_106.pdf (дата обращения: 3.02.2017).

Можерина М.С. Поэтика жанра в романе Лены Элтанг «Каменные клёны» // Русская литература

и диалог культур в эпоху глобализации: материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Под ред. Е.И. Лелис. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения, 2018. С. 35–39.

Рыбальченко Т.Л. История литературы XX века как история литературных течений // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 268. С. 68–72.

Рымарь Н.Т. Проблема «авторского сюжета» // Новый филологический вестник. 2006. № 2(3). С. 189–194. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_12881724_16687600.pdf (дата обращения: 02.11.2020).

Солдаткина Я.В. Неомодернистские тенденции в современной русской прозе // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. К 130-летию со дня рождения Е.И. Замятина. По материалам международного конгресса литературоведов: сб. трудов. Ред. Н.Н. Комлик. Выпуск 2. Книга 2. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2014. С. 386–390.

Солдаткина Я.В. Категория времени в современной русской прозе (М. Шишкин, М. Петросян, Е. Водолазкин) // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки». 2013. № 2 (6). С. 271–280. URL: <https://studylib.ru/doc/2231345/kategoriya-vremeni-v-sovremennoj-russkoj-proze--m.-shishkin-m> (дата обращения: 12.10.2020).

Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. Под ред. Н.Д. Тмарченко. Т. 2 : Бройтман С.Н. Историческая поэтика. Москва: Издательский центр «Академия», 2004. 368 с.

Фролова Т.Г. Эволюция метафорического стиля на рубеже XX–XXI вв.: автореферат дисс. ... к.ф.н. Санкт-Петербург. 2012. 21 с.

Элтанг Л. Побег куманики: роман. Москва: АСТ, Астрель, 2009. 416 с.

References

Bahtin, M.M. (1979), *Estetika slovesnogo tvorchestva = Aesthetics of verbal creativity*, Sost. S. G. Bocharov prim, S. S. Averinceva, S. G. Bocharova, Iskustvo, Moscow, Russia (in Russian).

Bezrukavaya, M.V. (2019), *Neomodernizm v sovremennoj russkoj proze: khudozhestvennyye modeli mira, koncepcii cheloveka, avtorskie strategii = Neomodernism in modern Russian prose: artistic models of the world, human concepts, author's strategies]: avtoreferat diss. ... d. filol. n. Krasnodar, [Online], available at: <https://www.disscat.com/content/neomodernizm-v-sovremennoi-russkoi-proze-khudozhestvennyye-modeli-mira-kont>*

septsii-cheloveka/read (accessed 12 okt 2020), (in Russian).

Boldin, S.Yu. (2014), Samoidentifikaciya kak opyt = Self-identification as an experience, *Problemy nauki = Problems of science*, no. 5 (23), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoidentifikatsiya-kak-opyt> (accessed 14 feb 2021), (in Russian).

Vvedenskij, A.I. (1993), *Proizvedeniya 1926-1937. Sobranie sochinenij v dvuh tomah = Works of 1926-1937. Collected works in two volumes*, vol. 1, Gileya, Moscow, Russia, [Online], available at: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/vvedenskiy-ss02-01/vvedenskiy-ss02-01.html> (accessed 12 oct 2020), (in Russian).

Erohina, T.I. (2009), ZHiznetvorchestvo simvolistov v aspekte samoidentifikacii = Life-creation of symbolists in the aspect of self-identification, *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Vyatka State University]*, no. 1, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznetvorchestvo-simvolistov-v-aspekte-samoidentifikatsii> (accessed 15 dec 2020), (in Russian).

Zhitenev, A.A. (2012), *Porozhdayushchie modeli i hudozhestvennaya praktika v poezii neomodernizma 1960-h – 2000-h gg. = Generative models and artistic practice in neo-modernist poetry 1960–2000: avtoreferat diss. ... d. filol. n. Voronezh*, [Online], available at: <https://new-disser.ru/avtoreferats/01005092614.pdf> (accessed 12 oct 2020), (in Russian).

Kovrizhnyh, A.Yu. (2015), Poetika romanov Leny Eltang = Poetics of novels by Lena Eltang, *Yazyk. Kul'tura. Kommunikacii = Language. Culture. Communication tools*. № 1(3), [Online], available at: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/184/387> (accessed 12.10.2020), (in Russian).

Kozhanova, D. (2013), Kniga otrazhenij: «Drugie barabany» L. Eltang cherez «Pis'movnik» M. Shishkina = Book reflections: «Other drums» L. Alting through «the light and the Dark» M. Shishkin, *Kontrabanda = Smuggling*, 15 marta, p. 5, (in Russian).

Mihajlova, G. and Samojlenko, A. (2013), Hudozhestvennaya kartina mira v romane Leny Eltang «Kamennye klyony» = Artistic picture of the world in the novel by Lena Eltang «Stone maples», *Literatura. Vil'nyus*, no. 55 (2), [Online], available at: http://www.literatura.flf.vu.lt/wp-content/uploads/2014/03/55_2_91_106.pdf (accessed 3 feb 2017), (in Russian).

Mozzherina, M.S. (2018), Poetika zhanra v romane Leny Eltang «Kamennye klyony» = Poetics of genre in Lena Eltang's novel «Stone maples», *Russkaya literatura i dialog kul'tur v epohu globalizacii: materialy Vserossijskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii = Russian literature and dialogue of cultures in the era of globalization: materials of the all-Russian student scientific and*

practical conference. Pod. red. E.I. Lelis. SPb: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kino i televideniya. pp. 35 – 39, (in Russian).

Rybal'chenko, T.L. (1999), Istoriya literatury XX veka kak istoriya literaturnyh techenij = History of literature of XX century as the history of literary trends, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, no. 268, pp. 68–72.

Rymar', N.T. (2006), Problema «avtorskogo syuzheta» = The problem of the «author's plot», *Novyj filologicheskij vestnik = New Philological Bulletin*, no. 2 (3), pp. 189–194, [Online], available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_12881724_16687600.pdf (accessed 02 nov 2020).

Soldatkina, Ya.V. (2014), Neomodernistskie tendencii v sovremennoj russkoj proze = Neomodernist trends in contemporary Russian fiction, *Literaturovedenie na sovremennom etape: Teoriya. Istoriya literatury, Tvorcheskije individual'nosti. K 130-letiyu so dnya rozhdeniya E.I. Zamyatina. Po materialam mezhdunarodnogo kongressa literaturovedov: sb. trudov = Literary criticism at the present stage: Theory. History of literature. Creative individuals. To the 130th anniversary of the birth of E. I. Zamyatin. Based on the materials of the International Congress of Literary Critics: collection of works*, N.N. Komlik (ed.), no. 2, Eleckij gos. un-t im. I.A. Bunina, pp. 386–390.

Soldatkina, Ya.V. (2013), Kategoriya vremeni v sovremennoj russkoj proze (M. SHishkin, M. Petrosyan, E. Vodolazkin) = The Category of Time in Modern Russian Prose (M. Shishkin, M. Petrosyan, E. Vodolazkin), *Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu imeni Al'freda Nobelya. Seriya «Filologichni nauki» = Bulletin of the Alfred Nobel Dnipropetrovsk University. Series "Philological Sciences"*, no. 2 (6). pp. 271–280, [Online], available at: <https://studylib.ru/doc/2231345/kategoriya-vremeni-v-sovremennoj-russkoj-proze--m.-shishkin--m> (accessed 12 oct 2020).

Teoriya literatury = Theory of literature, (2004), N.D. Tamarchenko (ed.), in 2 vol., Brojtman, S.N. *Istoricheskaya poetika = Historical poetics*, vol. 2, Akademiya, Moscow, Russian, (in Russian).

Frolova, T.G. (2012), *Evoljucija metaforicheskogo stilya na rubezhe XX–XXI vv. = Evolution of metaphorical style at the turn of the XX–XXI centuries*, 21 p., (in Russian).

Eltang, L. (2009), *Pobeg kumaniki = Escape (Sprout) of the Brambles*, AST, Astrel', Moscow, Russia, (in Russian).

Submitted: 29.01.2021

Revised: 10.03.2021

Accepted: 01.04.2021

УДК 316.4.063

Дата: поступления статьи: 22.02.2021
после рецензирования: 11.03.2021
принятия статьи: 01.04.2021

А.И. Мантарова

Институт философии и социологии
Болгарской Академии наук, София, Болгария
E-mail: anna.mantarova@abv.bg

Пандемия COVID-19 и меры по ограничению ее распространения в Болгарии: последствия и выводы

Аннотация: с начала 2020 года мир внезапно оказался в уникальной ситуации – распространение коронавируса вызвало серьезные последствия во всех сферах и на всех уровнях общества и потребовало кардинального изменения жизни людей. Цель данной статьи – после изложения и анализа экономических и социальных последствий распространения COVID-19 и мер, предпринятых правительством, показать, что они оказали влияние на все сферы социальной системы и будут иметь дальнейшее отражение во времени. При анализе применялся социологический подход, интерпретирующий общество как единую целостную систему взаимосвязанных и взаимозависимых элементов. Анализ показал, что особенно весной, вместо того чтобы искать варианты, сбалансированно сочетающие безопасность и возможность работать, вводить меньшее количество мер, но более тщательно продуманных, и строго контролировать их соблюдение, на деле было принято слишком много мер, но контроль за их соблюдением был слабым. Трудно отрицать и отсутствие системного подхода и мышления в перспективе. Основное внимание уделялось исключительно результатам, характеризующим распространение коронавируса, игнорируя последствия пандемии в иных сферах общественной жизни, а также в отношении заболеваний, отличных от коронавируса. Эпидемия выявила проблемы и пробелы в системе здравоохранения страны и показала, что необходимо переосмыслить универсальность рыночных принципов, применимы ли они в области здравоохранения, и является ли для нее экономическая эффективность самым важным показателем или в ней критерии эффективности различные.

Ключевые слова: пандемия COVID, распространение инфекции, ограничительные меры, экономика, туризм, образование, здравоохранение, торговля, системный подход.

Цитирование: Мантарова А.И. Пандемия COVID-19 и меры по ограничению ее распространения в Болгарии: последствия и выводы // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 1. С. 78–90.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Мантарова А.И., 2021 – доктор социологических наук, профессор кафедры социального контроля, отклонений и конфликтов, Институт философии и социологии Болгарской Академии наук. Болгария, 1000, София, ул. Московска 13а.

A.I. Mantarova

Institute of Philosophy and Sociology
Bulgarian Academy of Sciences
E-mail: anna.mantarova@abv.bg

Pandemic COVID-19 and measures to limit its spreading in Bulgaria: aftermaths and conclusions

Abstract: since the beginning of 2020, the world has suddenly found itself in a unique situation - the spreading of the coronavirus has caused serious consequences in all areas and at all levels of society and required a radical change in people's lives. The purpose of this article is, after presenting and analyzing the economic and social consequences of the spreading of COVID-19 and the measures taken by the government, to show that they have had an impact on all areas of the social system and that they will have a further reflection over time. The analysis used a sociological approach that interprets society as an integral system of interrelated and interdependent elements.

The analysis showed that, especially in spring, instead of looking for options that balance safety and the ability

to work, introducing fewer measures, but more carefully thought out, and strictly monitor their compliance, in fact, too many measures were taken. As the result, the control over their observance was weak. It is difficult to deny the lack of a systematic approach and thinking in perspective. The focus was exclusively on the results characterizing the spread of the coronavirus, ignoring the effects in other areas of public life, as well as in relation to diseases other than coronavirus. The epidemic highlighted problems and gaps in the country's health care system and showed that there is a need to rethink the universality of market principles, whether they are applicable to health care system, and whether cost-effectiveness is the most important indicator for it, or the criteria for it effectiveness are different.

Key words: COVID pandemic, spread of infection, restrictive measures, economy, tourism, education, healthcare, trade, systematic approach.

Citation: Mantarova, A.I. (2021), Pandemic COVID-19 and measures to limit its spreading in Bulgaria: aftermaths and conclusions, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 78–90.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Mantarova A.I., 2021** – Doctor of Sociological Sciences (habilitatus), Professor, Professor of the Department of Social Conflicts, Deviance and Control, Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, 13a, Moskovska St., Sofia 1000, Bulgaria.

Введение

В начале 2020 года мир внезапно оказался в неожиданной и совершенно уникальной ситуации. Началось стремительное распространение новой, неизвестной до этого инфекции – COVID-19. В условиях высокой мобильности населения коронавирус быстро преодолел национальные и континентальные границы, охватил практически все страны и перерос в пандемию. Вся общественная жизнь изменилась.

С точки зрения социологического анализа, COVID-19 – это заразное заболевание, вызванное недавно переданным человеку коронавирусом, быстрое и широкомасштабное распространение которого вызывает серьезные медицинские и социально-экономические последствия во всех сферах и на всех уровнях общества и требует кардинального изменения образа жизни людей и функционирования социальных учреждений и организаций.

Цель данной статьи – после изложения и анализа экономических и социальных последствий распространения COVID-19 и мер, предпринятых

правительством для ограничения его распространения, показать, что они оказали влияние на все сферы и уровни социальной системы и будут иметь дальнейшее отражение во времени. В статье подробно прослеживается развитие ситуации с распространением инфекции и введением соответствующих мер. Наглядно, опираясь на официальную статистическую информацию, публикуемую Национальным статистическим институтом Республики Болгарии (НСИ), показаны многомерные последствия пандемии. При анализе применялся социологический подход, интерпретирующий общество как единую целостную систему взаимосвязанных и взаимозависимых элементов.

Ситуация в Болгарии

Первые случаи коронавируса в Болгарии были зафиксированы в начале марта 2020 года. И если в весенний и летний периоды его распространение было относительно слабым, чаще всего в отдельных кластерах, то, начиная с конца октября, был отмечен чрезвычайно сильный диффузный рост числа инфицированных.

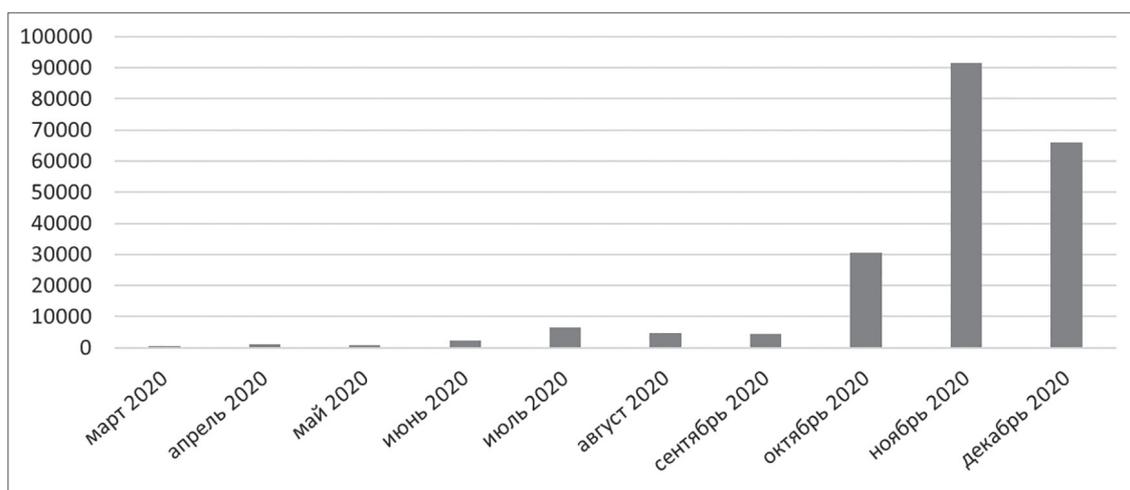

Рис. 1. Число инфицированных в Болгарии

Источник: Единый информационный портал, <https://coronavirus.bg/bg/1>

Для ограничения распространения коронавируса правительство Болгарии предприняло ряд мер. С 13 марта 2020 в стране на два месяца было объявлено чрезвычайное положение (ЧП), а затем – чрезвычайная эпидемиологическая ситуация. Во время ЧП были введены ограничительные меры: запрет на посещение развлекательных и игровых заведений, дискотек, баров, ресторанов, спортивных центров, тренажерных залов и др., были закрыты торговые центры, временно прекращены очные занятия в школах и вузах, прекратили работу ясли и детские сады. Был введен запрет на проведение массовых мероприятий. Было приостановлено проведение детских и женских консультаций, профилактических осмотров, иммунизаций, а также плановая госпитализация и плановые операции. Прекратились командировки как по стране, так и за рубеж. Последовал призыв к работодателям перейти на удаленную форму работы. С 21 марта были полностью запрещены прогулки в парках и скверах, за исключением выгула собак, а также свободное передвижение граждан между населенными пунктами Болгарии. Междугородние поездки разрешались только при наличии медицинских показаний, в случае трудоустройства в другом населенном пункте или при необходимости ухода за хроническими больными. Временно был закрыт доступ в населенные пун-

нии отрицательного результата ПЦР-теста при въезде в страну (для граждан ряда стран) и соблюдении карантина по возвращении в Болгарию. Но, когда в ноябре был зафиксирован резкий скачок числа инфицированных и госпитализированных, ограничения были вновь введены (в конце ноября), правда, в отличие от марта, в несколько ограниченном виде: были отменены очные занятия в учебных заведениях, прекращена работа детских садов, торговых центров, тренажерных и спортивных залов, ресторанов, ночных клубов, баров, клубов, дискотек и пр.

Последствия эпидемии и противоэпидемические меры

Меры, предпринятые для ограничения распространения коронавируса, оказали разностороннее и с разными временными измерениями воздействие на все сферы жизни общества. Они практически сразу наложили свой отпечаток на экономику. Квартальные данные о ВВП наглядно показывают, что если в первом квартале 2020 года ВВП составлял 101,8% по сравнению с аналогичным периодом 2019 года, то во втором – он упал до 91,5%, а в третьем – достиг 95,8% (НСИ <https://www.nsi.bg/bg/content/2201/бвп-%3F>).

В области туризма, гостиничного дела и ресторанного бизнеса спад был не только молниеносный, но и, по-видимому, затяжной.

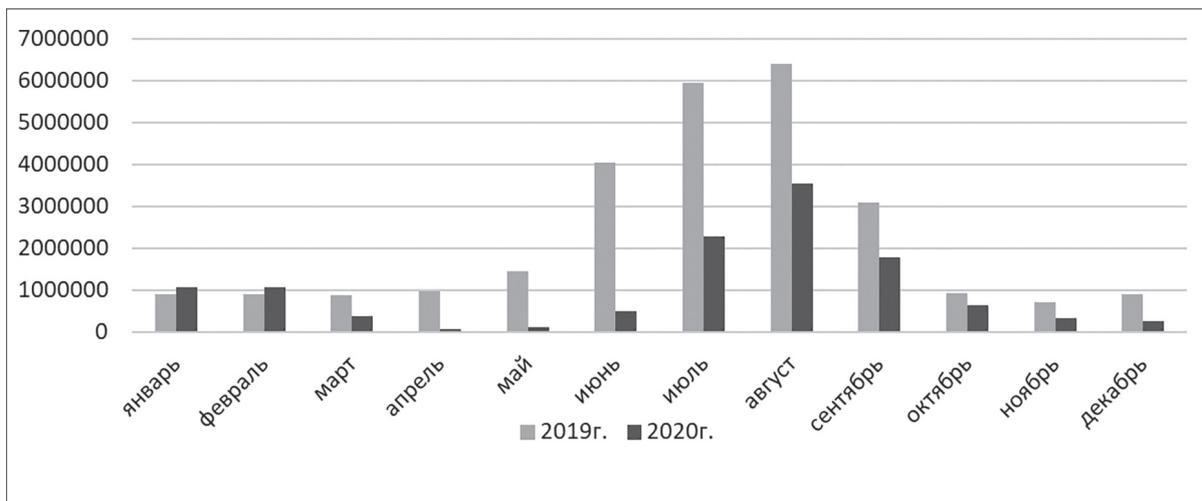

Рис. 2. Количество ночевок в местах размещения туристов

кты и районы, где наблюдались вспышки заболевания, покидать их разрешалось только для получения неотложной медицинской помощи или по службе. Ежедневно специально созданный Национальный оперативный штаб проводил брифинги, на которых журналистам предоставлялась подробная информация о распространении инфекции и опасностях, представляющих серьезную угрозу для здоровья и жизни людей.

Летом 2020 ограничения практически были сняты, за исключением требования о предъяв-

Зимний туристический сезон закончился раньше времени, а летний был гораздо слабее по целому ряду причин, среди которых: ограничение трансграничных поездок, сокращение реальных доходов в результате экономического спада, отсутствие оплачиваемых отпусков из-за их вынужденного использования в предшествующие месяцы и многое другое.

И если в январе и феврале 2020 года наблюдался рост количества ночевок в местах размещения, то в марте начался резкий спад.

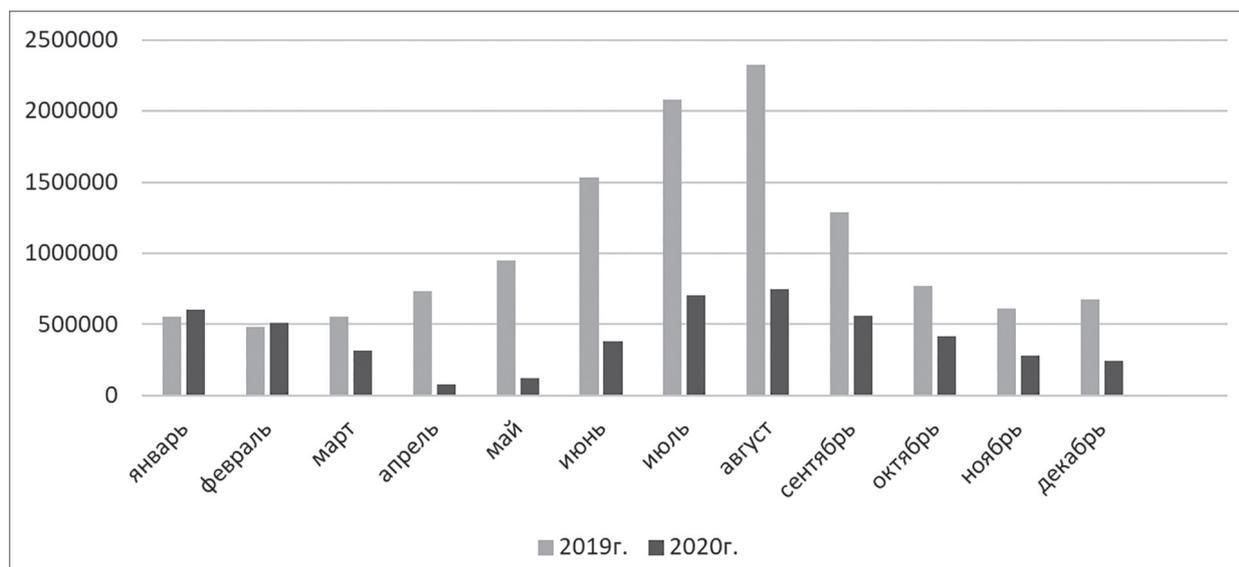

Рис. 3. Количество посещений Болгарии иностранными гражданами

Аналогичную картину представляют собой и данные о поездках за границу болгарских граждан.

В марте 2020 года транспортные компании, обслуживающие туристические фирмы, прекратили

Среди наиболее пострадавших секторов оказалась и торговля, о чем свидетельствует сокращение товарооборота (исключение: торговля продуктами питания и медицинскими изделиями в весенний

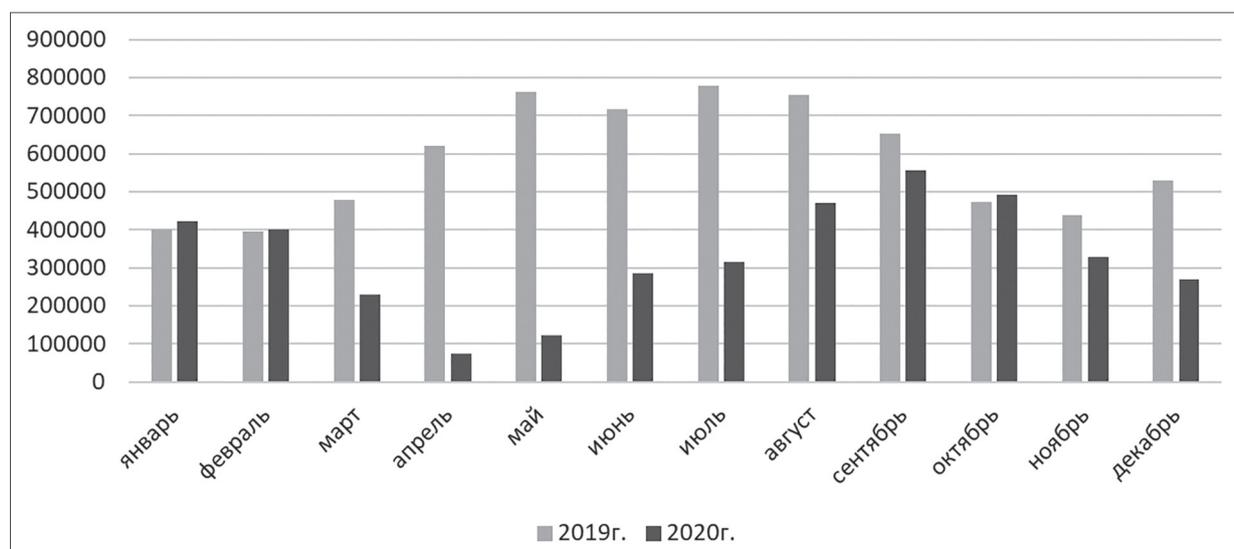

Рис. 4. Количество зарубежных поездок, совершенных гражданами Болгарии

свою работу. Позднее, в летний период, они частично возобновили свою деятельность, но из-за ограничений, введенных осенью, вновь были вынуждены ее приостановить, и пока неясно, когда и в какой степени они смогут начать полноценно работать. Значительные убытки несут и другие перевозчики. В течение нескольких месяцев были приостановлены междугородные и международные перевозки, городской транспорт работал с большими финансовыми потерями из-за резкого снижения пассажиропотока (прекратились регулярные поездки основных пользователей: школьников, студентов, пенсионеров, а также значительной части занятого населения).

период). В марте–мае, а затем с ноября 2020 по февраль 2021 были закрыты все крупные торговые центры, а весной 2020 – даже преобладающая часть мелких, что сразу же лишило их собственников денежных поступлений при сохранившихся расходах, например, арендной плате. А это, в свою очередь, привело к необходимости сокращения персонала, вынужденным неоплачиваемым отпускам и другим рестриктивным мерам. В марте 2020 года было зафиксировано снижение оборота розничной торговли ГСМ по сравнению с февралем – на 36,7%, а розничной торговли непродовольственными товарами (без учета ГСМ) – на 25,6%. Рост товарооборота был зарегистри-

рован только в сфере торговли продуктами питания, напитками и табачными изделиями – на 1,9%. Даже среди продолжавших работать торговых точек, за исключением продуктовых магазинов, наблюдался резкий спад товарооборота. В декабре оборот розничной торговли был на 12% ниже, чем в декабре 2019 года, и на 1,7% ниже уровня ноября 2020. Спад розничной торговли непродовольственными товарами по сравнению с аналогичным месяцем 2019 года составил 10,7%, а ГСМ – 27%. И хотя в годовом исчислении онлайн-продажи в декабре 2020 года выросли на 40%, их объем по сравнению с ноябрем снизился на 10,8%. В некоторой степени это обусловлено покупками в период массовых скидок «Черная пятница» в ноябре, но вполне возможно, что это прямое следствие сокращения реальных доходов населения. Самый сильный удар пришелся на сферу развлечений, которая практически прекратила свою деятельность весной и с ноября 2020.

Противоэпидемические меры отразились и на промышленности. Более всего это почувствовали те, кто работал, выполняя зарубежные заказы. Сложная ситуация и ограничения, введенные в Италии, Испании, Германии, Великобритании, привели к невозможности осуществления поставок и аннулированию заказов.

В строительстве влияние кризиса на сегодняшний день практически не ощущается. Не оправдались прогнозы о снижении инвестиционной активности и замораживании строительных объектов. Более того, продолжает расти количество ипотечных кредитов на покупку жилья. Вопреки негативным ожиданиям, риэлторские компании утверждают, что число сделок с недвижимостью не снижается и цены не падают.

Что касается безработицы, то по данным Агентства занятости Болгарии, в марте 2019 года безработица составила 5,9%, а в марте 2020 – 6,7%. Особенно значителен ее рост в апреле. По сравнению с мартом наибольший рост был зафиксирован в городах: Бургас (44%), Варна (47%), Габрово (52%), Пловдив (45%), Русе (40%), София (76%), Стара-Загора (45%). За период с 13 марта по 14 апреля 2020 количество вновь зарегистрированных на бирже труда достигло 61 тысячи. Всего за один день, 6 апреля 2020, было зарегистрировано более 9 тысяч человек, потерявших работу (<https://ime.bg/bg/articles/kri-va-na-bezraborticata-v-izvynrednoto-polojenie/>). По состоянию на 22 мая 2020 общее число вновь зарегистрированных безработных достигло 137 тысяч. Из них 88 тысяч потеряли работу непосредственно в результате кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Второй пик числа зарегистрированных безработных, но не столь большой, пришелся на период с 30.11.2020 по 10.01.2021.

Большинство «новых» безработных – это работники гостиничного и ресторанного бизнеса, их доля с начала эпидемии составила 29,7 тыс. человек. При этом следует иметь в виду, что на момент введения строгих мер в марте 2020 летний туристический сезон еще был далекой перспективой, и следовательно, большую часть обслуживающего персонала, занятого в вышеуказанных сферах, только предстояло нанять.

Другим аспектом кризиса является сокращение доходов значительных групп работающего населения. Потеря работы, уход в неоплачиваемый отпуск, сокращение продолжительности рабочего дня – все это ведет к снижению доходов многих людей, их заработная плата становится меньше, а это ведет к неизбежному сокращению потребительских товаров и услуг и т. д. Публикуемые НСИ Болгарии данные касаются среднего уровня доходов и заработной платы и не дают дифференцированной картины происходящих изменений. Тем более, если иметь в виду, что сразу же после введения ЧП были повышены зарплаты не только медикам, но и социальным работникам, сотрудникам системы МВД и госслужащим. Помимо ежегодной индексации пенсий с 1 июля, пенсионерам была назначена дополнительная ежемесячная надбавка. По данным БНБ (Центробанка Болгарии), объем денежных переводов из-за рубежа, поступающих от болгарских граждан своим родственникам в стране, также сократился в несколько раз (<https://bnb.bg/statistics/StExternalSector>). Реальные доходы значительного числа занятых на рынке труда снизились, что неминуемо отразилось и на потреблении. Уже в марте 2020 года снижение потребления достигло 14,6%. Существенно изменились его объем и структура. Наибольший спад наблюдается при покупках одежды и обуви (63,1%), компьютерной и коммуникационной техники (40,4%), бензина и дизеля (37,1%), бытовой техники и мебели (19,8%). В то же время отмечается рост расходов на продукты питания, фармацевтическую и медицинскую продукцию. К концу 2020 года, в декабре, розничные продажи одежды, обуви, кожгалантереи и текстиля снизились более чем на 60% по сравнению с тем же месяцем 2019 года, а объем продаж одежды и обуви – на 46,7% (спад произошел даже по сравнению с ноябрем 2020, когда он составил 26,4% в годовом исчислении). В годовом исчислении снизились и продажи продуктов питания, напитков и сигарет – на 7,5%. В результате сокращения спроса уже в марте 2020 года НСИ зафиксировал дефляцию в размере 0,6% по сравнению с февралем, но в годовом исчислении в марте 2020 цены выросли на 3,0%.

Для смягчения удара, наносимого экономике и финансовому положению граждан, был утвержден ряд мер как на уровне ЕС, так и на государственном уровне. Еврокомиссия приняла решение

максимально использовать гибкость фискальных правил ЕС, и таким образом были пересмотрены правила оказания государственной помощи, разработана Инвестиционная инициатива в ответ на пандемию COVID-19, бюджет которой составил 37 миллиардов евро, которые должны пойти на поддержку национальных систем здравоохранения, малых и средних предприятий (https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/jobs-and-economy-during-coronavirus-pandemic_bg). Также ЕС был разработан новый механизм «Временная поддержка для смягчения рисков безработицы в условиях чрезвычайной ситуации» (SURE), направленный на сохранение рабочих мест и поддержку семей, которые больше всего пострадали от коронавируса. Одновременно с этим Европейская комиссия предложила перенаправить все доступные средства структурных фондов на действия по контролю за распространением коронавируса.

В свою очередь, Совет министров Болгарии также принял ряд решений. Гражданам, не имеющим возможности осуществлять свою трудовую деятельность из-за введенных мер, была предоставлена возможность получения беспроцентного потребительского кредита на сумму до 4 500 болгарских левов; был увеличен с 1 октября 2020 размер ежемесячного пособия по безработице с 9 левов в день до 12 левов в день; была предоставлена возможность отсрочки выплат по кредитам по причине значительного сокращения доходов. Были разработаны меры по поддержке уязвимых социальных групп: увеличен размер минимальной пенсии, с 1 августа 2020 всем пенсионерам стали выплачивать дополнительную надбавку в размере 50 левов. Остронуждающимся (пожилым, инвалидам, гражданам с доходом ниже порога бедности) стали предоставляться горячие обеды. Министерство труда и социальной политики Болгарии и Агентство социальной помощи продолжило кампанию по доставке продуктовых наборов семьям группы риска. Родителям была предложена возможность получения единовременных (в размере 375 левов) и ежемесячных пособий на детей до 14 лет, которые учатся удаленно или не посещают школу и детский сад из-за карантина, введенного в связи с COVID-19 (максимальная сумма в месяц на одного ребенка составляет 610 левов, на двоих и более детей – 915 левов); предоставляется помощь по уходу за детьми (услуги няни); предусмотрена выплата единовременной материальной помощи (250 левов) на школьников, заканчивающих восьмой класс в 2020–2021 учебном году (Единый информационный портал COVID-19). Однако следует отметить, что для получения вышеперечисленных возможностей был введен ряд существенных ограничений (в основном связанных с уровнем дохода семьи), что значительно сузило

круг потенциальных бенефициаров, и, по сути, у семей со средним достатком нет шанса воспользоваться предоставляемой государством помощью.

Были приняты и дополнительные меры поддержки бизнеса. Была предоставлена возможность получения кредитов микро- и социальными предприятиями; предоставление микрокредитов предпринимателям и самозанятым лицам; беззалоговые кредиты для малых и средних предприятий; субсидируемые процентные ссуды для малых и средних предприятий, сохраняющих рабочие места во время кризиса; инвестиционные и оборотные кредиты на цели городского развития и др. С целью сохранения занятости и гарантирования доходов были введены такие финансовые меры, как, например, «60/40», при которой государство покрывает 60% заработной платы и страховых и социальных взносов работника, освобождая таким образом от них работодателя. В сфере туризма была предложена аналогичная мера «80/20». Разработаны и другие механизмы: механизм «3–10» – предоставление помощи в размере от 3 тысяч до 10 тысяч левов микро- и малым предприятиям, прямые гранты для средних предприятий путем предоставления оборотного капитала в размере от 30 тысяч левов до 150 тысяч левов, выплата компенсаций до 290 левов в месяц за каждое сохраненное рабочее место в сфере туризма, транспорта и гостиничного бизнеса, предоставление субсидий в виде минимальной заработной платы предприятиям, работающим по программе «Занятость для тебя/ Занятость за тебя – болг.», которые нанимают безработных на срок не менее 3 месяцев. С 30.11.2020 стартовал проект «Сохрани меня / Запази ме – болг.», ориентированный на работодателей, временно приостановивших свою деятельность из-за введения противоэпидемических мер, отправивших своих работников в неоплачиваемые отпуска (речь идет о барах, закусочных, кафе, языковых и образовательных курсах, учебных центрах и студиях, парикмахерских, салонах красоты и др.). Еще одна форма поддержки – это перенос крайнего срока уплаты корпоративного подоходного налога на 30.06.2020 (за 2019 год), снижение размера НДС до 9% (до конца 2021 года) на услуги ресторанов, книги и детское питание, а позднее, в августе 2020, и на вино, пиво, услуги туроператоров и туристические поездки, пользование тренажерными залами и спортивными комплексами. Были запущены программы поддержки малых и средних предприятий, работающих в сфере туризма и осуществляющих автобусные перевозки.

Однако, следует отметить, что и в данном случае было введено много ограничений для получения поддержки. По мнению представителей бизнеса, самым частым поводом для отказа стало наличие задолженностей перед государством (а большинство фирм имеют какие-либо задолжен-

ности) или же наложение запрета на пользование счетами в результате задолженности, что автоматически делает невозможным подачу заявки кандидатом. Серьезное ограничение на размер выделяемых средств накладывает то обстоятельство, что в наиболее пострадавших секторах довольно высока доля скрытой «серой» экономики, а предоставляемые компенсационные выплаты напрямую зависят от задекларированного годового оборота и отраженных в ведомостях зарплат за истекший год (эти данные очень часто разительно отличаются от фактически получаемых).

Несмотря на широко разрекламированные правительственные меры поддержки работодателей, согласно исследованию Национального статистического института Болгарии, в ноябре 2020 года только 9,8% нефинансовых предприятий были склонны воспользоваться предоставляемыми мерами (<https://www.nsi.bg/bg/node/18774>). В качестве основных препятствий они указали: низкую осведомленность о принятых антикризисных мерах и программах, нежелание подавать заявку из-за слишком строгих критериев и требований, трудности в подготовке пакета документов, необходимых для подачи заявления, а также недоверие к предлагаемым антикризисным мерам и тем, кто их реализует (Кинева 2020).

Социальная реальность в очередной раз подтвердила неразрывную связь и взаимозависимость всех сфер общественной жизни. Кризис в области здравоохранения и предпринятые меры по его преодолению нашли свое отражение не только в экономике. Система образования также серьезно пострадала от ограничительных мер. Весной и начиная с ноября 2020 обучение было дистанционным, а затем, в конце января и сейчас, в феврале 2021, очное обучение начинает постепенно возвращаться в разнообразных вариантах для определенных возрастных групп и отдельных видов образовательной деятельности. На длительное время были прекращены любые виды дополнительного внеклассного образования: языковые и другие обучающие курсы, художественные студии, спортивные секции и пр.

Каковы же последствия продолжительного обучения в электронной среде в количественном и качественном выражении? Что касается охвата учащихся, то с полной уверенностью можно сказать – он сузился. Часть учащихся из групп риска, для которых высока вероятность, что они бросят учебу, фактически не включены в образовательный процесс. По словам министра образования Болгарии Красимира Вълчева, 37 тысяч учащихся весной и 30 тысяч осенью не располагают электронными устройствами, т.е. они фактически не в состоянии перейти на обучение в электронной среде ([\[na-electronic-devices\]\(https://varnautre.bg/2020/12/05/175153/nad-30-000-uchenici-u-nas-ne-uchat-zaradi-lipsa-na-electronic-devices\)\). А всего два года назад министерство с гордостью заявляло, что 50 000 школьников с большим трудом были возвращены за парты. Именно они представляют собой группу риска, и в настоящее время их пребывание в школе находится под угрозой. Кроме того, не во всех населенных пунктах есть хороший интернет, что еще больше затрудняет и создает препятствия для полноценного удаленного обучения. В таких условиях усилиями местных учителей преподавание осуществляется иными способами, но его никак нельзя назвать полноценным. Из процесса обучения в электронной среде исключены дети с ограниченными возможностями и специфическими образовательными потребностями. «Пандемия во второй раз вынудила нас закрыть детские сады и школы. Цифровые технологии, конечно, нам очень помогают, но существует риск того, что целое поколение столкнется с такими проблемами, как «цифровая» бедность, «цифровая» изоляция, последствия формального образования, отсутствие социальных навыков общения и даже исключение из образовательной системы», – это заявила омбудсмен Болгарии Диана Ковачева \(<https://press.azbuki.bg/news/novini-2020/broj-51-52-2020/onlajn-obuchenieto-e-kompensatorna-avarijna-sistema/>\).](https://varnautre.bg/2020/12/05/175153/nad-30-000-uchenici-u-nas-ne-uchat-zaradi-lipsa-</p></div><div data-bbox=)

Что касается качественных характеристик, то уже явно виден дефицит знаний. Нельзя отрицать тот факт, что в 2020 году из программы обязательных экзаменов после 7 и 12 класса была исключена часть учебного материала, а это является косвенным признанием наличия серьезных недостатков в усвоении пройденного. К негативным последствиям следует добавить отсутствие социальных контактов, которые особенно важны в школьном возрасте, – именно они формируют личность ребенка, помогают его социализации.

Обучение в электронной среде сказывается и на физическом здоровье. Отсутствие физических упражнений приводит к обездвиживанию, а долгое сидение за монитором компьютера – к усталости и заболеваниям глаз. Не следует пренебрегать и опасностями, проистекающими из наличия большого количества свободного времени, что ведет к повышению риска развития у ребенка в той или иной форме девиантного поведения, включая употребление наркотических средств. В связи со все растущим присутствием Интернета в жизни школьников возрастает и степень их уязвимости и возрастает угроза стать жертвой киберпреступности.

В борьбе с пандемией главное бремя борьбы с ней легло на систему здравоохранения. Но сосредоточив внимание на коронавирусе, остальные заболевания остались на периферии, а, например, только от заболеваний органов кровообращения в 2019 году в Болгарии умерло 69 632 человека

(статистические данные НСИ за 2019), от злокачественных новообразований – 18 298 человек. Для сравнения, умершие от осложнений вследствие COVID-19 с марта 2020 по 26 февраля 2021 год составили 10 128 человек. Возникает резонный вопрос: за месяцы, когда деятельность медицинских учреждений была прекращена, сколько случаев рака было выявлено с опозданием или их лечение было отложено во времени, и как это влияет на дальнейшее течение болезни и ее исход? В связи с прекращением оказания обычной медицинской помощи, а в дальнейшем из-за насаждаемого сильного, даже панического страха заражения, был прерван мониторинг хронических заболеваний. Прекращение работы детских консультаций также наложило свой отпечаток на раннюю диагностику нарушений развития у детей. Запрет прогулок в сочетании с дефицитом витамина D в аптеках привел к повышению риска развития рахита. К негативным последствиям следует до-

шедшие сообщения в СМИ о случаях неадекватной агрессии, которые эксперты объясняют психологическими срывами. Данная проблема усугубляется еще и слабостью национальной системы оказания психиатрической помощи.

Интересно влияние на состояние и динамику преступности. Ежемесячная статистика МВД наглядно демонстрирует существенные изменения как по объему, так и по структуре совершенных преступлений, зарегистрированных в стране (<https://www.mvr.bg/docs/librariesprovider55/месечна-информация>).

Сразу видно, что тотчас же после введения чрезвычайного положения регистрируемая преступность снизилась. Особенно ярко это проявилось в апреле – том месяце, когда действовали самые жесткие ограничительные меры. Позднее, в мае, когда большая часть ограничений была отменена и жизнь стала возвращаться в нормальное русло – уровень преступности стал резко расти.

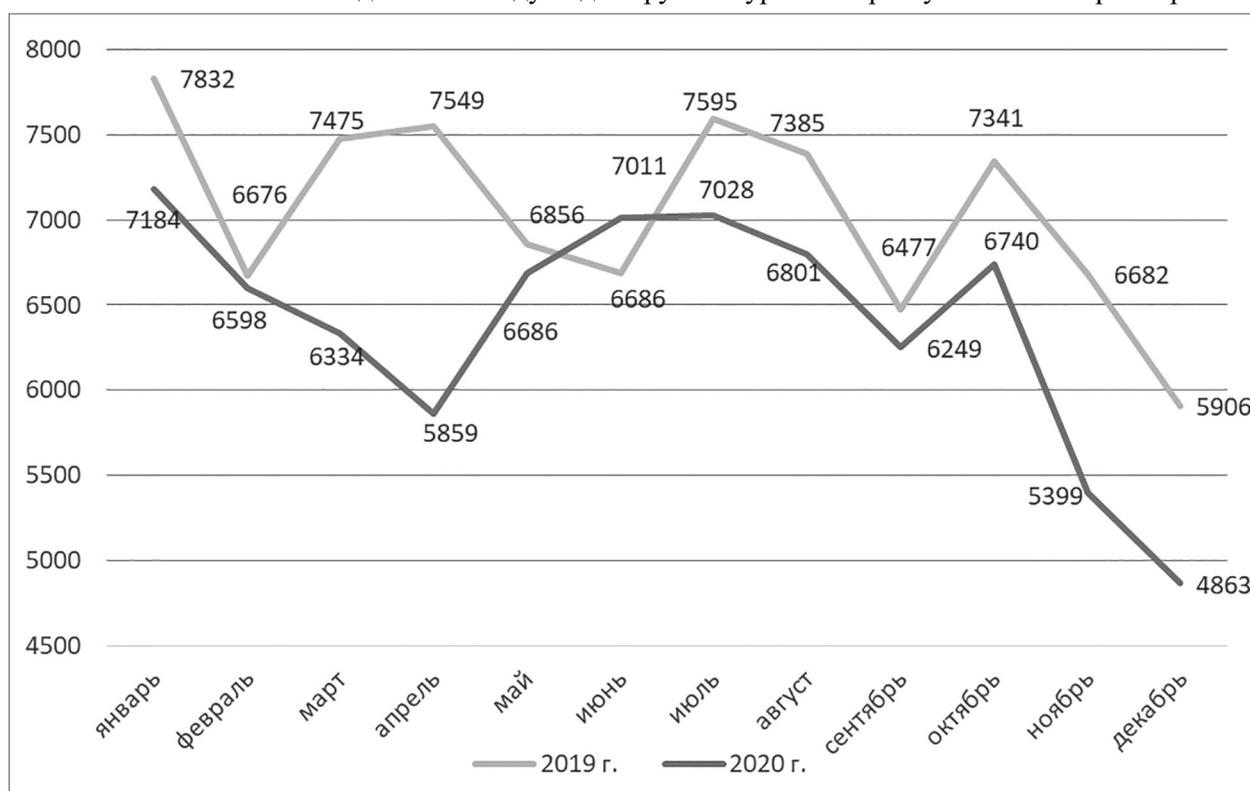

Рис. 5. Зарегистрированные преступления в период январь–декабрь 2020

бавить слабую двигательную активность, что, как всем известно, оказывает отрицательное влияние на сердечно-сосудистую систему.

Довольно осязаемым и, по-видимому, длительным будет воздействие сложившейся эпидемиологической ситуации на психику людей. Сам по себе стресс снижает порог возбуждения раздражительности и реакции, т.е. более легко проявляется агрессия и насилие, особенно реактивное, в различных формах. Статистические данные на эту тему найти сложно, но бросаются в глаза участив-

Для того, чтобы убедиться, соответствуют ли ежемесячные флуктуации 2020 года ранее регистрируемым, было проведено сравнение с данными о совершенных преступлениях за 2019 год. Статистика МВД говорит о том, что колебания, наблюдаемые в 2020 (с апреля по июнь), существенно отличаются от колебаний в 2019 году. Особенно разнятся количества зарегистрированных краж. При всех возможных оговорках об адекватности статистики реального числа совершенных краж, ясно виден их резкий спад в апреле и

мае, когда условия для совершения преступлений были крайне неблагоприятными. Настоятельные рекомендации не покидать свои квартиры и ограничить выходы на улицу, а также страх заразиться способствовали тому, что граждане оставались дома, тем самым делая практически невозможным квартирные кражи. В то же время опустевшие улицы и усиленное присутствие полиции серьезно ограничили возможности свободного перемещения, особенно с краденым на руках. Еще более труднопреодолимым препятствием стали для правонарушителей контрольно-пропускные пункты. И пусть и временное, их размещение в местах концентрации лиц с повышенной криминальной активностью еще больше снизило возможность совершения противоправных действий. Кроме того, ограничения посещения многолюдных мест, несмотря на наличие стресса, значительно снизило риск возникновения конфликтных ситуаций и случайных инцидентов.

Помимо благоприятного отражения ряда ограничительных мер на уровне преступности, в этот период появились новые факторы, оказывающие криминогенное воздействие на совершение определенных видов преступлений. Самым характерным является возросшее и модифицированное использование информационных технологий. Резко выросла электронная (on-line) торговля, объемы

это вызвало повышенный интерес киберпреступников к соответствующим платформам. Не только граждане, но и компании стали более уязвимыми перед киберпреступностью. Из-за введения чрезвычайного положения тысячи компаний были вынуждены сразу же перейти на удаленную работу. Это заставило их быстро и без необходимых доработок разрешить удаленный доступ к своим внутренним корпоративным сетям. Но использование более старых приложений и методов защиты предоставило многообразные возможности для проникновения и манипуляций, которыми с успехом воспользовались хакеры-злоумышленники. Киберпреступность значительно возросла. По словам Явора Колева, бывшего начальника Отдела по борьбе с киберпреступностью Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД Болгарии (<https://legalworld.bg/edna-treta-poveche-sa-kiberprestypneniata-u-nas-v-izvynrednoto-polojenie>), во время действия чрезвычайного положения киберпреступность увеличилась примерно на треть по сравнению с месяцами, предшествующими введению ЧП. Почти половина ее роста приходится на хакерские атаки корпоративных сетей, целью которых являются промышленный шпионаж и вымогание средств.

Также был зарегистрирован рост количества случаев нарушения прав интеллектуальной соб-

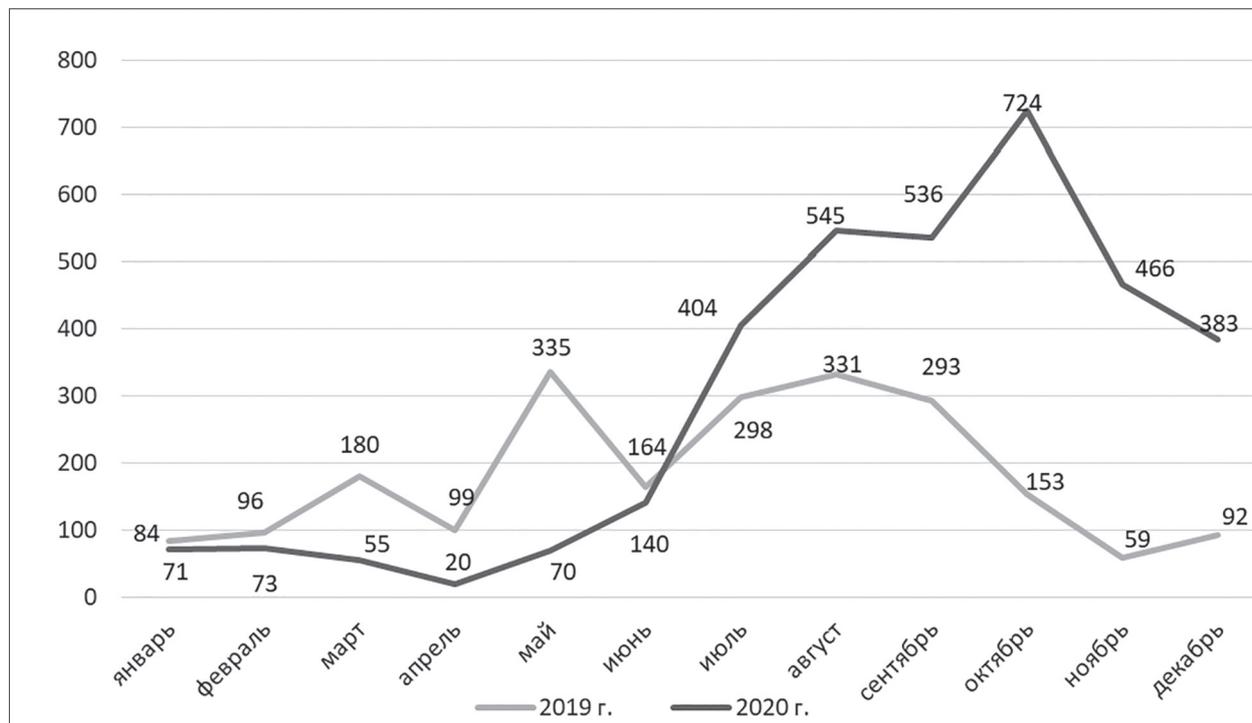

Рис. 6. Количество задержанных при пересечении государственной границы при въезде, выезде без регистрации в системе AFIS и внутри страны

безналичных интернет-расчетов, предоставление и оплата административных и иных услуг дистанционно, различные банковские операции с наличными с использованием приложений. Все

ственности, в основном речь идет об использовании торрент-трекеров или сайтов незаконного обмена контентом. Растет число случаев мошенничества при on-line торговле, особенно при по-

купле-продаже дезинфицирующих средств и средств защиты, нехватка которых наблюдалась в первые месяцы.

Сформировавшаяся в результате эпидемии социальная ситуация: рост безработицы, обнищание населения, возвращение из-за границы сотен тысяч болгарских граждан, которые потеряли там работу, а определенная их часть занималась незаконной и преступной деятельностью (карманники, проститутки, сутенеры, фальшивые нищие, контрабандисты, распространители наркотиков и другие, для которых вероятность продолжения своей криминальной карьеры на родине очень высока), аккумулирует в себе потенциал длительного воздействия на преступность. Налицо все основания для ее роста в краткосрочной и среднесрочной перспективе (независимо от того, в какой степени это найдет отражение в статистике). Каков будет этот рост – зависит от реального присутствия и конкретных действий правоохранительных органов, которые, как показал опыт во время ЧП, имеют огромное значение. Экономические потрясения, несомненно, ведут к росту преступлений против собственности. Однако следует иметь в виду, что уже доказано, что во времена экономического кризиса и обнищания населения растет и число преступлений с применением насилия, чему благоприятствует стресс и накапливаемое психическое напряжение. Не исключено, что обнищание масс может привести к дополнительному рекрутингу лиц, задействованных в структурах организованной преступности.

На фоне описанного выше логично ожидать и увеличения нелегальной иммиграции, и незаконного трансграничного трафика людей. После спада и периода стабилизации с 2017 года в 2020 году возросло количество иммигрантов, стремящихся в страны Европы, которые в Болгарии подали заявления о предоставлении убежища (2152 заявления в 2019 году и 3525 заявлений в 2020) (<http://www.aref.government.bg>). Статистика за 2020 год однозначно говорит о значительном росте нелегальной иммиграции.

В то же время можно с уверенностью говорить о том, что в перспективе миграционный натиск усилится. Экономический кризис, который сопровождает и следует за пандемией COVID-19, будет особенно болезненным для населения бедных стран. Он будет мотивировать и даже вынуждать людей предпринимать попытки поиска пропитания и лучшей жизни в других странах. На этом фоне логично ожидать роста незаконного трансграничного трафика, обусловленного, помимо стремления граждан иммигрировать, и заинтересованностью богатых стран в дешевой и непретенциозной рабочей силе. Весьма вероятно, что и перед легальной иммиграцией барьеры будут множиться ради защиты национальных рынков

труда и, прежде всего, защиты систем социального обеспечения. Таким образом расширяется поле деятельности для лиц, которые занимаются незаконным трафиком людей. А на фоне всеобщего обнищания будет увеличиваться число людей, склонных за деньги помогать контрабандистам в незаконном пересечении границы мигрантами.

Вполне вероятно, что не только сохранится, но и вырастет уровень киберпреступности (в разных формах и видах) – особенно в долгосрочной перспективе, и это несмотря на постоянное совершенствование методов и способов защиты. Скорее всего останется (ставшее за время карантина привычкой) широкое использование Интернета для приобретения товаров и услуг. Помимо этого, что более важно, предстоит включение в активную жизнь все большего числа представителей так называемого «поколения Z», т.е. тех, кто «рожден после 2000 года, так называемые «цифровые дети». У представителей поколения Z использование цифровых технологий – врожденное, так как они не были свидетелями изменений, наступивших с появлением Интернета и цифровых инноваций – они просто родились в этой среде...» (Рангелова 2020, с. 42).

Сама ситуация говорит о том, что налицо все предпосылки для роста скрытой экономики. Кроме желания работодателей и самозанятых сэкономить на налогах, социальных взносах и прочих отчислениях, в условиях кризиса всегда наблюдается снижение порога критичности и повышение терпимости к нарушениям как у трудоустроенных, так и у самого общества.

Еще одно ожидаемое последствие – это рост торговли некачественной продукцией и товаров, являющихся имитацией известных брендов. Показатель этого – бесчисленная реклама на сайтах и в Facebook новых брендовых товаров по ценам, исключаящим их лицензионное происхождение. В условиях ограниченных финансовых возможностей покупатели отдадут предпочтение вышеуказанным способам торговли из-за предлагаемых более низких цен. В то же время давно подмечено, что при сокращении доходов (а сокращение денежных средств бесспорно почувствовали значительные группы населения) наблюдается повышенный интерес и увеличивается толерантность. Это дает основания предполагать, что незаконная торговля и контрабанда возрастут.

В Болгарии, как и во многих других странах, в период действия ограничительных мер наблюдается рост домашнего насилия. Обычно его жертвами становятся женщины, дети, люди преклонного возраста. С 13 марта (даты введения ЧП) за два с половиной месяца 8 женщин были убиты своими сожителями (<https://nova.bg/news/view/2020/05/27>). Существенно в данном случае то, что в условиях изоляции жертва находится под

постоянным контролем и не располагает собственным пространством и свободой передвижения, что сильно затрудняет ее возможности подать сигнал и обратиться за помощью. Несмотря на эти обстоятельства, статистика звонков, поступивших на горячую линию, очень красноречива. По официальным данным Национальной горячей линии для детей, в марте 2020 года поступило приблизительно на 730 звонков больше, чем в феврале. Большая их часть получена после объявления ЧП (<https://nova.bg/news/view/2020/04/07/284208>). Та же тенденция прослеживается и в отчетах о домашнем насилии Фонда «Ассоциация Анимус»: в марте их количество составило 80 – это наибольший зарегистрированный показатель с момента начала работы горячей линии. Исходя из показателей роста случаев домашнего насилия, в конце марта 2020 сотрудники Приемного отделения жертв домашнего насилия при больнице им. Н.И. Пирогова в Софии стали проводить консультации по телефону, открыв круглосуточную линию оказания психологической помощи в критических ситуациях (<https://nova.bg/news/view/2020/30.03/283296/>).

Заключение

По мнению Ульриха Бека, А. Гиденса и ряда других социологов, мы живем в «обществе риска». Это означает, что социальные субъекты и, прежде всего, государственные институты обязаны создавать и поддерживать необходимые потенциальные резервы и обеспечивать готовность своевременной и адекватной реакции.

Пандемия, вызванная коронавирусом, и принятые меры по ограничению ее распространения порождают множество мыслей и вопросов и требуют соответствующих выводов. Меры, введенные в Болгарии, особенно весной, были широкомасштабными и очень рестриктивными. При этом организация и контроль за их соблюдением оставляли желать лучшего. Наглядный пример – изоляция прибывающих граждан из стран с высоким уровнем распространения коронавируса (Италия, Испания и др.). Долгое время контроль и соблюдение карантина были предоставлены исключительно на усмотрение самих прибывших. Более того, значительную их часть составляют лица с низкой социальной ответственностью и недостаточной культурой здоровья. Прибывая в Софию самолетом и автобусом, даже будучи больными, они беспрепятственно направлялись к месту своего проживания на общественном транспорте, распространяя инфекцию. Более того, возвращаясь в родной город, они встречались с родственниками и друзьями, и как следствие – появление нового кластера инфицированных. Еще один отрицательный пример – введение карантина в городе Банско. Город закрыли спустя 2–3 дня после того, как прошел пик лыжного сезона и большая

часть персонала отелей, ресторанов, лыжных школ и др. была уволена и спокойно разъехалась по всей стране.

Стремясь достичь необходимой быстроты реакции, порой принимались абсолютно неадекватные меры. Например, сокращение рабочего времени некоторых больших продуктовых магазинов, следствием которого стала чрезмерная концентрация клиентов в оставшиеся часы работы.

Трудно оправдать и введенный запрет на прогулки в парках, т.е. местах, где люди находятся на открытом воздухе, под лучами солнца, и в большинстве случаев гуляют одни или же с членами своей семьи. Непонятна логика правительства, когда разрешается работать ресторанам в гостиницах, а обычным ресторанам и кафе – запрещается. Остается открытым вопрос, является ли употребление пищи «на коленях», расположившись на скамейках и парапетах, более безопасным, чем в ресторане – с эпидемиологической точки зрения и санитарных норм, особенно если столики могут находиться под открытым небом, с соблюдением всех гигиенических норм и возможностью контроля.

Абсолютно ясно, что существуют потребности и услуги, от которых люди не в силах или же не хотят отказываться. Присутственная, да и удаленная работа при условии, что закрыты ясли и детские сады, остро поднимает вопрос ухода за детьми. Возможность получения компенсаций весьма ограничена, исходя из критерия дохода семьи. Очевидно, что данная проблема существует, и логично, что родители пытаются найти какое-то решение. Сомнения в таком решении – «тайные» детские сады, появляются когда встречаешь двух женщин, гуляющих с 7–8 детьми одного возраста. С течением времени накапливается и усталость от постоянных ограничений. Тем более, несмотря на массовое нарушение запретов и проведение «полулегальных» празднований Дня студента (8 декабря), Рождества и Нового года, не было зафиксировано резкого скачка числа инфицированных. Напротив, во второй половине декабря и в январе был зарегистрирован спад. И сейчас все чаще имеют место закрытые вечеринки.

Выводы напрашиваются сами: вместо того, чтобы искать варианты, сочетающие сбалансированно безопасность и возможность работать, вводить меньшее количество мер, но более тщательно продуманных, и строго контролировать их соблюдение, на деле было принято слишком много мер, но контроль за их соблюдением был слабым или же его вообще не было.

Трудно отрицать и отсутствие системного подхода и мышления в перспективе. Основное внимание уделяется исключительно результатам, характеризующим распространение коронавируса. Игнорируются последствия пандемии в иных

сферах общественной жизни, а также в отношении заболеваний, отличных от коронавируса. Еще несколько месяцев назад полностью не принималось во внимание травматическое воздействие пандемии и ограничительных мер на психику людей из-за присутствия в обществе ощущения чрезмерного стресса.

Особенно важен тот факт, что эпидемия выявила проблемы и пробелы в системе здравоохранения страны, а это: плохая организация, нехватка квалифицированных кадров, старение медперсонала, слабая мотивация, очень неравномерное распределение койко-мест и оборудования в больницах, недостаточная способность системы быстро реагировать, медленная реорганизация. Спустя месяцы после «внесения» коронавируса в Европу, когда стало абсолютно ясно, что в условиях высокой мобильности граждан он неизбежно проникнет и в Болгарию, не был рационально использован ресурс времени на переподготовку, снабжение дезинфицирующими и защитными средствами, на подготовку системы здравоохранения к работе в условиях эпидемии. Летом, когда число пациентов, нуждающихся в госпитализации, было сравнительно небольшим, не была использована возможность для подготовки к новой, ожидаемой с приходом осенне-зимнего сезона, волны заболеваемости. Скачок числа инфицированных вновь застал систему здравоохранения врасплох. Возникли серьезные организационные трудности, порой даже хаос при приеме пациентов, были ограничены доступ граждан к медицинской помощи и возможности госпитализации, возникли административные проблемы.

Кризис, вызванный коронавирусом, позволяет нам сделать некоторые фундаментальные выводы: общество – это система и, управляя ею, необходимо применять системный (холистический) подход; следует мыслить перспективно, предвидеть последствия протекающих процессов во времени; необходимо переосмыслить универсальность рыночных принципов, применимы ли они в области здравоохранения, и является ли для данной сферы экономической эффективность самым важным показателем или в ней критерии эффективности разные.

Библиографический список

Кинева Т. Эмпирично социологическо изследване «Социални ефекти от приложението на мерки за справяне с Ковид-19 кризата». 18.10 – 16.12.2020.

Рангелова Р. Устойчиво развитие и междупоколенчески социалноикономически промени в България // Устойчиво развитие: интер- и интрагенерационни аспекти. 2020. Отв. ред. Мантарова А. София: Авангард прима, С. 13–51.

Beck, U. (1992), *Risk Society: Towards a New Modernity*, Sage Publications, London, UK.

URL <http://www.aref.government.bg> (дата обращения: 14.02.2021).

URL <https://bnb.bg/statistics/StExternalSector> (дата обращения: 18.02.2021).

URL <https://coronavirus.bg/bg/merki/socialni> (дата обращения: 14.10.2019).

URL https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/jobs-and-economy-during-coronavirus-pandemic_bg (дата обращения: 16.01.2021).

URL <https://ime.bg/bg/articles/kriva-na-bezraboticata-v-izvynrednoto-polojenie/> (дата обращения: 26.01.2021).

URL <https://legalworld.bg/edna-treta-poveche-sakiberprestypneniata-u-nas-v-izvynrednoto-polojenie> (дата обращения: 19.10.2020).

URL <https://www.mvr.bg/docs/librariesprovider55/mesecna-informacija> (дата обращения: 09.02.2021).

URL <https://nova.bg/news/view/2020/30.03/283296/> (дата обращения: 20.12.2020).

URL <https://nova.bg/news/view/2020/04/07/284208> (дата обращения: 18.10.2020).

URL <https://nova.bg/news/view/2020/05/27> (дата обращения: 23.10.2020).

URL <https://www.nsi.bg/bg/content/2201/бвп-%3F> (дата обращения: 19.02.2021).

URL <https://www.nsi.bg/bg/node/18774> (дата обращения: 16.02.2021).

URL <https://press.azbuki.bg/news/novini-2020/broj-51-52-2020/onlajn-obuchenieto-e-kompensatorna-avarijna-sistema/> (дата обращения: 18.02.2021).

URL <https://varnautre.bg/2020/12/05/175153/nad-30-000-uchenici-u-nas-ne-uchat-zaradi-lipsa-na-electronic-devices> (дата обращения: 14.01.2021).

References

Kineva, T. (2020), *Empirichno sociologicheskо изследване «Socialni ефекти от приложението на мерките за справяне с Covid-19 кризата» 18.10 – 16.12.2020 = Empirical Sociological Study «Social effects of the implementation of measures to address the Covid-19 crisis» 18.10 – 16.12.2020.*

Рангелова, Р. (2020), *Ustoychevo razvitie i mezdupokolencheski socialnoikonomicheski promeni v Bulgaria = Sustainable development and intergenerational socio-economic changes in Bulgaria, Ustoychevo razvitie: inter- i intrageneracionni aspekti = Sustainable development: Inert- and Intragenerational Aspects*, A. Mantarova (ed.), pp. 13–51.

Beck, U. (1992), *Risk Society: Towards a New Modernity*, Sage Publications, London, UK.

[online], available at: <http://www.aref.government.bg> (Accessed 14 feb 2021).

[online], available at: <https://bnb.bg/statistics/StExternalSector> (Accessed 18 feb 2021).

[online], available at: <https://coronavirus.bg/bg/merki/socialni> (Accessed 14 oct 2019).

[online], available at: https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/coronavirus-response/jobs-and-economy-during-coronavirus-pandemic_bg (Accessed 16 jan 2021).

[online], available at: <https://ime.bg/bg/articles/kriva-na-bezroboticata-v-izvynrednoto-polojenie/> (Accessed 26 jan 2021).

[online], available at: <https://legalworld.bg/edna-treta-poveche-sa-kiberprestypneniata-u-nas-v-izvynrednoto-polojenie> (Accessed 19 oct 2020).

[online], available at: <https://www.mvr.bg/docs/librariesprovider55/месечна-информация> (Accessed 09 feb 2021).

[online], available at: <https://nova.bg/news/view/2020/30.03/283296/> (Accessed 20 dec 2020).

[online], available at: <https://nova.bg/news/view/2020/04/07/284208> (Accessed 18 oct 2020).

[online], available at: <https://nova.bg/news/view/2020/05/27> (Accessed 23 oct 2020).

[online], available at: <https://www.nsi.bg/bg/content/2201/бВП-%3F> (Accessed 19 feb 2021).

[online], available at: <https://www.nsi.bg/bg/node/18774> (Accessed 16 feb 2021).

[online], available at: <https://press.azbuki.bg/news/novini-2020/broj-51-52-2020/onlajn-obuchenieto-e-kompensatorna-avarijna-sistema/> (Accessed 18 feb 2021).

[online], available at: <https://varnautre.bg/2020/12/05/175153/nad-30-000-uchenici-u-nas-ne-uchat-zaradi-lipsa-na-electronic-devices> (Accessed 14 jan 2021).

Submitted: 22.02.2021

Revised: 11.03.2021

Accepted: 01.04.2021

Дата: поступления статьи: 01.02.2021
после рецензирования: 04.03.2021
принятия статьи: 01.04.2021

И.В. Цветкова

Тольяттинский государственный университет,
г. Тольятти, Российская Федерация
E-mail: aleksandr.kozlov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3433-328X>

Т.Н. Иванова

Тольяттинский государственный университет,
г. Тольятти, Российская Федерация
E-mail: IvanovaT2005@tltsu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3163-8763>

Дискурсивный анализ региональной идентичности молодежи (на основе эмпирических исследований в Тольятти)

Аннотация: научные подходы к социальной идентичности рассматривают ее как динамическую структуру, результат социального конструирования. Целью статьи является дискурсивный анализ образа города, который характеризует особенности структуры региональной идентичности молодежи. Новизна подхода состоит в разработке методологии анализа дискурса региональной идентичности на основе исследования образа города в сознании молодежи. Эмпирическая база исследования включает материалы эссе, написанных молодыми жителями Тольятти, о своем отношении к городу, его истории, прошлому, настоящему и будущему (N=25). Анализ текстов предполагал изучение структур дискурса, которые характеризуют восприятие молодежью истории города, современный образ города, а также представления о его будущем. Результаты дискурсивного анализа позволили выявить специфику описания молодежью образа Тольятти в трех временных измерениях: в прошлом, настоящем и будущем. Анализ образа исторического прошлого города показывает, что он включает противопоставление этапа Ставрополя периоду второй половины XX века, когда был образован Тольятти. Советское прошлое Тольятти имеет ценностное значение для молодежи как эпоха великих достижений. Современный образ Тольятти конструируется как противопоставление этому периоду, авторы демонстрируют к нему критическое отношение. Образ будущего города представлен как оптимистичный, но неопределенный. Разработка дискурсивного анализа выступает перспективным направлением научных исследований региональной идентичности. Методика дает возможность выявить и описать динамические структуры образов, которые формируют отношение молодежи к региону.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивный анализ, образ города, молодежь, социальная идентичность, региональная идентичность, история города.

Цитирование: Цветкова И.В., Иванова Т.Н. Дискурсивный анализ региональной идентичности молодежи (на основе эмпирических исследований в Тольятти) // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 1. С. 91–99.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Цветкова И.В., 2021 – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и философии ФГБОУ ВО Тольяттинский государственный университет, 445020, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

© Иванова Т.Н., 2021 – доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии ФГБОУ ВО Тольяттинский государственный университет, 445020, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

I.V. Tsvetkova

Toglyatti State University,
Toglyatti, Russian Federation
E-mail: aleksandr.kozlov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3433-328X>

T.N. Ivanova

Toglyatti State University,
Toglyatti, Russian Federation
E-mail: IvanovaT2005@tltsu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3163-8763>

Discourse analysis of young people regional identity (based on empirical research executed in Togliatti)

Abstract: scientific approaches to social identity consider it as a dynamic structure, the result of social construction. The purpose of the article is a discursive analysis of the image of the city, which characterizes the features of the structure of the regional identity of young people. The novelty of the approach is to develop a methodology for analyzing the discourse of regional identity based on the study of the image of the city in the minds of young people. Materials and methods: The empirical base of the study includes essays written by young residents of Togliatti about their attitude to the city, its history, past, present and future (N=25). Text analysis involves the study of structures of discourse that characterize the perception of the youth of the city's history, the modern image of the city, and ideas about its future. The results of the research: The results of the discursive analysis revealed the specifics of the description of the image of Togliatti by young people in three time dimensions: in the past, present and future. The analysis of the image of the historical past of the city shows that it includes the contrast of the Stavropol stage to the period of the second half of the twentieth century, when Togliatti was formed. The Soviet past of Togliatti has a value for young people as an era of great achievements. The modern image of Togliatti is constructed as a contrast to this period; the authors demonstrate critical attitude to it. The image of the future city is presented as optimistic but uncertain. Discussion and conclusions: The development of discursive analysis is a promising area of scientific research of regional identity. The methodology makes it possible to identify and describe the dynamic structures of images that shape the attitude of young people to the region.

Key words: discourse, discursive analysis, image of the city, youth, social identity, regional identity, history of the city.

Citation: Tsvetkova, I.V. and Ivanova, T.N. (2021), Discourse analysis of young people regional identity (based on empirical research executed in Togliatti), *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 91–99.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Tsvetkova I.V., 2021** – Doctor of Philosophical Sciences (habilitatus), professor, department History and Philosophy of Togliatti State University, 14, Belorusskaya St., Togliatti, 445020, Russian Federation.

© **Ivanova T.N., 2021** – Doctor of Sociological Sciences (habilitatus), Head of Sociology Department of Togliatti State University, 14, Belorusskaya St., Togliatti, 445020, Russian Federation.

Введение

Понятие «региональная идентичность» в современных социальных и гуманитарных науках является предметом изучения различных дисциплин: социологии, политологии, культурологии, педагогики и т.д. Данная тема актуальна в связи с проблемами эффективного управления социально-экономическими и социально-культурными процессами (Малашенко, Глушкова 2017).

Региональную идентичность нередко рассматривают в контексте формирования социальной идентичности, которая включает такие структурные элементы, как гражданская, этническая, конфессиональная идентичность. Изучение со-

циальной идентичности в социальных науках основывается на представлении о взаимосвязях индивида с различными типами социальных общностей.

В теоретических концепциях, направленных на осмысление социальной идентичности, ее рассматривают как результат социального конструирования. Этот процесс возникает в результате взаимодействия множества факторов. Внешние факторы социального окружения индивида создают предпосылки для освоения социальных норм, формирования ценностей, приобретения знаний, на основе которых индивиды адаптируются к конкретному социуму. Однако внешнее влияние социальных

факторов не является решающим для конструирования идентичности.

Важной характеристикой социальной идентичности выступает выбор индивидом определенных ценностных ориентиров, которые определяют способы соотнесения индивидом своего «Я» с теми или иными социальными общностями. В частности, некоторые авторы в качестве одного из аспектов социальной идентичности считают цивилизационную идентичность (Исеев 2014).

В ситуации выбора, который осуществляет индивид при конструировании социальной идентичности, находит отражение структура аргументов, применяемая для обоснования индивидуальной позиции.

В этом контексте дискурс выступает способом отбора элементов из символического арсенала, предоставляемого культурой данного социума, для установления связей с индивидом, воздействия на его самосознание. Дискурс также создает систему критериев, которые дают возможность ориентироваться в социально-культурном пространстве, соотнося свою позицию с другими. В результате этого процесса формируется представление о «своем» и «другом», о «родном и «чуждом», об «актуальном» и «устаревшем» и т.д. Дискурс направляет интерпретацию значений социально-культурного содержания по пути установления условных границ с другими социальными группами, которые необходимы для самоопределения (Чернобровкина 2018).

Дискурс может использоваться для того, чтобы подчеркнуть уникальность и неповторимость опыта освоения культуры каким-либо индивидом или социальными общностями (Данилова 2015). В этом случае дискурс выполняет функции дифференциации и ограничения.

Потенциал дискурса может быть направлен на расширение условных границ в случае, когда он применяется для установления связей с другими социальными общностями.

Цель статьи состоит в анализе региональной идентичности тольяттинской молодежи на основе дискурсивного анализа образа города на основе эмпирических материалов.

Обзор литературы

Возможности дискурса в дифференциации символического культуры реализуются в том, что оба процесса ограничения и расширения границ, отображающих взаимодействие индивидов с общностями, могут взаимно дополнять друг друга. Таким образом, дискурс выступает динамической структурой, которая применяет систему критериев-маркеров для установления смысловых связей между индивидами и социальными общностями (Кожемякин 2013).

Когда высказывания о теме делаются в рамках определенного дискурса, то устанавливаются

определенные правила раскрытия содержания. Изучение дискурса является наиболее очевидным способом понять социальные конструкции (Schäffner 2019).

Анализ дискурса рассматривает использование языка в речи и письме как форму социальной практики. Описание дискурса в этом контексте предполагает диалектическое отношение между конкретным дискурсивным событием и ситуацией (ситуациями), институтом (институтами) и социальной структурой (структурами), которые его обрамляют.

Диалектическое отношение формируется ситуациями, институтами и социальными структурами, с одной стороны, но, с другой стороны, оказывает влияние на них. Иными словами, дискурс является социально конститутивным, а также социально сформированным, он представляет ситуацию, объективные знания и социальные идентичности и отношения между людьми и группами людей (Ван Дейк 2013).

Говоря или создавая тексты, люди действуют, вербально создают ситуации, а также институты и социальные структуры, которые являются основой дальнейших вербальных и невербальных действий (Zotzmann, O'Regan 2016). Таким образом, отношения между дискурсом и ситуациями являются взаимными. Общество и культура конституируются дискурсом, но в то же время они конституируют дискурс. Каждый отдельный случай использования языка оказывает свое влияние на общество и культуру, нет использование языка возможно без социального и культурного контекста (Олешкова 2020).

Дискурс состоит из разговора и текста, расположенных в контексте. В традиционном анализе тексты являются основным объектом интереса исследователей. В отличие от текстового анализа дискурс-анализ рассматривает отдельные тексты, чтобы лучше понять способы социальных взаимодействий, их влияние на индивидуальное или общественное сознание (Иванова 2015).

Дискурс не происходит в вакууме, он встроен в определенный контекст. Поэтому дискурс не может быть понят без учета его контекста. При изучении дискурса анализу контекста отводят центральное место. Контекст отображает позиции по отношению к прошлому, настоящему и будущему. Использование языка, даже простого предложения, выполняет одновременно три функции: во-первых, оно выполняет идеационную функцию, представляя мир. Во-вторых, язык конституирует отношения между участниками дискурса, что является межличностной функцией. Его третья функция – связь отдельных фрагментов информации с текстом и связь текста с контекстом.

Коллективные идентичности являются результатом непрерывного процесса конструирования и

воспроизводства общих представлений о себе группы. Концепция конструктивизма в современных социальных науках противопоставляется примордиальному, онтологическому, атрибутивному подходам (Лёвкина, Алимпиева 2015). Идентичности формируются на основе общего опыта, воспоминаний и мифов по отношению к другим коллективным идентичностям. На самом деле они формируются через противостояние идентичностям значимых других. Представление о «другом» и «Я» тесно связаны друг с другом. Дискурс о «другом» всегда содержит элементы «самопонимания». Таким образом, следует присмотреться к дискурсу о «другом», чтобы обнаружить следы «Я». Дискурс – это группа высказываний, которые обеспечивают язык для разговора, то есть способ представления определенного вида знания о теме.

При формировании региональной идентичности дискурсивные практики направлены на то, чтобы создать образ региона в индивидуальном и в общественном сознании (Чигрин, Городецкая 2018).

Конструктивными элементами этого образа выступают знания об истории, о современном состоянии региона. Для оценки достижений региона его образ рассматривают в более широком контексте с позиций определения его значимости для истории страны, мировой истории.

Экзистенциально-личностный контекст образа региона включает соотнесение ситуаций, связанных с личностными переживаниями, общением с родными и близкими людьми.

Идентичность во многих случаях интерпретируется как ощущение людьми того, к какой общности они принадлежат, в каких условиях. Это чувство превращается в активную силу, когда идентичность рассматривается как продукт акта самоопределения. В процессе формирования идентичности люди определяют себя как принадлежащие к определенным общностям. Идентичность – это не просто теоретическое понятие, навязанное «модой». Во-первых, интерес к социальной идентичности совпадает с наблюдением универсальной человеческой потребности принадлежать или быть членом группы. И, во-вторых, аспект самоопределения ясно показывает, что идентичность является инструментом действия и источником смысла для самих акторов. Таким образом, идентичность – это понятие, используемое в социальной науке для описания определенного чувства принадлежности, отражающего потребность людей определять себя и других.

Большинство ученых согласны с тем, идентичность характеризуется поливалентностью или множественностью элементов, которые формируют ее структуру. Идентичность скорее представ-

ляет собой континуум, в котором каждый человек может занимать различные позиции. Помимо этой возможности градации, каждый индивид обладает способностью комбинировать несколько идентичностей. На микроуровне анализа социальных взаимодействий идентичности могут меняться в зависимости от ситуаций, социального контекста (Versluys 2007).

Проблемный момент в современных исследованиях идентичности выражается в соотнесении множественности проявлений и динамичности идентичности с представлениями об идентичности как целостности. Идентичность не является реальностью, существующей вне индивида, она активно конструируется этим индивидом (Маслова 2018).

В восприятии идентичности, предложенном постструктурализмом, важную роль играют язык и дискурс. Язык дает инструменты для конструирования и изменения идентичности. Постструктурализм, приписывая центральную роль конститутивной силе дискурса, сближается с нарратологией. Идентичность определяется как лингвистическая конструкция принадлежности к одной или нескольким социальным группам или категориям. Одной из важных функций языка является его способность создавать ориентиры в мире, давать оценки (Шушарина 2016).

Идентичность, таким образом, больше, чем представление о членстве в какой-то группе «реального мира», это процесс ее конструирования. Заслуга дискурсивного анализа состоит в том, что он дает возможность выявить социальные категории и различия между ними.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой исследования послужили материалы 25 эссе, написанных молодыми жителями Тольятти в возрасте от 17 до 22 лет в рамках конкурса, который был посвящен 280-летию Ставрополя-Тольятти. Конкурс проводился кафедрой истории и философии ТГУ в рамках заочного межрегионального конкурса творческих работ студентов вузов «Студенты России о своем городе», который был организован на базе Новосибирского государственного технического университета. Участникам конкурса были предложены две темы: «Мой город: прошлое, настоящее, будущее – достижения и проблемы», «Символический образ города».

Первая тема предполагала выражение личностного отношения к городу Ставрополю-Тольятти, к его истории, культуре, людям, памятным местам, современным проблемам и образу в будущем. Вторая тема предусматривала выражение эмоционального отношения к различным аспектам городской жизни Ставрополя-Тольятти: проблемам, достижениям. Тематика эссе была связана с городской мифологией, легендами.

Средний объем эссе составляет 2500 знаков. В конкурсе эссе приняли участие как коренные жители Тольятти, так и молодежь, которая переехала в город для получения высшего образования или вместе с родителями.

Дискурсивный анализ эссе основывается на следующих методологических принципах:

1) дискурс образа города рассматривается как динамическая структура, которая отображает изменения объекта во времени;

2) темпоральные структуры дискурса включают представления об историческом прошлом, настоящем и будущем, которые могут рассматриваться автономно;

3) темпоральные структуры исторического образа города могут пересекаться на основе интерпретации смыслов; прошлое интегрируется в представления о настоящем и будущем;

4) исторический образ города дополняется личными воспоминаниями и переживаниями, что дает возможность выявить личностную темпоральную структуру;

5) дискурсивный анализ акцентирует внимание на отображении социальных позиций, которые представлены в тексте, противоречий и оппозиций, которые возникают между ними.

Дискурсивный анализ материалов эссе был направлен на проверку гипотезы о том, что формирование региональной идентичности в сознании молодежи находит отражение в сочетании темпоральных структур образов города в прошлом, настоящем и будущем.

Результаты исследования

Символы прошлого в динамике исторического развития города

В восприятии города наблюдается противопоставление в образах прошлого, которое нашло выражение в названиях города «Ставрополь» и «Тольятти». Ставрополь воспринимается как город, основанный Василий Никитичем Татищевым. Начальный этап становления Ставрополя ассоциируется с крепостью крещенных калмыков. В XIX – начале XX вв. город был известен как климатический курорт с прекрасными природными условиями. В Ставрополь приезжали жить и работать такие русские художники, как Илья Репин, Евгений Макаров и Фёдор Васильев.

Второй этап в развитии города символически связан с новым названием, которое было дано в честь «яркого представителя международного рабочего движения итальянской коммунистической партии» – Пальмиро Тольятти. В восприятии молодежи итальянское название города устанавливает символическую связь с международным контекстом, что указывает на рост престижа города во второй половине двадцатого века. Автор одного из эссе отметил, что «тихий провинциальный Ставрополь уходил в прошлое и на его место при-

ходил энергичный, развивающийся промышленный Тольятти».

Дискурсивные конструкции передают высокую динамику и темпы преобразования города: изменение места расположения города в связи с постройкой Жигулёвского ГЭС, строительство крупных промышленных предприятий, рост населения города. Отмечена роль «Куйбышевгидростроя» – организации, которая возвела гидроэлектростанцию, построила промышленные объекты и жилые кварталы.

Тольятти воспринимается как «колыбель отечественного автопрома». Это является предметом гордости для молодых тольяттинцев. В одном из эссе утверждается: «Производство Волжского автомобильного завода можно назвать достоинством, достоянием и даже символом Советской республики».

Влияние образа прошлого Тольятти на региональную идентичность прослеживается в том, что представители молодого поколения считают этот город своей малой родиной, город дорог личными «воспоминаниями, которые сосредоточены в разных уголках города», историей семьи. Один из авторов эссе отметил, что на его отношение к городу большое влияние оказала школа, в которой он получил образование. Школа носит имя Пальмиро Тольятти, в ней существует музей, в котором собраны материалы о жизни этого политического деятеля, в честь которого был назван город.

Противоречивый образ современного Тольятти

В эссе представлены размышления о том, что восприятие города обусловлено системой ценностей наблюдателя: «Мне кажется, что отношение к городу складывается из восприятия мира человеком, но это ещё можно оспорить, можно чувствовать себя прекрасно и в самом ужасном месте на Земле, если находить что-то особенное в нём». Другой автор пишет: «... в любой городской рутине всегда можно найти то, за что можно зацепить взгляд».

Современный образ города формируется на основе ментальных структур времени, противоречивого единства прошлого и настоящего.

Настоящее города рассматривается в контексте противопоставления советскому прошлому. В одном из эссе так сказано о строителях АвтоВАЗа и Тольятти: «Люди, приехавшие на стройку, создавали город с чистого листа. Тольятти относится к разряду тех городов, которые возникли в результате смелых планов, которые содействовали значительному изменению его облика». Люди приезжали в город по собственной инициативе, здесь им удавалось реализовать себя. Можно сказать, что возводимый город должен был стать эталоном градостроительства ближайшего будущего».

По сравнению с советским периодом Тольятти современное состояние города оценивается как «не лучшие времена». Современный Тольятти в восприятии молодежи – «это один из многочисленных ничем не отличающихся промышленных городов, со своими спальными районами, советской архитектурой».

Один из авторов эссе отмечает: «К середине 2000-х годов город и вовсе обеднел, как культурно, материально, так и хозяйственно. Но, несмотря на это, город пытается выйти из этой ямы, на сегодняшний день я вижу старание людей, организаций, которые пытаются вернуть городу былую культурную и экономическую славу...».

Автор эссе отмечает: «Часто я встречаю точку зрения, что Тольятти – это серый, непримечательный город, где находится в упадке абсолютно все, начиная от инфраструктуры заканчивая контингентом, его населяющим. У нас в городе много проблем, это и дороги, и груды мусора повсюду, и так называемые «неблагополучные районы». Другой автор отмечает, что «население Тольятти зачастую находится в депрессивном, подавленном и унылом состоянии».

В одном из эссе настоящее города представлено как разрыв со славным прошлым: «эпоха славного развивающегося города просто ушла, так как мы живём в совершенной иной век, где царят иные ценности, иная культура, где царит капитализм и рыночная экономика». При этом автор отмечает, что прослеживается связь с прошлым: «Но, несмотря на проблемы, город по-прежнему носит итальянское имя, а на Автомобильном заводе по-прежнему собирают – «Лады», но уже не с таким масштабом, но они по-прежнему пользуются спросом. А вместе с ним будет жить и город...».

Восприятие современного города, по мнению авторов эссе, зависит от жизненного опыта. Автор эссе, несмотря на юный возраст, отмечает, что его восприятие Тольятти с течением времени менялось. Детское восприятие города формируется под влиянием сказаний, легенд, впечатлений от посещения музеев. Например, в одном из эссе автор вспоминает экскурсию в технический музей АвтоВАЗа: «Те впечатления, которые на меня произвели выставленные экспонаты, оставили след в моей памяти и прямо повлияли на мое детское сознание и отношение к городу – я сразу понял, что это – город будущего». Другой автор делится своими личными впечатлениями: «Тольятти является больше воспоминанием из детства, эфемерным образом города, где светит солнце, и пускай не все радужно на данный момент в нашем городе». Образ города в настоящем выстраивается как оппозиция «безликого – материального» и «личностного – духовного».

Образу светлого и перспективного города из недалекого детства противопоставляется совре-

менное его восприятие: «Меня стала смущать нестабильность в городе, проблемы его загрязненности, пренебрежительное отношение властей к жителям данного города, к самому Тольятти и его сердцу – АвтоВАЗу. Я наблюдаю, как на жителей города влияют сокращения на заводе и вся ситуация в целом. Вследствие чего уровень жизни в городе падает».

Динамичный образ города включает описание миграционных процессов: «В настоящее время большая часть жителей работает на заводе, так как рабочих мест очень мало, жители, в основном молодёжь, стремятся переехать в другие города». Автор эссе отмечает: «Чуть ли не каждый день я слышу, о том, что в Тольятти нечего делать, что город выживает себя». Выбор между тем «уехать» или «остаться» актуален для молодых тольяттинцев, он в значительной мере определяет отношение к городу. Однако из города жители не только уезжают, но и приезжают из других регионов.

В эссе содержится противопоставление внешнего восприятия города со стороны другого региона и восприятие его жителями. Один из авторов отмечает: «Если бы я писала это эссе на первом курсе, или хотя бы в первые полтора года с момента переезда в Тольятти, я бы остановилась на втором образе и расписывала город как «погорелый с 2010 года, разрушающийся русский Детройт. Со своими алкашами, преступниками, растасканным бюджетом». Но сегодня перед моими глазами другой Тольятти». Этому негативному образу противопоставляется иной взгляд на Тольятти: «Можно и дальше по косточкам перебирать всю городскую инфраструктуру и убедиться – Тольятти живой, работающий в своём режиме развивающийся град».

Другой автор определяет Тольятти как «город современный, интересный и молодёжный».

Название города «Тольятти», включает три буквы «т». Автор одного из эссе предложил интерпретировать это зашифрованное значение слов как «территория творчества и техники».

Провинциальность города рассматривается некоторыми молодыми авторами эссе как положительная отличительная черта Тольятти. «Я люблю свой город за его провинциальность, неторопливость городской жизни в отличие от Москвы». Однако есть мнение о том, что темп жизни в Тольятти, напротив, очень стремительный и напряженный.

Уникальность современного Тольятти, по мнению молодежи, состоит в сочетании промышленной мощи и природных ландшафтов. Среди любимых мест города молодёжь называет лесные массивы: «Одно из прекрасных мест, за которое стоит любить Тольятти – лес». Лес, берег Волги, острова в качестве любимых мест отдыха отмече-

ны многими авторами эссе, здесь проводят свободное время с семьей, занимаются спортом. Молодые жители Тольятти любят «красотой неопишуемой реки Волги и величественными Жигулёвскими горами». За необыкновенные по красоте уголки природы на берегу Волги территорию называют «Волжской Швейцарией», как отмечено в одном из эссе.

Специфика Тольятти в том, что лес находится не за городом, а внутри него. Здесь мы также имеем дело с дискурсивным противоречием и его разрешением. Лес – это место, в окружении которого можно отдохнуть от всего происходящего в городе.

Фактором, разрушающим красоту лесного окружения Тольятти, по мнению автора эссе, являются лесные пожары: «страшная картина, огромные территории погрязли в пепле за такой короткий отрезок времени».

Уникальность Тольятти, по мнению представителя молодого поколения, выражается, «с одной стороны, в том, что он является индустриальным центром. Здесь функционирует множество заводов и фабрик, с другой стороны, это живописные места: великая река Волга и могучие Жигулевские горы».

Образ города в будущем

Образ будущего Тольятти включает надежду на то, что «Волжский концерн в скором времени выйдет из затянувшегося кризиса». В будущем АвтоВАЗ предстает как достойный конкурент международных автомобильных концернов. Перспективы Тольятти, по мнению молодежи, связаны с достижениями технического прогресса.

Символический образ будущего связан с воссозданием лесов, погибших во время лесных пожаров десять лет назад: «деревья, которые наши жители сажали после пожаров (проводились акции по возврату леса), начали расти».

Решение экологических проблем города автор эссе связывает с предприятиями по переработке отходов: «В настоящее время направления по защите окружающей среды возглавляет группа компании «ЭКОВОЗ». Это буквально спасение для нашего города, ведь переработка отходов, благоустройство и содержание занимают одну из важнейших ниш развития экологии и становления здорового внешнего вида».

Будущее Тольятти, как об этом говорится в эссе, зависит от «проявления инициативы самих граждан, их осознание и принятие проблем г. Тольятти всегда должно быть превыше всего...». Жители должны любить свой город, должны быть его частью, влиять на него. Только в таком случае у города есть и будет будущее.

Важным фактором построения лучшего будущего, по мнению представителей молодого поколения, являются созидательные устремления го-

рожан: «Тольятти может стать, как и прежде, городом, в котором созданы все условия для развития, будущих достижений и побед. Для достижения этой цели нужно верить в его успех, и стараться самим обеспечить будущее нашего любимого и родного города».

Большое значение для лучшего будущего Тольятти имеют совместные усилия горожан: «Я очень надеюсь, что у нашего города будет светлое будущее! Ведь несмотря на имеющиеся у него минусы, мы можем привести его к успеху только совместными усилиями жителей нашего города. И верю, что молодежь, новое поколение будет оплотом к укреплению успешного будущего нашего Тольятти!»

Приведем еще одно высказывание: «Я считаю, что каждый в силах сделать наш город хоть немного лучше, всё зависит только от самих людей и от их отношения к городу».

Одни из авторов эссе проводят необычное сравнение Тольятти с мифологическим персонажем: «Возрождающийся, то из воды, то из пепла Ставрополь – Тольятти в моей голове складывается в образ птицы Феникс. Он появился из пепла и живёт прекрасную яркую жизнь! ... Но по мере своей возможности, тольяттинцы либо справляются с трудностями, либо находят способ прижиться, а с таким крепко посаженным русским менталитетом у хрупкой птички есть все шансы стать бессмертной...»

Выводы и обсуждения

Дискурсивный анализ молодых жителей Тольятти дает возможность выявить особенности образа Тольятти, который оказывает влияние на формирование региональной идентичности. Данные структуры отображают темпоральные слои ментальности, которые основываются на противопоставлении образов. Представления молодежи о прошлом Тольятти основываются на противопоставлении двух этапов в развитии города. Ставрополь – тихий провинциальный город, который был курортным местом дореволюционной России. Этому образу противопоставляется стремительное развитие города во второй половине двадцатого века, результатом которого стало строительство промышленных предприятий, рост населения и его переименование в Тольятти. Достижения промышленных предприятий, в особенности АвтоВАЗа в советский период являются предметом гордости авторов эссе.

Образ прошлого города выступает основой дискурса региональной идентичности для молодых тольяттинцев, как местных, так и приезжих.

Дискурсивный анализ образа современного Тольятти показывает, что он демонстрирует противоречивое сочетание различных позиций.

Во-первых, прослеживается явное противопоставление образа советского Тольятти и совре-

менного состояния города. Если советский образ наделяется положительными характеристиками, то современное состояние рассматривается как упадок, кризис, провинциальное прозябание.

Во-вторых, молодежь воспринимает Тольятти в аспекте своей путь недолгой биографии, противопоставляя Тольятти как город детства и восприятие города в юности. В детском восприятии город предстает как место, связанное с теплыми воспоминаниями, впечатлениями от рассказов о славном прошлом города. Современное состояние Тольятти выступает объектом критики из-за множества нерешенных проблем.

В-третьих, образ современного Тольятти включает противопоставление «внешнего» и «внутреннего» восприятия города. Образ города со стороны внешнего наблюдателя наделяется отрицательными чертами и символизируется как «российский Детройт». Взгляд на город со стороны заинтересованного жителя принципиально противоположный. Город предстает как живой, динамичный, успешно решающий свои проблемы.

Таким образом, дискурс, который определяет образ современного Тольятти, характеризует борьбу между различными позициями в восприятии города. Образ города в настоящем рассматривается как адаптация советского прошлого к реалиям постсоветского общества с рыночной экономикой, социальным расслоением, упадком культуры.

Образ будущего Тольятти в восприятии молодежи предстает как светлый и неопределенный. Примечательно, что в этом образе присутствуют надежды на лучшее будущее, но не отображается связь с настоящим и прошлым. Характерной чертой образа города в будущем является отсутствие связи с личными жизненными планами авторов эссе. Движущей силой лучшего будущего авторы считают «горожан» Тольятти, однако себя они не причисляют к этой категории.

Дискурсивный анализ образа Тольятти показывает, что структура региональной идентичности молодого поколения обладает диспропорциями. В ней прослеживается преобладание образов прошлого, при этом прошлое выступает предметом гордости. На этом фоне настоящее рассматривается как упадок, преодоление кризисных состояний. Образ будущего конструируется вне взаимосвязи с прошлым и настоящим. Это дает основание утверждать, что региональная идентичность молодых жителей Тольятти находится в кризисном состоянии.

Библиографический список

- Schäffner, C. (2019), Translation and Discourse Analysis, *Slovo.ru: Baltic accent*, 10 (3), pp. 28–42, DOI: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2019-3-2>.
- Versluys, E. (2007), *The Notion of Identity in Discourse Analysis: Some 'Discourse Analytical' Remarks*, [Online], available at: https://www.sdu.dk/~media/Files/Om_SDU/Institutter/ISK/Forskningspublikationer/Rask/Rask%2026/Eline%20Versluys%208999.pdf (Accessed 20 feb 2021).
- Zotzmann, K. and O'Regan, J. (2016), *Critical Discourse Analysis and Identity The Routledge Handbook of Language and Identity Publisher: Routledge*, Editors: Preece, pp.113–128, [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/299426567_Critical_Discourse_Analysis_and_Identity (Accessed 04 march 2021).
- Ван Дейк Т.А. Дискурс и знание // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2013. №13 (156). С. 5–23. [Электронный ресурс], URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20885292> (дата обращения: 04.03.2021).
- Данилова С.А. Типология дискурса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 345–349. [Электронный ресурс], URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22943374> (дата обращения: 04.03.2021).
- Иванова Ю.В. Понятие дискурса // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. №1–3 (32). С. 51. [Электронный ресурс]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22956681> (дата обращения: 04.03.2021).
- Исеев Д.Р. Цивилизационная идентичность: символический дискурс // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 17 (346). С. 7–13. [Электронный ресурс], URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22698599> (дата обращения: 04.03.2021).
- Кожемякин Е.А. Субъект дискурса // Дискурс-Пи. 2013. №3. С.125–126. [Электронный ресурс], URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subekt-diskursa> (дата обращения: 04.03.2021).
- Лёвкина Ю.Ю., Алимбиева А.В. Дискурсы идентификации и проблема конструирования идентичности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2015. №12. С. 89–96. [Электронный ресурс]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25940893> (дата обращения: 04.03.2021).
- Малашенко М.В., Глушкова С.А. Понятие «региональная идентичность» в зарубежном научном дискурсе // Гуманитарий Юга России. 2017. №1. С. 90–100. [Электронный ресурс], URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28394155>(дата обращения: 04.03.2021).
- Маслова Е.С. Идентичность в контексте философского дискурса // Культурная жизнь Юга России. 2018. №4 (71). С.22–27. [Электронный ресурс], URL: (дата обращения: 04.03.2021).
- Олешкова А.М. Когнитивные и этические основания дискурса и дискурс-анализа // Общество: со-

циология, психология, педагогика. 2020. №8. С.23–25. [Электронный ресурс], URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-i-eticheskie-osnovaniya-diskursa-i-diskurs-analiza> (дата обращения: 04.03.2021).

Чернобровкина Е.П. Дискурс и идентичность // Вестник БГУ. 2018. №2. С.14–18. DOI: <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2018-2-2-14-18>.

Чигирин В.А., Городецкая Е.Г. Идентичность: особенности социологического дискурса // Caucasian Science Bridge. 2018. №1 (2). С.71–78. DOI 10.23683/2658-5820.2018.2.6.

Шушарина Г.А. Дискурс-анализ региональной идентичности // МНИЖ. 2016. №11–2 (53). С.70–72. DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.207.

References

Schäffner, C. (2019), Translation and Discourse Analysis, *Word, Baltic accent*, vol. 10, no. 3, pp. 28–42, DOI: <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2019-3-2>.

Verluis, E. (2007), *The Notion of Identity in Discourse Analysis: Some 'Discourse Analytical' Remarks*, [Online], available at: https://www.sdu.dk/~media/Files/Om_SDU/Institutter/ISK/Forskningsspublikationer/Rask/Rask%2026/Eline%20Verluis%208999.pdf (Accessed 4 Feb 2021).

Zotzmann, K. and O'Regan, J. (2016), *Critical Discourse Analysis and Identity The Routledge Handbook of Language and Identity*, Routledge, Preece, pp.113-12, [Online], available at: https://www.researchgate.net/publication/299426567_Critical_Discourse_Analysis_and_Identity (Accessed 4 Feb 2021).

Van Dijk, T.A. (2013), Discourse and knowledge, *Questions of Journalism, pedagogy, Linguistics*, 2013, no. 13 (156), pp. 5–23.

Danilova, S.A. (2015), Typology of discourse, *Humanities, Socio-economic and Social Sciences*, no. 1, pp. 345–349.

Ivanova, Yu.V. (2015), The concept of discourse, *International Research Journal*, no. 1–3 (32), pp. 51.

Iseev, D.R. (2014), Civilizational identity: symbolic discourse, *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no. 17 (346), pp. 7–13.

Kozhemyakin, E.A. (2013), The subject of discourse, *Discourse-Pi*, no. 3, pp. 125–126.

Levkina, Yu.Yu. and Alimpieva, A.V. (2015), Discourses of identification and the problem of constructing identity, *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 12, pp. 89–96.

Malashchenko, M.V. and Glushkova, S.A. (2017), The concept of «regional identity» in foreign scientific discourse, *Humanities of the South of Russia*, no. 1, pp. 90–100.

Maslova, E.S. (2018), Identity in the context of philosophical discourse, *Cultural Life of the South of Russia*, no. 4 (71), pp. 22–27.

Oleshkova, A.M. (2020), Cognitive and ethical foundations of discourse and discourse analysis, *Society: Sociology, Ppsychology, Pedagogy*, no. 8, pp. 23–25.

Chernobrovkina, E.P. (2018), Discourse and Identity, *Vestnik BSU*, no. 2, pp. 14–18, DOI: <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2018-2-2-14-18>.

Chigirin, V.A. and Gorodetskaya, E.G. (2018), Identity: features of sociological discourse, *Caucasian Science Bridge*, no. 1 (2), pp. 71–78, DOI: <https://doi.org/10.23683/2658-5820.2018.2.6>.

Shusharina, G.A. (2016), Discourse analysis of regional identity, *International Research Journal*, no. 11–2 (53), pp. 70–72, DOI: <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.53.207>.

Submitted: 01.02.2021

Revised: 04.03.2021

Accepted: 01.04.2021

УДК 316.342.2

Дата: поступления статьи: 23.02.2021
после рецензирования: 03.03.2021
принятия статьи: 01.04.2021

В.Ю. Бочаров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vlad.bocharov@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

Дискурс-анализ сообществ американской рабочей молодежи в социальной сети Reddit

Аннотация: в представленной статье рассматриваются проблемы условий труда и занятости американской рабочей молодежи в период мировой пандемии COVID-19 (2020 г.) в рамках дискурсивного пространства онлайн-сообществ социальной сети Reddit. Цель исследования состояла в проведении дискурс-анализа профессиональных виртуальных сообществ американской рабочей молодежи. Основные задачи состояли в анализе специфики языка сетевого общения американской рабочей молодежи, выявлении основных проблем занятости и трудовых отношений, актуальных для молодых американцев, выяснении, насколько американская рабочая молодежь идентифицирует себя с рабочим классом, а также в изучении её классовых интересов, классовых позиций и чувства солидарности. Для анализа эмпирической информации (143 текстовых и визуальных поста 11 сообществ социальной сети Reddit) использовались методы нечастотного (основной) и частотного (дополнительный) контент-анализа. По итогам проведенного исследования делаются выводы о наличии специфического языка общения, схожих условий занятости и уровня жизни, устойчивости классовых позиций и высоком уровне виртуальной солидарности американской рабочей молодежи. Сопоставление полученных данных с результатами проведенного нами ранее исследования виртуальных сообществ российской рабочей молодежи позволяет сказать о чертах сходства и различиях американской и российской молодежи. Главная общая черта, характерная и для американской, и для российской рабочей молодежи, – наличие собственной групповой идентичности.

Ключевые слова: рабочая молодежь, социальная сеть, Reddit, дискурс-анализ, контент-анализ.

Цитирование: Бочаров В.Ю. Дискурс-анализ сообществ американской рабочей молодежи в социальной сети Reddit // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 1. С. 100–113.

Благодарности: статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России».

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Бочаров В.Ю., 2021** – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14; научный сотрудник, Центр перспективных исследований и инновационных разработок, Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38.

V.Yu. Bocharov

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation
E-mail: vlad.bocharov@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3915-2189>

Discourse analysis of the American working youth communities on the social network Reddit

Abstract: the article discusses the working conditions and employment of American working youth during the global pandemic (2020) within the discursive space of the online communities of the social

network Reddit. The aim of the study was to conduct a discourse-analysis of professional virtual communities of American working youth. The main tasks were to analyze the specifics of the language of online communication of American working youth, to identify the main problems of employment and labor relations relevant to young Americans, to find out how much American working youth identify with the working class, and to study its class interests, class positions and feelings of solidarity. Infrequent (basic) and frequent (additional) content analyses were used to analyze empirical information (143 text and visual posts in 11 communities of the social network Reddit). The results of the study draw conclusions about the presence of a specific language of communication, similar conditions of employment and living standards, the stability of class positions and the high level of virtual solidarity of American working youth. Comparison of the data obtained with the results of our previous study of virtual communities of Russian working youth allows us to tell about the similarities and differences between American and Russian youth. The main common feature characteristic of both (American and Russian) working youth is the presence of their own group identity.

Key words: working youth, social network, Reddit, discourse analysis, content analysis.

Citation: Bocharov, V.Yu. (2021), Discourse analysis of the American working youth communities on the social network Reddit, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 100–113.

Acknowledgments: the article has been prepared with the support of the RSF (Russian Science Foundation) grant No. 17-78-20062 «Life strategies of young people of the new working class in modern Russia».

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© **Bocharov V.Yu., 2021** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation; Associate Researcher, Sociological Institute of the RAS – a Branch of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, 25/14, 7-ya Krasnoarmeyskaya Ul. (St.), St. Petersburg, 190005, Russian Federation; Scientific Researcher, Center for Advanced Research and Innovation, Industrial University of Tyumen, 38, Ul. (St.) Volodarskogo, Tyumen, 625000, Russian Federation.

В настоящее время социальные сети, по мнению многих исследователей, стали основными платформами для самовыражения молодежи (Нгуен, Щербаков 2017). Для современного молодого человека социальные сети представляют доминирующую площадку коммуникации и времяпровождения (досуг, общение, информационное обогащение, самопрезентация, участие в образовательных сообществах), являясь важным агентом социализации и саморепрезентации (Карпова, Моница 2018). И можно утверждать, что роль социальных сетей в этих процессах будет только расти. Так, по данным международной компании «STATISTA», если в 2020 году более 3,6 млрд людей по всему миру использовала социальные сети, то к 2025 году прогнозируется рост количества их пользователей до 4,41 млрд. А значит, для социологов появляется все больше оснований для смещения фокуса своего анализа именно на взаимодействиях участников онлайн-сообществ и групп. Используя подход И.В. Барышниковой, можно сказать, что онлайн-сообщества (группы) в социальных сетях могут выступать как конструированные вторичные реальные референтные группы, вокруг которых выстраивается социальная идентичность входящих в них участников (Барышникова 2009). При этом исследователи имеют возможность рассматривать дискурсивные характеристики сообществ, релевантные различным формам субъектности группы и критериям

субъектности (взаимосвязанности и направленности на совместную деятельность) (Павлова и др. 2019). И в целом формируемое участниками сетевых интернет-сообществ онлайн пространство может рассматриваться как дискурсивное пространство со своими специфичными правилами, смысловыми кодами – «мемами», особым языком и символами, присущими этой культурной среде.

Цель нашего исследования – провести дискурс-анализ профессиональных виртуальных сообществ американской рабочей молодежи в социальной сети Reddit. Основными исследовательскими задачами являлись: изучить специфику языка общения американской рабочей молодежи в дискурсивном интернет-пространстве; проанализировать их взгляды на текущее положение в социально-трудовой сфере, выделив основные проблемы их занятости и трудовых отношений; изучить, насколько американская рабочая молодежь идентифицирует себя с рабочим классом; выяснить сформированность их классовых интересов, устойчивость классовых позиций и уровень солидаризации.

Социальная сеть Reddit и ее специфика по сравнению с другими социальными сетями

Reddit (<https://www.reddit.com/>) – американская социальная сеть, основанная 23 июня 2005 года и часто называемая «главной страницей

Интернета». В ней на самом деле можно найти информацию практически на любую тему, начиная от политики и заканчивая мемами по видеороликам. Именно за счет разнообразия контента Reddit продолжает набирать популярность. Так, в 2016 году эта социальная сеть занимала 25 место в мире по количеству посещений, имея 542 млн. посетителей и 8 млрд. просмотров страниц в месяц (Derksen et al. 2017). На декабрь 2019 года Reddit, по их собственной статистике (<https://www.redditinc.com/>), занимал 5 место в США среди самых посещаемых сайтов, насчитывая больше 130 тысяч групп (subreddits) и имея более 430 миллионов активных пользователей и более 30 млрд. просмотров страниц в месяц.

По данным эстонского агентства по изучению социальных медиа «Dreamgrow», на январь 2021 года Reddit находился на 7-м месте по популярности в мире среди социальных сетей и приложений для общения, имея, наряду с «Twitter», 330 млн активных пользователей ежемесячно (Kallas 2021).

Важно отметить, что по данным «Pew Research Center» (США), основная возрастная группа составляющая аудиторию Reddit, – молодежь от 18 до 29 лет (Duggan and Smith 2013). О преобладающей доле пользователей младше 30 лет пишут в своей статье J. Zomick, S.I. Levitan и M. Serper (Zomick, Levitan and Serper 2019). В свою очередь, по данным международной компании «STATISTA», 22% жителей США в возрасте от 18 до 29 лет пользуются социальной сетью Reddit. Также по данным «STATISTA», в декабре 2020 года около 49% трафика социальной сети Reddit приходилось именно на США.

Важной особенностью социальной сети Reddit является высокая степень анонимности пользователей, поэтому, за исключением редких случаев, на первом месте всегда будет сама информация, а не тот, кто делится ей. На это обращают внимание исследователи, отмечая, что Reddit относится к категории социальных сетей для коллективных обсуждений («Discussion forums») и в отличие от категории социальных сетей, в которых основополагающим элементом являются участники и их профили (например, российская социальная сеть «ВКонтакте»), главный элемент Reddit – цифровые объекты (статьи и медиафайлы) (Гурьева, Полоян 2019). Благодаря своей анонимности, Reddit – наиболее подходящая социальная сеть для исследования эмоционального отклика людей на существующие проблемы. В ней по сравнению с другими соцсетями происходит максимально свободное обсуждение проблем. Более того, пользователи этой сети часто заводят аккаунт для одного эмоционального поста («throwaway accounts») (Choudhury and De 2014).

Направления и методы современных исследований социальной сети Reddit

В настоящее время пользователи социальной сети Reddit часто становятся объектами научных исследований, которые осуществляют представители различных социальных и гуманитарных наук. Современные исследователи исследуют различные социологические, медицинские аспекты взаимодействия пользователей социальной сети Reddit, их психологические черты, а также проводят лингвистический анализ специфики их общения.

N. Prakasam и L. Huxtable-Thomas на примере кампании по выборам президента США в 2016 году показывают возможности социальной сети Reddit формировать мнение относительно тех или иных социальных явлений, в частности в области политики. Этими авторами выделяются 5 основных механизмов, которые возникают в рамках группового общения пользователей виртуальных сообществ Reddit и формируют общественное мнение: 1) доверие (credibility); 2) свободное выражение своего мнения (expressing oneself freely); 3) эффект эхо-комнаты – усиление преобладающей точки зрения (echoing beliefs); 4) групповая принадлежность (creating membership); 5) «эффект красной таблетки» – в смысле «узнать правду», что позволяет вернуть человека в реальность (первоначально значение пришло из фильма «Матрица», сегодня чаще используется в качестве обозначения правых и даже расистских взглядов в США) (the metaaffordance «Redpilling») (Prakasam and Huxtable-Thomas 2020).

Нередко используются статистические модели для обработки массивов данных (Shen and Rudzicz 2017). Например, M. Thelwall и E. Stuart, применяя статистический метод к анализу 181 млн. комментариев мужчин и женщин, сделанных в 100 группах (subreddits), показывают, что существует гендерная дифференциация пользователей как в выборе самих сабреддитов, так и в интересах относительно обсуждаемых тем (Thelwall and Stuart 2019).

Также в настоящее время уже существуют различные автоматизированные системы сбора и анализа больших массивов данных о пользователях и их контенте в социальной сети Reddit: «Media Cloud», «GDELT», «StatsExchange», «Wikimedia» и «Pushshift Reddit Dataset» (Baumgartner et al. 2020). Так, группа шведских ученых проводит визуальный анализ текстов с помощью компьютерной программы «StanceVis Prime» для описания эмоций, чувств и мнений пользователей социальных сетей Reddit и Twitter (Kucher et al. 2020).

В свою очередь, хорватские ученые Matej Gjurković и Jan Šnajder, обращаясь к психологиче-

скому тесту Myers-Briggs Type Indicators (MBTI, more than 9000 Reddit users), делают вывод о возможности определения типа личности пользователей социальной сети (выделяется 16 типов личности), а также в целом о хороших перспективах для социальных исследований пользователей Reddit и их взаимодействий в рамках группового общения (subreddit) (Gjurković and Šnajder 2018).

Достаточно популярны лингвистические исследования. Так, D. Yang и S. Counts на основе построенных ими лингвистических моделей анализируют и классифицируют рассказы, опубликованные пользователями сети Reddit, посвященные переживанию ими форм дискриминации и расизма, а также виды поддержки этих пользователей, оказанные другими членами сообществ этой социальной сети. Наиболее ценным видом такой поддержки оказывается «сочувствие» (commiseration). Другие виды поддержки: «эмпатия» (empathy), «приободрение» и «воодушевление» (encouragement), информационная поддержка (informational support) (Yang and Counts 2018).

J. Zomick, S.I. Levitan и M. Serper, исходя из набора слов и построения фраз в сообщениях пользователей, опубликованных в дискуссионных форумах сети Reddit, выделяют «лингвистические маркеры» (linguistic markers) и показывают возможность лингвистического анализа для выявления шизофрении (Zomick, Levitan and Serper 2019).

Исследователи нередко пользуются методом частотного контент-анализа. Так, например, этот метод был применен для изучения сообщества (subreddit) социальной сети Reddit для людей с хроническим заболеванием подагрой (количество членов сообщества на момент исследования 1811). Для анализа были взяты 287 постов (включавших 359 вопросов от 213 пользователей), опубликованных в этом сообществе с сентября 2015 по август 2016 года (Derksen et al. 2017).

Методология исследования

Наша исследовательская группа уже имеет в своем распоряжении результаты дискурс-анализа виртуальных сообществ российской рабочей молодежи (Гаврилюк и др. 2020). Теоретическими основаниями выполненного дискурс-анализа являлись работы Т.А. ван Дейка (ван Дейк 2013), Д. Якобсон и М. Экстрём (Jacobsson and Ekström 2015), а также современных российских исследователей (Добросклонская 2015; Хилханова 2012). Объектом выполненного нами в 2020 году эмпирического анализа являлись 8 групп в социальной сети «ВКонтакте», которые тематически представляли собой неформальные сообщества пользователей этой социальной сети, являющихся представителями рабочей молодежи. Неструктурированные, «текущие» материалы социальных

сетей дают возможность использовать стратегию сбора данных «снизу» – от самого эмпирического объекта, без предварительно заданных категорий анализа, тем самым расширяя возможности исследовательского поиска. Проведенное исследование позволило не только описать основные тематические внутригрупповые дискуссии рабочей молодежи, но и сделать вывод о том, что в виртуальной среде российская рабочая молодежь ощущает себя в качестве единой группы со схожими жизненными траекториями, условиями занятости и образом жизни.

В настоящем исследовании, применяя аналогичный теоретический подход и принципы эмпирического отбора и анализа информации, уже апробированные нами, был осуществлен дискурс-анализ виртуальных сообществ американской рабочей молодежи в социальной сети Reddit. Для эмпирического анализа нами были выбраны 11 сообществ (subreddits), которые тематически представляют собой неформальные сообщества пользователей этой социальной сети, являющихся представителями рабочей молодежи США. К рабочей молодежи (молодежь нового рабочего класса) мы относим занятых всех сфер экономической деятельности, не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности в организации, в которой они трудятся. При этом труд таких работников рутинизирован и разделен на стандартизированные сегменты, а также поддается алгоритмизации и количественному нормированию результатов (Гаврилюк и др. 2019).

Этапы сбора эмпирической информации

1. Поиск сообществ (subreddits), в которых происходит активное обсуждение проблем социально-трудовой сферы. Изначально было отображено 14 таких сообществ.

2. Поиск внутри этих сообществ по ключевым словам (student, college, first job, new job, work, young, uni, 18-, 19-, 20- yo, years old, tips) постов, которые прямо (из профиля пользователя) или косвенно (из текста) могут принадлежать пользователям США от 14 до 35 лет, занятых на позиции сервисных или промышленных рабочих. Временной диапазон отбираемых для анализа постов: с января по декабрь 2020 года. Тематика постов: занятость и трудовые отношения. Количество отобранных постов в каждом сообществе: не менее 10.

3. В результате такого поиска нам пришлось отказаться от комплексного анализа трех сообществ из-за недостаточного количества эмпирического материала, ограничившись по 1 текстовому посту от каждого из них (r/TalesFromYourServer, r/USPS, r/KitchenConfidential). В итоге нами было отображено 143 поста американских молодых рабочих, содержащих текст (минимально – 30 слов) и визуальный контент (табл. 1).

Таблица 1

Описание сообществ и количество отобранных постов от молодых американских рабочих

Название сообщества (subreddit)	Количество пользователей на 31.12.2020 г.	Дата основания группы	Тематика группы и пользователи	Количество отобранных постов пользователей-членов групп
r/Fedexers	2,3k	19.12.2019	Работники «FedEx» (доставка товаров)	10
r/teenagers	2,3m	27.02.2010	Подростки	19 текст + 5 фото = 24
r/TalesFromRetail	606k	09.11.2011	Розничная торговля (кассиры и т.п.)	11
r/TalesFromThePharmacy	138k	02.10.2012	Фармацевты, работники медскладов	11
r/TalesFromThePizzaGuy	166k	09.07.2012	Доставка еды, курьеры	12
r/AmazonFC	13,1k	13.06.2019	Работники Amazon (упаковка и сортировка товаров)	12 текст + 1 мем = 13
r/InstacartShoppers	43,2k	02.04.2015	Доставщики еды из супермаркетов и магазинов	11
r/ChickFilAWorkers	3,2k	11.10.2018	Работники сети «Chick-Fil-A» (американская сеть фастфуда)	11
r/dishwashers	11,3k	30.04.2012	Мойщики посуды	10
r/starbucks	156k	20.04.2009	Работники сети «Starbucks» (бариста, официанты)	8 текст + 1 мем и 2 фото) = 11
r/BlueCollarWomen	9,1k	07.12.2012	Женщины рабочих профессий промышленности, строительства	15 текст + 1 фото и ветка дискуссии = 16
r/TalesFromYourServer	384k	24.09.2012	Официанты	1
r/USPS	58.4k	12.07.2009	Работники почтового сервиса США	1
r/KitchenConfidential	324k	20.01.2011	Повара, мойщики посуды	1
Итого:	11 сообществ + 3 сообщества по 1 посту			143 (в т.ч. 133 текста)

Для анализа собранной эмпирической информации нами использовались методы нечастотного (основной) и частотного (дополнительный) контент-анализа. Далее перейдем к описанию хода исследования и полученным результатам.

Специфика языка общения в сообществах Reddit

Нередко для анализа пользователей социальных сетей, их групповых взаимодействий и общения исследователями используется метод частотного контент-анализа (Фленина, Богдановская, Климанова 2015). Нами также осуществлялся частотный контент-анализ постов пользователей Reddit с помощью бесплатной онлайн-программы WordStat. Для такого анализа нами было отобрано 133 текстовых поста, содержащих минимум 30 слов. Общее количество слов – 24 853. Количественный

анализ позволил определить наиболее часто используемые слова (с учетом объединения равных по семантике, но отличных по морфемике слов), относящиеся к анализируемым текстам и несущие в себе содержание, связанное с задачами исследования (исключая предлоги, междометия, наречия, характеристики промежутков времени – «день», «час», «неделя», «месяц», «год», а также числительные). Также, учитывая особенности английского языка, были исключены модальные глаголы (например: can), глаголы, которые могут быть модальными при добавлении частицы to (например: have to), а также слова, которые могут иметь значение глагола и предлога (например: like).

Слова, использованные в текстах анализируемых постов с частотой не менее 74 раз (0,3% от всего количества слов), представлены в табл. 2.

Таблица 2

Наиболее часто используемые слова, содержащиеся в проанализированных текстах
(в единицах, ранжировано по мере уменьшения частоты упоминаний)

№	Слово	Перевод
1	work (working, works) – 468	работа, работать, работает, работающий
2	get (got, getting) – 468	получить (получено, получающий)
3	job – 278	работа
4	time – 238	время
5	make, made – 196	делать (заставлять делать), делал
6	want, wanting – 174	хотеть, желающий
7	college – 166	колледж
8	think, thinking 162	думать, думающий
9	know (knew, knows, knowing) – 154	знать, знал, знает, знающий
10	pay, paid, payment, paying (paycheck) – 151	платить, платил, плата, платящий, зарплата
11	come, came – 148	приходить, приходил
12	say, said – 148	сказать, сказал
13	manager (managed, management) – 138	менеджер, менеджмент, справился с управлением
14	school – 136	школа
15	people – 134	люди
16	tell, told – 130	говорить, говорил
17	take – 122	взять, брать
18	help, helps – 120	помощь, помогать, помогите, помогает
19	guys – 118	ребята
20	store – 116	магазин
21	leave, left, leaving – 110	покидать, покинул, покидающий
22	ask, asked – 106	спрашивать, спросил
23	student – 96	студент, ученик
24	new – 94	новый, новое
25	feel, felt – 94	чувствовать, чувствовал
26	started, starts – 94	начал, начинает
27	looking – 90	смотрящий (ищущий – с добавлением частицы «for»)
28	quit, quitting – 88	закончить, уволиться, увольняющийся
29	drive, driving – 86	водить машину, водящий машину
30	career – 80	карьера
31	give, gave – 80	дать, дал (смысл меняется от добавленных частиц)
32	shift – 76	смена (рабочая смена)
33	love – 76	любовь, любить
34	fine – 74	хороший

Проведенный экспресс-анализ, безусловно, имеет существенные ограничения: 1) не позволяет различать смысловую нагрузку, которая меняется у слова в рамках словосочетания; 2) не позволяет объединять отдельные слова в смысловые словосочетания; 3) не позволяет учитывать синонимичные сокращения словосочетаний.

Тем не менее, даже такой простой количественный подсчет частоты встречаемости слов позволяет понять, что американская рабочая молодежь не

мыслит категориями классового подхода и классовой борьбы за свои права, не злоупотребляет нецензурными выражениями (они встречаются, но не часто), не слишком озабочена гендерными и расовыми проблемами (они также встречаются редко в текстах, например «sexist» всего – 2 раза) и в целом в подавляющем большинстве настроена не агрессивно (слово «hate» употребляется 22 раза, но не по отношению к друг другу, а по отношению к работе и клиентам), а скорее выражают

готовность оказать помощь, т.е. настроены на взаимопомощь и сотрудничество со своими коллегами. Отметим, что очень редко в текстах встречаются упоминания алкоголя (alcohol – 4 раза) и сигарет (cigarettes – 4 раза), что свидетельствует о здоровом для подавляющего большинства американской ра-

Таблица 3

Сокращения, характерные для письменного сленга американской молодежи, содержащиеся в проанализированных текстах

Сокращение (с расшифровкой)	Перевод	Сокращение (с расшифровкой)	Перевод
bc (because)	потому что	Bs, A-	уровень школьных оценок. В – «хорошо» («четыре»), А – «отлично»
ya (you)	ты	gn (good night)	спокойной ночи
idk (I don't know)	я не знаю	rn (right now)	прямо сейчас
ol' (old)	старый	ms. Rona (covid)	коронавирус
y'all, yall (you all)	вы (в обращении к группе людей)	dishies (dishwashers)	(работники, моющие посуду)
TLDR (too long, didn't read)	слишком длинно, не прочел (ставится перед кратким пересказом сути текста)	uni (university)	университет
hurtin' (hurting)	делает больно	fyi (for your information)	к вашему сведению
smh (shake my head)	осуждающе качаю головой	Lol, (laughing out loud) Lmao (laughing my ass off)	употребляется при смехе
ty (thank you)	благодарю	Fav (favorite)	предпочтительный

Таблица 4

Официальные и разговорные аббревиатуры, связанные с профессиональной лексикой и местом работы, содержащиеся в проанализированных текстах

Аббревиатура (с расшифровкой)	Перевод	Аббревиатура (с расшифровкой)	Перевод
UI (Unemployment Insurance)	пособие по безработице	norcos (an opioid analgesic and antitussive)	медицинский препарат и его подвиды
HR (human resources) GM (general manager)	HR–менеджер, менеджер по общим делам	rx (a medical prescription)	рецепт на лекарства
BP (blood pressure)	давление крови	FOH / BOH FOH (Front of the House). BOH (Back of the House)	персонал кафе или бара: работающие в зале с гостями (FOH) и работающие на кухне (BOH)
ED (Emergency department)	отделение интенсивной терапии в больнице	upt or pto: PTO (personal time– 48 hours per year); UPT (unpaid time off –20 hours per quarter/80 per year)	виды отпусков для рабочих «Amazon», которые могут быть использованы в любое время. PTO – личное свободное время до 48 часов в год. UPT – неоплачиваемое свободное время до 20 часов в квартал (максимально 80 часов в год)
RA/TA job (Research Assistant/Teaching Assistant)	ассистент по исследованиям и ассистент по учебе (работы)	CSM (customer service manager)	менеджер по работе с покупателями
ARC (Assistant Rural Carrier)	специализированный рабочий почты	POQ (partner of the quarter)	значок и звание выдающегося работника в Starbucks
AP (advanced placement)	предметные курсы для старшеклассников по подготовке к поступлению в колледж	SCAP (Starbucks College Achievement Plan)	программа Starbucks для помощи студентам

бочей молодежи, являющихся членами отобранных сообществ социальной сети Reddit, образе жизни. С другой стороны, американская рабочая молодежь этих сообществ, судя по частоте употребления слов «надежда» (hope – 16 раз), «мечта» (dream – 8 раз), «счастливый» (happy – 18 раз) – живет сегодняшним днем, рационализируя свою действительность, рассчитывая на свои силы и не питая иллюзий.

Обратим внимание, что для описания ситуации пандемии COVID-19 пользователи Reddit используют очень много похожих названий. Это не по-

зволило войти в список наиболее употребляемых слов термину «пандемия», однако само наличие данных синонимов свидетельствует о значимости этой темы в обсуждениях: covid – 22 раза, pandemic – 16 раз, quarantine – 4 раза, corona – 6 раз, lockdown – 6 раз, rona – 4 раза, virus и coronavirus – по 2 раза.

Исследователи справедливо отмечают, что «любое культурное сообщество, обладающее самодетерминированностью и находящееся в определенной культурной среде, со временем созда-

Таблица 5

Основные темы, обсуждаемые американской рабочей молодежью, содержащиеся в проанализированных текстах

Тематика постов	Количество постов	Доля от общего количества отобранных постов	Основные обсуждаемые проблемы
Условия труда и график работы в условиях пандемии COVID-19	47	33%	Неудобный график работы. Отсутствие отпуска. Тяжелые условия труда. Влияние пандемии COVID-19 на условия работы.
Баланс между работой и личной жизнью/свободным временем	32	22%	Трудности или невозможность совмещать работу и учебу. Нехватка времени на семью, детей, отдых и собственное здоровье.
Увольнение с работы	32	22%	Причины увольнений: Задержка выплаты зарплаты. Отсутствие помощи новичкам со стороны менеджеров. Ситуация психологического стресса. Конфликты с коллегами по работе. Нашли работу по своей профессии (образованию). Окончили учебное заведение, т.к. работали только из-за необходимости платить за учебу. Увольнения по инициативе работодателя. Увольнения из-за пандемии COVID-19.
Проблемы отношений с клиентами (покупателями, гостями), пользователями услуг	22	15%	Грубость, хамство, оскорбления, угрозы, неадекватное поведение со стороны покупателей (пользователей услуг). Отсутствие чаевых или издевательски маленький размер чаевых. Несправедливое снижение личного рейтинга работника.
Первый опыт работы и адаптации на рабочем месте	21	14%	Переживания и впечатление о первом рабочем дне. Вопросы о специфике работы, сменного графика, трудовых обязанностей. Вопросы о рабочей униформе, спецодежде и обуви. Проблемы адаптации девушек в мужских коллективах. Быстрое разочарование в работе.
Вопросы о потенциальном месте трудоустройства и специфике работы	19	13%	Вопросы о трудоустройстве в конкретную организацию. Вопросы о работе по конкретной профессии. Вопросы о целесообразности профессионального образования. Вопросы о смене трудовой карьеры.
Заработная плата	19	13%	Отношение к размеру заработка. Низкий размер зарплаты. Жизненные проблемы из-за нехватки денег. Работа только ради зарплаты.

Примечание: В постах пользователей нередко охватываются сразу несколько тем, поэтому итог больше 100%.

ет свой язык общения, который, в свою очередь является средством, помогающим удовлетворить нужды, возникающие в процессе освоения этой культурной среды» (Гурьева, Полоян 2019). И действительно, как оказалось, язык общения членов социальной сети Reddit достаточно специфичен, не говоря уже о том, что речь идет о разговорном языке американской молодежи. Так, часто в словах не ставятся апострофы и предложения начинаются с маленькой буквы, очень часто употребляются разговорные сокращения (например: wanna, gonna, gotta, kinda и т.п.), используются сокращения, характерные для письменного сленга американской молодежи (табл. 3), а также используются официальные и разговорные аббревиатуры, связанные с профессиональной лексикой и местом работы (табл. 4).

Нечастотный контент-анализ текстов пользователей Reddit

В современной исследовательской практике количественный анализ содержания текстов, как правило, всегда сочетается с качественным описанием

изучили содержание отобранных текстов, не имея заранее заданной схемы их кодирования и анализа. В выборе данной логики мы руководствовались основным принципом нечастотного подхода в контент-анализе, предполагающим первичное «погружение» в неструктурированный текст с целью дальнейшего выделения и классификации его элементов (Таршис 2002). Такой подход в контент-анализе признается сегодня в качестве эффективного способа «ликвидации пропасти между количественными и качественными методами сбора и анализа данных» (Семёнова 2011, с. 11).

В результате такого «погружения» нами было выделено 7 основных тем, которые активно обсуждаются американской рабочей молодежью. Для наглядности они в ранжированном виде (по мере уменьшения доли от общего количества отобранных для анализа постов) представлены в табл. 5.

Используя теорию D. Jacobsson и M. Ekström (Jacobsson and Ekström 2015), состоящую из трех основных элементов: «идентификация и функционализация» (представление работников с точки зре-

Таблица 6

Репрезентация молодежи нового рабочего класса США в отобранных для анализа сабреддитах социальной сети Reddit

Параметры репрезентации	Единицы категоризации
Идентификация и функционализация	
Социально-демографические характеристики	Мужчина (юноша) и женщина (девушка) 14–35 лет, среднее и среднее профессиональное образование (в т. ч. неоконченное), неполное высшее образование, низкий и средний доход.
Виды деятельности	Работают, учатся, ищут работу, переезжают ради карьеры, увольняются, интересуются потенциальным местом работы, жалуются на клиентов и начальство, обсуждают чаевые, делятся в интернете яркими событиями на работе, любят/ненавидят свою работу.
Активность / пассивность	
Ответственные субъекты ситуации	Работодатели, менеджеры, профсоюзы (unions), родители, учителя, опытные рабочие.
Пассивные субъекты ситуации	Студенты, ученики, стажеры (students, apprentices, trainees, interns).
Социальный контекст	
Рабочее место	Преимущественно негативная оценка условий труда, трудового коллектива, клиентов и получателей услуг.
Внерабочая обстановка (дом, семья)	Практически не описывается. Иногда говорится о проблемах взаимоотношений с родителями (parents).
Внерабочая обстановка (общественные пространства)	Опыт учебы в школе и взаимоотношений с учителями (teachers) описывается преимущественно в контексте нехватки времени на учебу из-за работы.

тематики (Семёнова, Корсунская 2010). Поэтому в дальнейшем нами было осуществлено выделение тем для дискурс-анализа с целью более глубокой интерпретации данных. Используя в качестве теоретического фундамента нечастотную модель контент-анализа, которая «базируется на желании проникнуть в природу текста и построить концепцию его содержания» (Таршис 2002, с. 74), мы детально

изучили содержание отобранных текстов, не имея заранее заданной схемы их кодирования и анализа. В выборе данной логики мы руководствовались основным принципом нечастотного подхода в контент-анализе, предполагающим первичное «погружение» в неструктурированный текст с целью дальнейшего выделения и классификации его элементов (Таршис 2002). Такой подход в контент-анализе признается сегодня в качестве эффективного способа «ликвидации пропасти между количественными и качественными методами сбора и анализа данных» (Семёнова 2011, с. 11).

В результате такого «погружения» нами было выделено 7 основных тем, которые активно обсуждаются американской рабочей молодежью. Для наглядности они в ранжированном виде (по мере уменьшения доли от общего количества отобранных для анализа постов) представлены в табл. 5.

Используя теорию D. Jacobsson и M. Ekström (Jacobsson and Ekström 2015), состоящую из трех основных элементов: «идентификация и функционализация» (представление работников с точки зре-

ния того, кто они и что они делают, какова наиболее важная часть их социальной роли), «активность/пассивность субъекта» и «социальный контекст (как работники представлены в различном социальном пространстве), нами концептуализирована в табличной форме репрезентация молодежи нового рабочего класса США в социальной сети Reddit (см. табл. 6).

Полученные результаты и выводы

1. Выполненный анализ позволяет сказать, что основные темы, волнующие американскую молодежь, перекликаются с проблемами, которые обсуждаются в социальных сетях их российскими сверстниками (Гаврилюк и др. 2020). Тем не менее, есть и заметные отличия: американской рабочей молодежью не обсуждается социальная сфера и социальная политика, никаких корпоративных мероприятий вообще не упоминается. Вопросы социальных льгот и выплат поднимаются американской молодежью только в связи с пандемией COVID-19, что, очевидно, является спецификой переживаемого времени, а не рутинной практикой, как наличие подобных льгот обсуждается российской рабочей молодежью.

2. Чаще всего американской рабочей молодежью обсуждается тема условий труда и занятости в период пандемии COVID-19, которая охватила весь мир с начала 2020 года и заметно повлияла на все сферы жизни, в том числе жителей США. Американский исследователь R. Collins отмечает роль пандемии COVID-19, изменившей взаимодействия людей в реальных социальных группах, их взаимоотношения и уровень солидарности во всех сферах жизни. Солидарность людей в период пандемии может характеризоваться, по его мнению, термином Ирвинга Гофмана «гражданское невнимание» («civil disattention»). При этом R. Collins утверждает, что ситуация «локдауна» наиболее болезненно (рост депрессивных состояний, тревожность, снижение чувства солидарности) повлияла на американских подростков и молодежь 20–29 лет (Collins 2020). Эти выводы подтверждаются и данными нашего анализа, свидетельствующего, что многие молодые рабочие часто отмечают, что столкнулись с ситуацией «локдауна», когда их организация вынуждена была закрыться и не работала.

3. Наши собственные исследования свидетельствуют о существовании серьезной проблемы дефицита свободного времени у российской рабочей молодежи (Бочаров 2020). Актуальна такая проблема и для молодых американских рабочих. Чаще всего они в своих текстовых постах сообщают о трудностях при совмещении работы и учебы (в школе, колледже, университете). Также как и российская рабочая молодежь, молодые американцы находят в себе силы шутить над своим положением и нередко делают это с помощью интернет-мемов или смешных образов. Например, представляя себя в виде помятого и растаявшего печенья, иллюстрирующего фразу: «Когда на этой неделе нужно каждый день вставать в 3-30 утра на работу и также сдавать в колледже экзамены» / «When u have to be up at 3:30 am every day this week and also complete college finals». (Источник: https://www.reddit.com/r/starbucks/comments/e8uqi6/when_u_have_to_be_up_at_330_am_every_day_this/). Нередко в текстах идет речь об учителях или родителях, которые вынужда-

ют их уволиться с работы и больше уделять времени учебе, но чаще всего решение об увольнении принимается молодым человеком самостоятельно. При этом для некоторых такой выбор (между работой и учебой) не является легким: они любят свою работу, но не могут дальше выдерживать нагрузку изматывающего («убивающего») рабочего графика и жестких условий дефицита времени на отдых и учебу. Многие ищут возможность для компромисса, который видят в переходе на частичную занятость, чтобы иметь возможность совмещать работу и учебу. Однако, далеко не всегда менеджеры идут навстречу молодым рабочим в желании иметь сокращенное рабочее время или ставку, провоцируя тем самым ситуацию жесткого выбора «работа или учеба».

В целом можно отметить, что проблема баланса работы и личной жизни выражается для молодых американских рабочих в дефиците времени на отдых, и достаточно типичной является ситуация, когда они задаются вопросом: «Как сохранять баланс работы и личной жизни, если все время очень уставший?» («How do you develop a work-life balance when you're so goddamned tired all the time?»). Яркий пример размышления над ответом на этот вопрос: «Я пытаюсь понять, каким чертовым образом я должен успевать разбираться с такими делами, как задания по университету, фитнес и т.д., если каждый день после смены я чувствую себя так, как будто меня пропустили через мясорубку задом наперед» («I'm trying to figure out how the hell I'm meant to keep up with things like uni work, fit-ness etc when every day after a shift I just feel like I've been put through a meat grinder back-wards»). (Источник: https://www.reddit.com/r/KitchenConfidential/comments/i2tzgu/how_do_you_develop_a_worklife_balance_when_youre/).

4. Из-за высокого уровня анонимности социальной сети Reddit, при обсуждении вопросы заработной платы молодые американские рабочие очень часто называют ее размер, а именно ставку, которую они получают в час. В проанализированных постах эти часовые ставки находились в диапазоне от 8,97 до 21,5 доллара в час. Отметим, что восприятие размера заработной платы среди американской молодежи существенно различается – от полной неудовлетворенности до «все устраивает». Больше всего недовольны своими заработками те, кто реально имеет низкую часовую ставку, а также вынуждены самостоятельно оплачивать учебу или арендовать жилье. Описываются случаи даже нехватки денег на продукты. Например, в одном из постов работник кафе «Starbucks», одновременно являясь «бедным студентом», пишет, что из экономии пьет бесплатно молоко и сливки, оставшиеся после смены («at the end of a shift»): «Literally free milk and creamer and it's pretty ethical. Sorry, I'm a broke college student, but honestly saving money should always be celebrated lol» (Источник: <https://www.reddit.com/r/starbucks/>)

comments/jcagr3/baristas_free_coffee_creamer/).

Такие тексты показывают, что проблемы низких доходов, а соответственно и низкого уровня жизни не обходят стороной многих молодых американских рабочих. Это тяжелая повседневность капитализма, которая может ухудшаться еще больше из-за глобального экономического кризиса, из-за пандемии COVID-19 или из-за личных проблем и неудач. Отметим, что проблема неравенства доходов прекрасно осознается в профессиональных сообществах американской молодежи. Так, например, молодой человек, проработавший год в кафе «Starbucks» во время своей учебы в колледже, своим постом обращается к бариста: «Вы заслуживаете больше, чем та ужасная минимальная зарплата, которую нам платят, учитывая предъявляемые требования» («This post goes out to all of you baristas. I worked there for a year during college... You are worth more than the crap minimum wage they paid us, and the effort that they demand»). (Источник: https://www.reddit.com/r/starbucks/comments/img4cy/you_will/).

5. Гораздо реже, чем ожидалось исходя из тем, освещающих ситуацию в США в российских СМИ, рабочей молодежью обсуждаются проблемы гендерного и расового неравенства на работе. В то же время молодые американцы осознают проблемы классового неравенства и эксплуатации. Хотя они и не используют термины классового анализа, но в целом настрой большинства проанализированных текстов относительно условий и перспектив занятости в капиталистическом обществе хорошо иллюстрируется шуточным постом относительно места и роли наемного работника и возможных будущих перспектив глобального контроля за работой и жизнью простых рабочих («Guys did you hear we're getting shock collars?»): «Слышали ли вы, что нам наденут электрические ошейники? Люди в 2040 году: я не понимаю, почему бездомные люди не хо-

тят просто устроиться на работу или открыть свой бизнес. Ладно, мой 15-минутный перерыв на обед закончился, я пошел работать, пока мой ошейник меня не ударил током и меня не выселили из моей капсулы для сна» (Источник: https://www.reddit.com/r/AmazonFC/comments/jmxu4c/guys_did_you_hear_were_getting_shock_collars/).

6. Так же, как и в случае с российской рабочей молодежью, мы можем сделать вывод о том, что в виртуальной среде американская рабочая молодежь уже ощущает себя в качестве единой группы со специфическим языком общения, схожими условиями занятости и уровнем жизни. Ими так же, как и их российскими сверстниками, не используется классовая риторика, однако они четко дистанцируются от правящего класса, а работники сервисных услуг (прежде всего речь о работниках розничной торговли, доставки продуктов и аптечных сетей) еще и от массы потребителей товаров и услуг, осознавая себя рабочим классом. Отметим, что нередко текстовые посты сообществ Reddit дополняются фотографиями (в рабочей униформе или с рабочего места), на которых молодые американские рабочие с гордостью демонстрируют свою принадлежность к рабочему классу. Именно такой визуальный контент собирает наибольшее количество одобрительных лайков в рассмотренных сообществах Reddit. В целом осознание общих интересов, устойчивость классовых позиций (практически не ведутся разговоры о получении высшего образования и желании стать менеджером, скорее наоборот – имеющие опыт офисной работы выражают желание занять рабочие позиции) и высокий уровень, по крайней мере, виртуальной солидарности и желания оказать друг другу поддержку, пусть даже советом, свидетельствуют о существовании классовой идентичности среди американской рабочей молодежи (см. табл. 7).

Таблица 7

Метафоры категоризации «мы» – «они» в лексике американской рабочей молодежи

«Мы» (новый рабочий класс)	«Они» (менеджмент и руководство организаций, потребители услуг, покупатели товаров)
Команда, коллектив (<i>team, staff</i>) Студенты, ученики (<i>students</i>) Стажеры (<i>apprentices, trainees, interns</i>) Выпускники (<i>seniors</i>) Сотрудники, коллеги (<i>coworkers</i>) Партнеры (<i>partners</i>) Профессионалы (<i>professionals</i>) Подростки (<i>teenagers</i>) Ребята (<i>guys</i>) Нанятые работники (<i>employees</i>)	Боссы (<i>bosses</i>) Владельцы бизнеса (<i>companies</i>) Директора (<i>directors</i>) Менеджеры, руководители (<i>managers</i>) Непосредственные руководители (<i>supervisors</i>)
Работники конкретной профессии: посудомойщики (<i>dishwashers</i>), упаковщики, укладчики (<i>handlers</i>), покупатели и разносчики товаров (<i>shoppers</i>) и т.д.	Покупатели (<i>customers</i>) Клиенты (<i>clients</i>) Постоянные клиенты (<i>regulars</i>) Женщины клиенты (<i>ladies</i>) Требовательные женщины клиенты (<i>Karens</i>)

Источники фактического материала

«Reddit» (<https://www.reddit.com/>)

Собственная статистика социальной сети «Reddit» // <https://www.redditinc.com/>

«STATISTA» // <https://www.statista.com>

WordStat – экспресс контент-анализ текста // <http://content-analysis.ru/index.php/soft/wordstat-ekspress-kontent-analiz-teksta/>

Официальный интернет-портал правительства США // <https://www.dol.gov/>

Библиографический список

Baumgartner, J., Zannettou, S., Keegan, B., Squire, M. and Blackburn, J. (2020), The Pushshift Reddit Dataset, *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, vol. 14(1), pp. 830–839, [online], available at: https://www.researchgate.net/publication/338789455_The_Pushshift_Reddit_Dataset (Accessed 22 feb 2021).

Choudhury, M.D. and De, S. (2014), Mental health discourse on reddit: Self-disclosure, social support, and anonymity, *AAAI Publications, Eighth International AAAI Conference on Weblogs and Social Media*, Michigan, USA, from June 1–4, [online], available at: <http://www.aaai.org/ocs/index.php/ICWSM/ICWSM14/paper/download/8075/8107> (Accessed 22 feb 2021).

Collins, R. (2020), Social distancing as a critical test of the micro-sociology of solidarity, *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 8, pp. 477–497. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41290-020-00120-z>.

Derksen, C., Serlachius, A., Petrie, K.J. et al. (2017), «What say ye gout experts?» a content analysis of questions about gout posted on the social news website Reddit, *BMC Musculoskelet Disord*, vol.18, Article number: 488, DOI: <https://doi.org/10.1186/s12891-017-1856-y>.

Duggan, M. and Smith, A. (2013), *6% of Online Adults are Reddit Users*, [online], available at: <https://www.pewresearch.org/internet/2013/07/03/6-of-online-adults-are-reddit-users/> (Accessed 22 feb 2021).

Gjurković, M. and Šnajder, J. (2018), Reddit: A Gold Mine for Personality Prediction, *Proceedings of the Second Workshop on Computational Modeling of People's Opinions, Personality, and Emotions in Social Media*, New Orleans, Louisiana, USA, June 6, pp. 87–97, DOI: 10.18653/v1/W18-1112.

Jacobsson, D. and Ekström, M. (2015), Dismantling discourses: compassion, coping and consumption in journalistic representations of the working class, *Critical Discourse Studies*, pp. 1–18.

Kallas, P. (2021), Top 15 Most Popular Social Networking Sites and Apps, [online], available at: <https://www.dreamgrow.com/top-15-most-popular-social-networking-sites/> (Accessed 22 feb 2021).

Kucher, K., Martins, R.M., Paradis, C. et al. (2020), StanceVis Prime: visual analysis of sentiment and stance in social media texts, *Journal of Visualization*, vol. 23, pp. 1015–1034, DOI: <https://doi.org/10.1007/s12650-020-00684-5>.

Prakasam, N. and Huxtable-Thomas, L. (2020), Reddit: Affordances as an Enabler for Shifting Loyalties, *Information Systems Frontiers*, DOI: <https://doi.org/10.1007/s10796-020-10002-x>.

Shen, J.H. and Rudzicz, F. (2017), Detecting anxiety on Reddit, *Proceedings of the Fourth Workshop on Computational Linguistics and Clinical Psychology – From Linguistic Signal to Clinical Reality*, Vancouver, Canada, August 3, pp. 58–65, DOI: <https://doi.org/10.18653/v1/W17-3107>.

Thelwall, M. and Stuart, E. (2019), She's Reddit: A source of statistically significant gendered interest information, *Information Processing & Management*, pp. 1543–1558, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2018.10.007>.

Yang, D. and Counts, S. (2018), Understanding Self-Narration of Personally Experienced Racism on Reddit, *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, vol. 12(1), pp. 704–707, [online], available at: <https://ojs.aaai.org/index.php/ICWSM/article/view/15049/14899> (Accessed 22 feb 2021).

Zomick, J., Levitan, S.I. and Serper, M. (2019), Linguistic Analysis of Schizophrenia in Reddit Posts, *Proceedings of the Sixth Workshop on Computational Linguistics and Clinical Psychology*, Minneapolis, Minnesota, June 6, pp. 74–83, [online], available at: https://www.researchgate.net/publication/332844683_Linguistic_Analysis_of_Schizophrenia_in_Reddit_Posts (Accessed 22 feb 2021).

Барышникова И.В. Понятие идентичности в социологическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.7 «Философия». 2009. № 2(10). С.166–171.

Бочаров В.Ю. Концепция баланса работы и личной жизни как основание для типологии стратегий трудового поведения рабочей молодежи // Социально-трудовые исследования. 2020. №39(2). С.113–129, DOI: <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129>.

Гурьева Н.Р., Полоян А.В. Популярные зарубежные интернет-ресурсы как отражение языковой культуры и менталитета // Гуманитарный вестник (ГОРЛОВКА). 2019. Вып. 7. Ч. 2. С. 93–98.

Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // «Медиалингвистика» международный научный журнал. 2015. №1(6). С. 45–57.

Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса. Под ред. Т.В. Гаврилюк. Москва: Флинта; 2020. 408 с.

Карпова М.К., Моница М.А. Социальные сети как особый канал самопрезентации индивида //

Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2018. Т. 6. №1. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/karпова_mk_monina_ma_18_1_25.pdf (дата обращения: 22.02.2021).

Молодежь нового рабочего класса современной России: коллективная монография. Под ред. Т.В. Гаврилюк. Москва: Флинта; 2019. 392 с.

Нгуен Т.М.Ч., Щербаков М.В. Метод формирования профиля пользователей FACEBOOK на основе анализа реакций и чувствительности текста // Известия волгоградского государственного технического университета. 2017. №1 (196). С. 73–78.

Павлова Н.Д., Воронин А.Н., Гребенщикова Т.А., Кубрак Т.А. Разработка подхода к типологии сетевых сообществ на основе дискурсивных признаков коллективной субъектности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика. 2019. Т.16. №3. С. 341–358.

Семёнова А.В. Контент-анализ в социологии: методологические новации // Вестник ВятГУ. 2011. №3–1. С. 11–15.

Семёнова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В.А. Мансурова. Москва: Институт социологии РАН, 2010. 324 с.

Таршиш Е.Я. Перспективы развития метода контент-анализа // Социология: 4М. 2002. №15. С. 71–92.

Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Москва: Книжный дом «Либроком», 2013. 344 с.

Фленина Т.А., Богдановская А.Б., Климанова А.В. Возможности использования контент-анализа в исследовании сетевой идентичности современной российской молодежи // Письма в Эмиссия. Оффлайн: Электронный научный журнал. 2015. №6. С. 23–68.

Хилханова Э.В. Исследование СМИ с позиций критического анализа дискурса // Вестник ЧитГУ. 2012. №3 (82). С. 72–75.

References

Baumgartner, J., Zannettou, S., Keegan, B., Squire, M. and Blackburn, J. (2020), The Pushshift Reddit Dataset, *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, vol. 14(1), pp. 830–839, [online], available at: https://www.researchgate.net/publication/338789455_The_Pushshift_Reddit_Dataset (Accessed 22 feb 2021).

Choudhury, M.D. and De, S. (2014), Mental health discourse on reddit: Self-disclosure, social support, and anonymity, *AAAI Publications, Eighth International AAAI Conference on Weblogs and Social Media*, Michigan, USA, from June 1–4, [online], available at: <http://www.aaai.org/ocs/index.php/ICWSM/ICWSM14/paper/download/8075/8107> (Accessed 22 feb 2021).

Collins, R. (2020), Social distancing as a critical test of the micro-sociology of solidarity, *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 8, pp. 477–497, DOI: <https://doi.org/10.1057/s41290-020-00120-z>.

Derksen, C., Serlachius, A., Petrie, K.J. et al. (2017), «What say ye gout experts?» a content analysis of questions about gout posted on the social news website Reddit, *BMC Musculoskelet Disord*, vol.18, Article number: 488, DOI: <https://doi.org/10.1186/s12891-017-1856-y>.

Duggan, M. and Smith, A. (2013), *6% of Online Adults are Reddit Users*, [online], available at: <https://www.pewresearch.org/internet/2013/07/03/6-of-online-adults-are-reddit-users/> (Accessed 22 feb 2021).

Gjurković, M. and Šnajder, J. (2018), Reddit: A Gold Mine for Personality Prediction, *Proceedings of the Second Workshop on Computational Modeling of People's Opinions, Personality, and Emotions in Social Media*, New Orleans, Louisiana, USA, June 6, pp. 87–97, DOI: <https://doi.org/10.18653/v1/W18-1112>.

Jacobsson, D. and Ekström, M. (2015), Dismantling discourses: compassion, coping and consumption in journalistic representations of the working class, *Critical Discourse Studies*, pp. 1–18.

Kallas, P. (2021), Top 15 Most Popular Social Networking Sites and Apps, [online], available at: <https://www.dreamgrow.com/top-15-most-popular-social-networking-sites/> (Accessed 22 feb 2021).

Kucher, K., Martins, R.M., Paradis, C. et al. (2020), StanceVis Prime: visual analysis of sentiment and stance in social media texts, *Journal of Visualization*, vol. 23, pp. 1015–1034, DOI: <https://doi.org/10.1007/s12650-020-00684-5>.

Prakasam, N. and Huxtable-Thomas, L. (2020), Reddit: Affordances as an Enabler for Shifting Loyalties, *Information Systems Frontiers*, DOI: <https://doi.org/10.1007/s10796-020-10002-x>.

Shen, J.H. and Rudzicz, F. (2017), Detecting anxiety on Reddit, *Proceedings of the Fourth Workshop on Computational Linguistics and Clinical Psychology – From Linguistic Signal to Clinical Reality*, Vancouver, Canada, August 3, pp. 58–65, DOI: <https://doi.org/10.18653/v1/W17-3107>.

Thelwall, M. and Stuart, E. (2019), She's Reddit: A source of statistically significant gendered interest information, *Information Processing & Management*, pp. 1543–1558, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2018.10.007>.

Yang, D. and Counts, S. (2018), Understanding Self-Narration of Personally Experienced Racism on Reddit, *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, vol. 12(1), pp. 704–707, [online], available at: <https://ojs.aaai.org/index.php/ICWSM/article/view/15049/14899> (Accessed 22 feb 2021).

Zomick, J., Levitan, S.I. and Serper, M. (2019), Linguistic Analysis of Schizophrenia in Reddit Posts, *Proceedings of the Sixth Workshop on Com-*

putational Linguistics and Clinical Psychology, Minneapolis, Minnesota, June 6, pp. 74–83, [online], available at: https://www.researchgate.net/publication/332844683_Linguistic_Analysis_of_Schizophrenia_in_Reddit_Posts (Accessed 22 Feb 2021).

Baryshnikova, I.V. (2009), The concept of identity in the sociological discourse, *Vestnik Volgo-gradskogo gosudarstvennogo universiteta*, Ser.7 «Philosophy». no. 2 (10). pp. 166–171.

Bocharov, V.Ju. (2020), The concept of work-life balance as the basis for a typology of strategies for labor behavior of working youth, *Sotsial'no-trudovye issledovaniya = Social and labor research*, no. 39(2). pp. 113–129, DOI: 10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129.

Gur'eva, N.R. and Polojan A.V. (2019), Popular foreign Internet resources as a reflection of the language culture and mentality, *Gumanitarnyj vestnik = Humanitarian Bulletin (GORLOVKA)*, issue 7, part 2, pp. 93–98.

Dobrosklonskaja, T.G. (2015), Mass Media discourse in the system of medialinguistics, «*Medialingvistika*» *mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal*, no. 1(6). pp. 45–57.

Life strategies of new working-class youth (2020), T.V. Gavrilyuk (ed.), Flinta, Moscow, Russia.

Karpova, M.K. and Monina, M.A. (2018), Social networks as a special channel of self-presentation of an individ, *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, vol. 6. no. 1. [Online], available at: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/karpova_mk_monina_ma_18_1_25.pdf (Accessed 22 Feb 2021).

New working-class youth in modern Russia (2019), T.V. Gavrilyuk (ed.), Flinta, Moscow, Russia.

Nguen, T.M.Ch. and Shherbakov, M.V. (2017), Method of forming a FACEBOOK user profile based on the analysis of reactions and sensitivity of the text, *Izvestija volgogradskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta = Proceedings of the Volgograd State Technical University*, no. 1 (196). pp. 73–78.

Pavlova, N.D., Voronin, A.N., Grebenshnikova T.A. and Kubrak, T.A. (2019), Development of an approach to the typology of network communities based on discursive features of collective subjectivity, *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, «Psychology and Pedagogy»*, vol. 16. no. 3. pp. 341–358.

Semenova, A.V. (2011), Content analysis in sociology: methodological innovations, *Vestnik VjatGU*, no.3–1. pp. 11–15.

Semjonova, A.V. and Korsunskaja, M.V. (2010), *Content analysis of mass media: problems and experience of application*, V.A. Mansurov (ed.), Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Tarhis, E.Ja. (2002), Prospects for the development of the content analysis method, *Sociologija: 4M*, no. 15. pp. 71–92.

Tjon, A. van Dejk. (2013), *Discourse and power: Representation of dominance in language and communication*, Knizhnyj dom «Librokom», Moscow, Russia.

Flenina, T.A., Bogdanovskaja, A.B. and Klimanova, A.V. (2015), The possibilities of using content analysis in the study of the network identity of modern Russian youth, *Pis'ma v jemissija.offlajn: Jelektronnyj nauchnyj zhurnal*, no. 6. pp. 23–68.

Hilhanova, Je.V. (2012), Media research from the standpoint of critical analysis of discourse, *Vestnik ChitGU*, no. 3 (82). pp. 72–75.

Submitted: 23.02.2021

Revised: 03.03.2021

Accepted: 01.04.2021

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в журнале «Семиотические исследования» принимаются статьи, раскрывающие вопросы общей семиотики и смежных дисциплин, ориентированные на междисциплинарный синтез знания в рамках философии, литературоведения и социологии.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое рецензирование. Срок рецензирования – 1–2 месяца. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность: 4 выпуска в год.

Подготовка статьи

Статья может быть предоставлена на русском, английском, немецком, французском, польском, китайском языках в электронном виде в формате .doc (semiotic@ssau.ru).

В статье должны содержаться следующие сведения:

1. УДК (<http://teacode.com/online/udc/>).
2. Сведения об авторе (авторах) (на русском и английском языках): ФИО, место работы, страна, электронная почта, ORCID (регистрация <https://orcid.org/>), по желанию другие идентификаторы в Scopus, WoS и т.д.).
3. Название статьи (на русском и английском языках, не более трех строк).
4. Аннотация (на русском и английском языках). Объем – 150–200 слов (на русском языке), 200–250 (на английском языке). Аннотация должна включать характеристику основной темы, проблемы (задачи) научной статьи, цели работы, методологию (методы исследования), эмпирический материал (источники), научные результаты и их новизну по сравнению с результатами, уже имеющимися в науке, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации.
5. Ключевые слова (на русском и английском языках 7–10 слов).
6. Цитирование (см. приложение «Образец оформления статьи»).
7. Благодарности (см. приложение «Образец оформления статьи»).
8. Информация о конфликте интересов (авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов).
9. Информация об авторах (ФИО полностью, ученая степень, звание, должность, место работы (кафедра, вуз, организация, предприятие), почтовый адрес места работы с указанием страны и почтового индекса).
10. Библиографический список на русском языке, на английском языке References.

Структура основного текста статьи зависит от поставленных целей, задач и исследуемых проблем, но обязательно выделять в ее композиции: введение, постановку задач (проблем), методологию, ход исследования, полученные результаты и выводы.

Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Объем статьи – 20000–40000 печатных знаков с пробелами. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1. При использовании в тексте статьи дополнительных шрифтов они должны быть предоставлены отдельно. Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т. п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах .jpg или .png.

Правила оформления ссылок

В журнале «Семиотические исследования» для оформления ссылок в тексте принят гарвардский стиль (Harvard style).

Пример оформления ссылок в тексте публикации в соответствии с гарвардским стилем:

1 автор: Текст ... (Богатова 2015), (Richardson 2015).

2 автора: Текст (Смирнова, Федорова 2013), (Cengel and Boles 2015).

3 автора: (Смирнова, Федорова, Иванов 2013), (Cengel, Rogers and Boles 2015).

Больше 3 авторов: (Смирнова и др. 2013), (Cengel et al. 2015).

Если в списке присутствуют однофамильцы, ставятся инициалы: (Иванов И.И. 2013).

Если нет авторов: (Название год).

Несколько работ одного автора: (Петров 2014, 2016), (Richardson 2015, 2018).

Несколько работ одного автора, опубликованных в один год: (Петров 2014a, 2014b), (Richardson 2015a, 2015b).

Если используется прямое цитирование: (Петров 2014, с. 25), (Richardson 2015, p. 98).

Если цитируемая статья написана на латинице (на английском, немецком, испанском, итальянском, финском, датском и других языках, использующих романский алфавит), ссылку на неё следует привести на оригинальном языке опубликования.

Правила оформления библиографического списка и References

Библиографический список должен содержать 15–30 источников.

У всех источников в библиографическом списке необходимо проверить присвоение DOI или URL (электронная ссылка на размещение статьи в РИНЦ, например) и указать его в библиографическом описании при наличии. Иностранные источники даются на языке оригинала.

Библиографический список

Библиографический список оформляется по ГОСТ Р 7.05–2008 в алфавитном порядке, не нумеруется.

Примеры оформления библиографического списка*Законодательные материалы*

Закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Российская газета. 2012 г. № Федеральный выпуск № 5976.

Стандарты

ГОСТ 7.1-2003 СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления // Электронный фонд: [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200034383> (дата обращения: 27.01.2020).

Архивные документы

Материалы об организации Техникума печати при НИИ книговедения // ЦГАЛИ. СПб. Ф. 306. Оп. 1. Ед. хр. 381. Розанов И.Н. Как создавалась библиотека Исторического музея: докл. на заседании Ученого совета Гос. публ. ист. б-ки ФСР 30 июня 1939 г. // ГАРФ. Ф. А-513. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

Книга одного автора

Рубальская Л.А. Такая карта мне легла: стихи, проза. Москва: Эксмо, 2008. 445 с. : ил.

Улицкая Л.Е. Люди нашего царя: сборник. Москва: Эксмо, 2008. 365 с.

Книга двух–трех авторов

Чиркова Ю.В., Колосова Т.А. Проективные методы в диагностике нарушений развития личности в детском возрасте : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. направлениям. Москва: Юрайт, 2019. 216 с.

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Книга четырех авторов

При наличии четырех авторов, книга описывается под заглавием, все четыре автора указываются за косой чертой.

Разнообразие микроорганизмов источников Байкальского региона: учебное пособие / Е.В. Лаврентьева, Д.Д. Бархутова, Б.Б. Буянтуева, Б.Б. Намсараев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2009. 148 с.

Книга пяти авторов

При наличии пяти авторов и более, книга описывается под заглавием. За косой чертой (сведения об ответственности) перечислить первых 3-х авторов с обозначением [и др.].

Рекреационный потенциал Баргузинского Прибайкалья и Селенгинской Даурии: проблемы освоения / К.Ш. Шагжиев, В.А. Бабинов, А.В. Мантатова [и др.]; Федер. агентство по образованию, Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та.

Многотомные издания

Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений с приложениями. В 11 т. Т. 7. Письма, 1905–1926. Москва: Слово, 2005. 823 с.

Гиппиус З.Н. Соч.: в 2 т. / вступит. ст., подгот. текста и коммент. Т.Г. Юрченко. Т. 1. Без талисмана; Победители; Сумерки духа. Москва: Лаком-книга: Габестро, 2001. 367 с.

Статья из журнала

Никольская А.В. Влияние цифровизации на психологическое состояние студентов с ограниченными возможностями здоровья // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 107–118.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Статья из книги или другого разового издания

Коломак Е.А., Трубехина И.Е. Анализ пространственной концентрации экономической активности в Новосибирской области // Экономико-математические исследования: математические модели и информационные технологии. Отв. ред. Л.А. Руховец. Санкт-Петербург: Нестор-История. С. 132–150.

Электронные ресурсы

РУКОНТ: национальный цифровой ресурс: межотраслевая электронная библиотека. URL: <https://rucont.ru> (дата обращения: 14.10.2019).

Конституция Российской Федерации. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения: 27.01.2021).

Электронный Архив В.И. Вернадского. URL: <http://vernadsky.lib.ru> (дата обращения: 27.01.2021).

Статьи с сайтов журналов и газет

Журавлева И. В. Социальная обусловленность здоровья подростков во временном аспекте // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 2. С. 132–152. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=6414&l=&j=4 (дата обращения: 27.01.2021).

References

Библиографический список на латинице (References) оформляется по стандарту Harvard.

- Библиографические источники не нумеруются и располагаются в порядке, указанном в библиографическом списке.
- Для разделения элементов записи используют запятые.
- Запись всегда начинается с фамилии автора, затем инициалы, за которыми следует дата в скобках. Фамилии и инициалы авторов приводят в транслитерации (иностранных авторов – в оригинале).
- Если более чем одна запись одного и того же автора, сортировать по датам.
- Название книги и периодического издания всегда выделяется курсивом.
- Имя издателя показывается перед местом издания (как это было бы в адресе). Место издания – город, страна. Сокращения для штатов США должны быть с большой буквы и добавлены по мере необходимости.
- Ссылки на электронные ресурсы следуют тем же правилам, а затем «по адресу:» и URL-адрес.

Правила для русскоязычной литературы:

- ФИО автора (авторов) приводится в транслитерации.
- Название статьи переводят на английский язык.
- Название книги переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.
- Название периодического издания приводят в транслитерации. Если издательство (предприятие, учреждение, организация и т.п.) имеет официальное англоязычное название, то нужно приводить это название.
- Название издательств и организаций СНГ приводят в транслитерации.
- Название города, названия конференций, пояснительные слова, словосочетания переводят на английский язык. Для международных конференций, имеющих второе англоязычное название, приводят это название.
- Сокращения заменяют англоязычными аналогами:
part 2; volume 3; Vol. 3; pp. 10-19; 323 p.; no. 1; issue; Abstract of the dissertation; International conference proceedings (Int. Conf. Proc.); Scientific-and-technical (Sci.-Tech.) collected articles; dated 19 December 2013; monograph; Annals – Ann.; Annual – Annu.; Colloquium – Colloq.; Conference – Conf.; Congress – Congr.; Technical Paper– Tech. Paper; First; Second; Third; Fourth/nth... –1st; 2nd; 3rd; 4th/nth...; Convention – Conv.; Digest – Dig. ; Exposition – Expo.; International – Int.; National – Nat.; Proceedings – Proc.; Record – Rec.; Symposium – Symp.; Technical Digest – Tech. Dig.

Базовая структура

Фамилия, инициалы (год издания), название, издатель, место издания, журнал и т.д., точные ссылки.

Пунктуация должна быть следующей: для двух авторов отделяются «and» и без запятой; для нескольких авторов разделяются запятыми, но последняя фамилия должна быть связана с предыдущей «and» без запятой.

Книги

Англоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Русскоязычные книги

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название in English курсив*, № издания, издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Книги с одним автором

Adair, J. (2018), *Effective management: How to save time and spend it wisely*, Pan Books, London, UK.

Книги с двумя и более авторами

Turchaninov, I.A., Joseph, M.A. and Kasparyan, E.V. (1989), *Fundamentals of Rock Mechanics*, Nedra, St. Petersburg, Russia.

Книги того же автора в том же году

Napier, A. (1993a), *Fatal storm*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Napier, A. (1993b), *Survival at sea*, Allen and Unwin, Sydney, NSW.

Книги с анонимными или неизвестными авторами

The University Encyclopedia (1985), Roydon, London, UK.

Книги под редакцией

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Оригинальное название книги курсив*, № издания, in Фамилии, И.О. редакторов (ed.), издательство, город, страна.

Примеры оформления в References

Sjostrand, S. (1993), *Institutional change: theory and empirical findings*, M.E. Sharpe (ed.), Armonk, N.Y.

Статьи в журналах и периодических изданиях

Англоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Название статьи, *Название издания курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

Русскоязычные статьи

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), Перевод названия статьи на английский язык, *Название издания транслитерация или английское зарегистрированное курсив*, vol. номер тома, no. номер выпуска (если он существует), pp. номера страниц статьи.

*Примеры оформления в References**журнальная статья*

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Khomenko, O.Ye, (2010), Control of the energy of rocks in underground ore mining, *Mining Journal. Ferrous metals*, Special Issue, pp. 41–43.

Huffman, L.M. (1996), Processing whey protein for use as a food ingredient, *Food Technology*, vol. 50, no. 2, pp. 49–52.

журнальная статья с номером тома и/или выпуском

Bessant, J. and Webber, R. (2001), Policy and the youth sector: youth peaks and why we need them, *Youth Studies Australia*, vol. 20, no. 1, pp. 43–47.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Daniel, T. (2009), Learning from simpler times, *Risk Management*, no. 1, pp. 40–44.

Karas T.H., Moore J.H. and Parrott L.K. (2008), Metaphors for cyber security, *SANDIA report*, vol. SAND 2008–5381, pp. 3–42, DOI: <http://doi.org/10.2172/947345>.

Электронные ресурсы

Необходимо следовать той же конвенции ссылок, как для печатных источников, но включать элементы, уникальные для Web:

Standard Form:

Фамилия, И.О. (год), *Название курсив*, available at: полный URL, (Accessed дата обращения).

Пример оформления в References

Young, C. (2001), English Heritage position statement on the Valletta Convention, [Online], available at: <http://www.archaeol.freeuk.com/EHPositionStatement.htm> (Accessed 4 Aug 2011).

Стандарт транслитерации

При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для транслитерации текста в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://translit.ru/?account=bsi>

Рукопись может быть возвращена авторам, если она не соответствует вышеприведённым требованиям.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 330

Дата: поступления статьи:
после рецензирования:
принятия статьи:

П.С. Петров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

И.В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере**Аннотация:****Ключевые слова:**

Цитирование: Петров П.С., Иванов И.В. Когнитивно-семиотические аспекты моделирования в гуманитарной сфере // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2021. Т. 1, № 1. С. 15–25. DOI

Благодарности: авторы выражают благодарность (...) за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© **Петров П.С., 2021** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

© **Иванов И.В., 2021** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

P.S. Petrov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Petrov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0000-0560-005x>

I.V. Ivanov

Samara National Research University, Samara,
Russian Federation
E-mail: Ivanov@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0347-0900-084x>

Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities**Abstract:****Key words:**

Citation: Petrov, P.S. and Ivanov, I.V. (2021), Cognitive-semiotic aspects of modelling in the sphere of humanities, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 1, no. 1, pp. 15–25, DOI

Acknowledgments: the authors express their gratitude (...) for the assistance provided in the study.

Information about conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

© **Petrov P.C., 2021** – doctor of philology, assistant professor, professor of the Department of Theory and History of Journalism, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

© **Ivanov I.V., 2021** – doctor of philosophical science, professor, professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Ход исследования

Полученные результаты и выводы (Заключение)

Источники фактического материала

Чернышев А.С., Сарычев С.В., Гребеньков Н.Н. Методика преподавания психологии. Современные технологии: учеб. пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2019. 222 с.

Библиографический список

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Епифанцев Т.Н., Крюков А.В. Трансформация культурных кодов // Вопросы лексикографии. 2017. № 1. С. 80–86.

Журавлёва И.В., Лакомова Н.В. Региональные особенности отношения подростков к здоровью и окружающей среде // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8 № 4. С. 88–104. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7658.

References

Bessant, J. (2001), The question of public trust and the schooling system, *Australian Journal of Education*, vol. 45, August, pp. 207–226.

Guthrie, J. and Parker, L. (1997), Editorial: Celebration, reflection and a future: a decade of AAAJ, *Auditing & Accountability Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 3–8.

Epifancev, T.N. and Krjukov, A.V. (2017), Transformation of cultural codes, *Russian Journal of Lexicography*, no. 5, pp. 80–86.

Zhuravleva, I.V. and Lakomova, N.V. (2020), Regional Features of the Attitude of Adolescents to Health and the Environment, *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika = Sociological Science and Social Practice*, vol. 8, no 4, pp. 88–104, DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7658.

Submitted: _____

Revised: _____

Accepted: _____

